

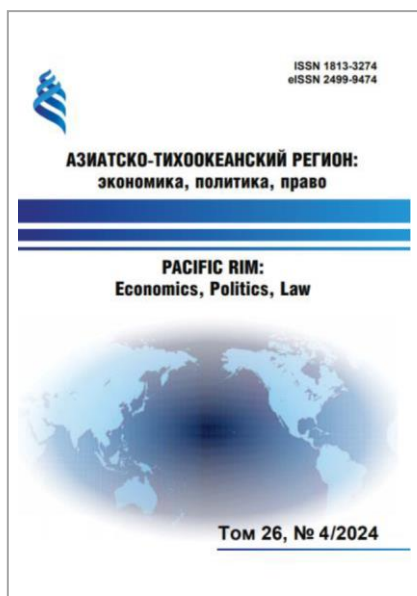
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Научный журнал

Учредитель и издатель:

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016.

Подписной индекс 83612.

Включён в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Индексируется в базах данных РИНЦ, Киберленинка, Google Scholar, Publons, Ulrich's Periodicals Directory.

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, Приморский край,
г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10

Адрес редакции:

690922, Приморский край, г. Владивосток, остров
Русский, п. Аякс, д. 10, кампус ДВФУ, корп. А (24),
к. А920-923

Подписано в печать 20.12.2024.
Тираж 500 экз. Заказ 000.
Дата выхода в свет 00.00.2024.
Цена свободная

Редактор *Е.Л. Ефремова*
Перевод на английский язык *Н.В. Бетанкурт*
Редактор References *Т.В. Поликарпова*
Компьютерная верстка *Г.П. Писаревой*

ISSN 1813-3274 (print) ISSN 2499-9474 (online)
DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274>

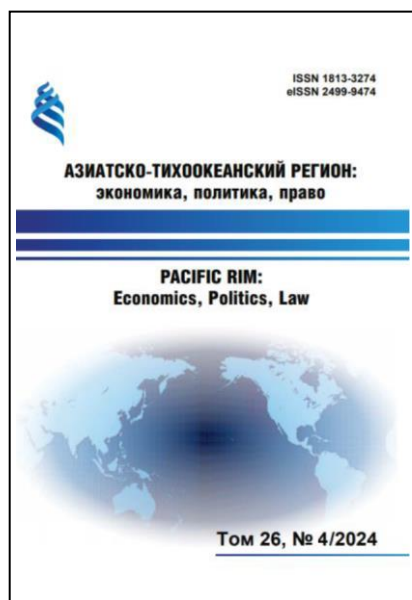
Vol. 26
No. 4
2024

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Scientific Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Printed by the printing house of the
Far Eastern Federal University
Publishing House
690091, Vladivostok, 10 Pushkinskaya str.

Signed for publication 20.12.2024.
The circulation is 500 copies. Order 000.
Release date 00.00.2024.
The price is free.

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. ФС 77-65746 dated 20.05.2016.

The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.

The Journal is indexed in the Russian Index of Science Citation, Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A, office A920–923

Editor *E.L. Efremova*

Translation into English by *N.V. Betancourt*

References editor *T.V. Polikarpova*

Computer layout *G.P. Pisareva*

Главный редактор журнала

КОРОБЕЕВ заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация
Александр Иванович

Заместители главного редактора

ГАВРИЛОВ заведующий кафедрой международного публичного и частного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация
Вячеслав Вячеславович

МАМЫЧЕВ профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация
Алексей Юрьевич

Ответственный секретарь

КОРОЧЕНЦЕВ профессор департамента общей и экспериментальной физики Института наукоемких технологий и передовых материалов Дальневосточного федерального университета, доктор физико-математических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация
Владимир Владимирович

Редакционная коллегия

БАКЛАНОВ академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН, доктор географических наук, Владивосток, Российская Федерация
Пётр Яковлевич
БЕЛКИН советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация
Виктор Григорьевич

ВАНДЕРХЗВААГ директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
Дэвид

ВОЛЫНЧУК ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация
Андрей Борисович

ВОТИНЦЕВА член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Людмила Ивановна

ЖАРИКОВ профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация
Евгений Прокофьевич

КАПУСТИН научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Анатолий Яковлевич

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич	судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация
КОШЕЛЬ Алексей Сергеевич	проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доктор юридических наук, доцент, Москва, Российская Федерация
КУРИЛОВ Владимир Иванович	член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация
ЛИ Ик Хён	вице-президент Университета Моквон, Тэджон, Республика Корея
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация
ПАК Ноенг	профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
ПАНОВА Инна Викторовна	профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Российская Федерация
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация
РОГОВ Игорь Иванович	заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан
СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Российская Федерация
ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Российская Федерация
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russian Federation

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Chair of Department of International Public and Private Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Professor of Department of General and Experimental Physics, Institute of High Technologies and Advanced Materials, Far Eastern Federal University, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Editorial Board

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russian Federation

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russian Federation

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Lyudmila I. Votintseva Professor of Department of Modern Banking, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg, Russian Federation

Evgeny P. Zharikov Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russian Federation

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russian Federation

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Alexey S. Koshel** Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russian Federation
- Vladimir I. Kurilov** Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Ik Hyeon Rhee** Vice President, Mokwon University, Daejeon, the Republic of Korea
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Park Nohyoung** Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the School of Law of Far Eastern Federal University
- Inna V. Panova** Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics", Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russian Federation
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Igor I. Rogov** Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan
- Sergey V. Sevastyanov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Olga A. Tretyak** Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russian Federation
- Fu Kuen-chen** Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
- Huang Daoxiu** Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Professor, Beijing, People's Republic of China

Содержание

К читателям журнала.....	8
ЭКОНОМИКА	13
Елпашев С.Ю. Экономические особенности развития коррупции в России	13
Макеева С.Б. Особенности пространственного и экономико-демографического развития китайского города Хэйхэ	30
Левкина Е.В. Взаимосвязь критериев эффективности и экономической безопасности на мезоуровне (на примере рыбохозяйственного комплекса Приморского края).....	44
Атастырова А.А., Ренина И.Б., Сидорова Н.Г., Сидоров Д.Е. Национальное наследие как фактор роста инновационного потенциала компании	60
ПОЛИТИКА	75
Базжина В.А., Зигангирова Э.Р. Миграционная политика Российской Федерации как угроза миграционному потоку из Китая	75
Ле Хуинь Дык, Нгуен Тхи Тхыонг, До Тхи Ван Фьонг. Роль государства в развитии: концепция «государства развития» (опыт Вьетнама).....	90
Лю Цзинюань. Визиты президента России в КНДР и Вьетнам: новые коннотации российской политики «поворота на Восток».....	103
Киселёв К.К., Бадмаев А.С. Политические функции Банка России.....	114
ПРАВО	126
Мироненко С.Ю. Имплементация международных норм, устанавливающих ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, в уголовное законодательство Российской Федерации	126
Лебедева Е.В. О правовом статусе холдингов в Российской Федерации.....	139
Гаймалеева А.Т., Ступин П.А. О некоторых проблемах защиты прав арендатора при установлении публичного сервитута	149
Каримова Ю.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): отграничение рассматриваемого состава от смежных составов преступлений	157
Улитин И.Н. Факультативные признаки объекта преступления: место в составе преступного деяния	170
Чучаев А.И., Грачева Ю.В. Преступление, предусмотренное ст. 284 ¹ УК РФ: эволюция уголовно-правовой нормы и проблемы ее толкования	182

Contents

To the readers	8
ECONOMICS	13
Yelpashev S.Yu. Economic peculiarities of corruption development in Russia.....	13
Makeeva S.B. Features of spatial and economic-demographic development of the Chinese city of Heihe	30
Levkina E.V., Gusev E.G., Solobneva M.V. The relationship between efficiency criteria and economic security at the meso level (using the example of the fisheries complex of Primorsky Krai)	44
Atastyrova A.A., Repina I.B., Sidorova N.G., Sidorov D.E. National heritage as a factor in realizing the innovative potential of the company	60
POLITICS	75
Bazzhina V.A., Zigangirova E.R. Migration policy of the Russian Federation as a threat to the migration flow from China	75
Le Huynh Duc, Nguyen Thi Thuong, Do Thi Van Phuong. The role of the state in development: the concept of a ‘developmental state’ (experience of Vietnam)	90
Liu Jingyuan. Russian president’s visits to DPRK and Vietnam: new connotations of Russian ‘turn to the East’	103
Kiselev K.K., Badmaev A.S. Political functions of the Bank of Russia	114
LAW	126
Mironenko S.Yu. Implementation of international norms establishing responsibility for the use of prohibited means and methods of warfare into the criminal legislation of the Russian Federation	126
Lebedeva E.V. About the legal status of holdings in Russian Federation	139
Gaimaleeva A.T., Stupin P.A. About some problems of protecting the rights of the tenant when establishing a public easement	149
Karimova Yu.V. Obstruction of the legitimate professional activities of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation): delimitation of the considered composition from related crimes	157
Ulitin I.N. Optional signs of the object of a crime: place in the criminal act.....	170
Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V. A crime under Article 284 ¹ of the Criminal Code of the Russian Federation: evolution of the criminal law norm and the problems of its interpretation	182

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 30 октября 2024 года журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория,

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика,

5.2.4. Финансы,

5.2.5. Мировая экономика.

Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии,

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики,

5.5.4. Международные отношения.

Юридические науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки,

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки,

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки,

5.1.4. Уголовно-правовые науки,

5.1.5. Международно-правовые науки.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать материалы, согласно указанной рубрике, объёмом не более 20 страниц текста, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021), которые должны включать:

- УДК;
- название статьи – на русском и английском языках;
- Ф.И.О. автора (полностью), место и адрес (город и страна) его работы, учёбы – на русском и английском языках;
- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID (*без слова ORCID* в формате <https://orcid.org/...>) и (или) Researcher ID;
- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2023;
- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (10–15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;
- основной текст статьи – на русском языке (текст желательно структурировать);
- список источников (на рус. яз.), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) с обязательным указанием общего количества страниц в печатном источнике;
- полные сведения об авторе (после References): учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно.

Подписи к иллюстративному материалу необходимо приводить на русском и английском языках.

Ссылки оформляют как внутритекстовые, помещают их в квадратных скобках, например: [5] или [5, с. 18].

Авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14.

Пример оформления статьи приведён на сайте журнала в рубрике «Правила оформления статьи» (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: <https://journals.dvfu.ru/ATR>

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of November 28, 2022 the journal is included in the updated list of VAK (Higher Attestation Commission) of the following academic specialties:

Economic Sciences:

5.2.1. Economic Theory (Economic Sciences).

5.2.5. World Economy (Economic Sciences).

5.2.3. Regional and Branch Economics.

5.2.4. Finance.

Political Sciences:

5.5.2 Political Institutions, Processes, Technologies.

5.5.3. Public Administration and Sectoral Policies.

5.5.4. International Relations.

Legal sciences:

5.1.1 Theoretical and Historical Legal Sciences.

5.1.2 Public Law Sciences.

5.1.3 Private (Civil) Law Sciences.

5.1.4 Criminal Law Sciences.

5.1.5 International Legal Sciences.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

To publish an article in the journal, it is necessary to send materials, according to the specified heading, no more than 20 pages of text, designed according to the model of the journal, which should include:

- UDC;
- title of the article – in English and Russian;
- full name of the author, place and address (city and country) of his work or study – in English and Russian;
- the author's email address (without the word e-mail), ORCID and (or) Researcher ID;
- copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2023;
- abstract (200–250 words), keywords (10–15 words or word combinations) – in English and Russian;
- main text of the article (it is desirable to structure the text);
- References (BSI transliteration) with the obligatory indication of the total number of pages in the printed source;
- full information about the author (after References): academic degree and academic title, position, place of work (institution, city, country) – in English and Russian, respectively.

Links should be placed in square brackets, for example: [5] or [5, p. 18].

The author's original must be sent in electronic form, Times New Roman font, size 14.

A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric “The article design rules” (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax Bay, building D, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: journals.dvfu.ru/ATR

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 13–29.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 13–29.

ЭКОНОМИКА / ECONOMICS

Научная статья

УДК 343.35(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-4/13-29>

Экономические особенности развития коррупции в России

Сергей Юрьевич Елпашев

Забайкальский институт железнодорожного транспорта – филиал Иркутского государственного университета путей сообщения, Чита, Российская Федерация

✉ elkka64@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены проблема развития коррупции и ее последствия в России. Цель исследования – рассмотреть особенности развития коррупции в России. Методы исследования – анализ и абстракция. На основе систем оценки в области изучения уровня распространения коррупции проведена оценка развития коррупции в России. Коррупция в современной России является одним из наиболее острых и широко обсуждаемых явлений общественной жизни, формирующих угрозу национальной безопасности. Предложена система мер по сокращению коррупционной деятельности в России.

Ключевые слова: коррупция, подкуп, взятка, уровень коррупции, антикоррупционное оздоровление, моральный и профессионально-этический долг

Для цитирования: Елпашев С.Ю. Экономические особенности развития коррупции в России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 13–29.

Original article

Economic peculiarities of corruption development in Russia

Sergey Yu. Yelpashev

Transbaikal Institute of Railway Transport – Branch of Irkutsk State University of Railway Transport, Chita, Russian Federation

✉ elkka64@mail.ru

Abstract. The problem of corruption development and its consequences in Russia are considered. The aim of the study is to examine the peculiarities of corruption development in Russia. The research methods involve analysis and abstraction. The development of corruption in Russia is assessed on the basis of evaluation systems in the field of studying the corruption incidence level. Corruption in modern Russia is one of the most acute and widely discussed phenomena of public life, contributing to the formation and reproduction of threats to national security. The system of measures to reduce corruption in Russia is proposed.

Keywords: corruption, bribery, bribe, level of corruption, anti-corruption recovery, moral and professional-ethical duty

For citation: Yel'pashev S.Yu. Economic peculiarities of corruption development in Russia. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 13–29. (In Russ.).

Введение

Коррупция в России проявляется в различных формах, включая взяточничество, необоснованное обогащение, злоупотребление должностными полномочиями, а также влияние коррупции на различные аспекты бизнеса, правосудия, образования и политики.

Другими словами, определяющими признаками коррупции в России в настоящее время являются следующие:

- недостаточная прозрачность и отсутствие открытости в управлении. Недостаточная открытость процессов управления и недостаточный контроль над распределением бюджетных средств создают условия для коррупции;

- неэффективность институтов и системы сдержек и противовесов. Слабость системы сдержек и противовесов, ограниченность независимости судебной власти и слабая защита прав граждан также создают благоприятные условия для коррупции;

- вмешательство государственных чиновников в бизнес и недостаток прозрачности в экономике. Кумовство и связи между бизнесом и властью способствуют коррупции, так как могут происходить преференции и недопустимое влияние;

- недостаточное внимание к проблеме коррупции и отсутствие эффективных мер борьбы с ней.

Статья посвящена особенностям современной коррупции в России, ее масштабу и распространенности. Коррупция охватывает различные сферы общественной жизни, включая бизнес, медицину, образование, правоохранительные органы, сферу закупок государственных органов и т.д.

Также характерной чертой современной коррупции в России является ее сложившаяся системность. Это включает в себя наличие организованных структур, сложившихся практик и процедур, позволяющих коррупционным схемам функционировать на длительном временном промежутке, иногда совмещаясь с легальными деятельностью.

Во многих источниках понятие «коррупция» понимается как злоупотребление должностным положением, властью или возложенными полномочиями в целях личной выгоды или для обеспечения личных интересов. Она может проявляться через различные формы, такие как взяточничество, мошенничество, подкуп, злоупотребление властью, конфликт интересов, недостаточная прозрачность и отчетность общественных институтов и др.

Краткий обзор теоретической базы исследования

Слово «corruptio» означает «подкуп» и «коррупцию». Глагол «коррумпировать» означает «подкупать кого-либо деньгами или другими материальными товарами». В римском праве слово «corruptio» имеет значение «ломать, портить, уничтожать, повреждать, фальсифицировать, подкупать», а также «соблазн, упадок, испорченность, плохое состояние, превратность (состояние), превратность (мнений, взглядов)» [1].

А. Хайденхаймер указывал, что коррупция является предметом научного спора, в своих исследованиях он подчеркивает различие в отношении к коррупции в развивающихся странах, где само понятие появилось почти внезапно – в эпоху экономических и политических преобразований вместе со сборниками законов, и в развитых западных странах, где это понятие развивалось постепенно, эволюционно [2].

Д. Бейли, Г. Мюрдаль, Дж. Най трактовали коррупцию как выполнение государственными служащими своих обязанностей с отклонением от принятых государством норм, а также как естественное явление, сопровождающее становление рыночных отношений. А. Ван Клаверен, Н. Леффкак – как явление, сопутствующее становлению рыночных отношений в государствах, А. Фридрих – как несоответствие общественным интересам, злоупотребление служебными полномочиями в личных целях [3].

В итоге исследователи видят проблему принятия общего определения в том, что факт его принятия научным сообществом может осложнить поиск и принятие правильного аналитического решения проблемы коррупции.

Политолог М. Джонстон выделяет мысль о невозможности выработки единого определения, но обозначает основное качество коррупции – это злоупотребление должностными полномочиями и властными ресурсами с целью получения личной выгоды. Однако понятие «злоупотребление властью» и даже выгоды является предметом спора во многих обществах. При этом в конкретном обществе крайне сложно разграничить коррупционные преступления и действия, не относящиеся к коррупционным деяниям [4].

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определяет коррупцию как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде

денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Также коррупция определяется в различных международных политико-правовых документах. Одной из самых широко используемых дефиниций является определение, содержащееся в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (UNCAC), которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 2003 году.

В соответствии с UNCAC коррупция означает действия, включая взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями, отмыwanie денег, получение незаконных льгот или другие формы злоупотребления властью, которые осуществляются публичными должностными лицами или частными лицами во исполнение должностных обязанностей, а также любые другие аналогичные действия.

Другие международные документы, такие как Декларация против коррупции, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 2003 году, и международные соглашения также содержат определения коррупции, которые схожи с содержанием Конвенции ООН против коррупции [5].

Учитывая многообразие проявлений коррупции, следует обратить внимание на соответствующие системы классификации.

В литературе принято различать политическую и экономическую коррупцию, поскольку они представляют различные аспекты и формы злоупотребления властью, а именно:

1. Политическая коррупция. Этот вид коррупции связан со злоупотреблением должностными полномочиями в политической сфере. Он может включать в себя взяточничество, давление на избирателей, манипуляции с избирательными процессами, недобросовестное использование государственных ресурсов и другие формы коррупции, связанные с политической властью.

2. Экономическая коррупция. Этот вид коррупции связан со злоупотреблением в экономической сфере, таким как взяточничество при заключении деловых сделок, незаконные схемы получения прибыли, подкуп чиновников для облегчения прохождения бизнес-процедур, нечестные практики в сфере финансов и торговли, а также другие формы коррупции, связанные с экономикой.

Оба вида коррупции являются серьезными проблемами для общества, государственных институтов, бизнеса и граждан, и их искоренение является важной задачей для обеспечения справедливости, развития и устойчивости общества.

Также мы не исключаем, что существуют различия между «элитной» и «низовой» коррупцией, представляют различные аспекты и уровни коррупции в обществе. «Элитная» коррупция связана со злоупотреблением властью, политической или экономической, высокопоставленными чиновниками, бизнес-лидерами, политиками и другими членами «элиты» общества. Она может включать в себя взяточничество на

высоких уровнях, лоббирование вопреки общественным интересам, злоупотребление государственными ресурсами, закрытие глаз на финансовые преступления и другие формы коррупции, связанные с теми, кто имеет значительное влияние в обществе.

При этом «низовая» коррупция, в свою очередь, относится к злоупотреблению властью, непосредственно связанным с обычными гражданами, местными чиновниками, представителями малых и средних предприятий, а также работниками служб общественного обслуживания. Она может включать в себя мелкое взяточничество, манипуляции с лицензиями и разрешениями, неправомерные действия в сфере образования и здравоохранения, а также иные формы коррупции, связанные с повседневной жизнью и бизнес-процедурами.

Рассматривая эти два вида, мы можем сказать, что они имеют различные последствия для общества и государства, и борьба с ними требует комплексного подхода, включая меры на уровне законодательства, общественной морали, прозрачности и государственного контроля [6].

Коррупция в неправительственных организациях является серьезной проблемой, которая может нанести ущерб доверию к сектору некоммерческих организаций и их способности выполнять свою миссию, сотрудник коммерческой или государственной организации по своим обязанностям распоряжается не принадлежащими ему ресурсами, обязан следовать уставным целям своей организации, а также имеет возможность незаконного обогащения за счет действий, нарушающих интересы организации, в пользу третьих сторон, получающей от этого свою выгоду.

Коррупция в международных организациях выделяется особо, так как бюрократия в международных организациях находится под менее строгим контролем по сравнению с национальными, контролируруемыми общественными организациями своих стран, что создает благоприятную почву для совершения коррупционных преступлений. Тем самым, в силу своей специфики работы международных организаций, находится в гораздо меньшей зоне риска для участников коррупционных сделок.

Таким образом, коррупция в международном экономическом сотрудничестве проявляется при создании крупных предприятий с привлечением иностранных инвестиций, при реализации проектов и приватизации государственной собственности, при решении проблем раздела продукции и в других формах.

В результате изучения коррупции исследователи выделили три модели, которые описывают превращение коррупции в системное явление, т.е. в неотъемлемую часть политической структуры и всей общественной жизни.

Евразийская модель: коррупция – привычный и социально приемлемый культурно-экономический феномен, связанный с функционированием государства.

Африканская модель: власть продается группе крупных экономических кланов, которые договорились между собой и политическими средствами обеспечивают надежность своего существования.

Латиноамериканская модель: попустительство коррупции позволяет теневым и криминализированным секторам экономики достичь власти, соизмеримой с государственной. Правительство оказывается вовлеченным в жесткую прямую конфронтацию с мафией, которая образует «государство в государстве». Постоянная политическая нестабильность увеличивает шансы на установление диктатуры в результате борьбы с коррупцией.

К механизмам коррупции можно отнести следующие явления и практики:

1. Взятничество: предоставление денежных или материальных благ взамен за привилегии, услуги или решение какого-либо вопроса в свою пользу.

2. Лоббирование: незаконные действия, направленные на оказание влияния на законодательный или исполнительный процесс путем предоставления денежных средств или других благ для получения желаемого решения.

3. Злоупотребление должностными полномочиями: использование официального положения или власти в целях личной выгоды или материальной выгоды для себя или своих близких.

4. Недобросовестные практики в бизнесе: включают в себя вымогательство, предоставление неправомερных предложений или соглашений, нарушение конкурентных правил и другие антиконкурентные действия.

5. Незаконное обогащение: необоснованное обогащение государственных служащих, представителей власти или бизнесменов за счет государственных или общественных ресурсов.

6. Теневая экономика: формирование экономических отношений и операций, остающихся вне зоны видимости налоговых и регуляторных органов государства, что способствует неопределенности и уходу из обращения части доходов и ресурсов.

Однако, эти и другие механизмы коррупции могут серьезно повлиять на экономическое развитие, снижение доверия к государственным институтам и создать препятствия для реализации моделей экономического сотрудничества.

Методология исследования

С первых дней государственной независимости Россия целенаправленно и постепенно идет по пути создания эффективных институтов и механизмов противодействия коррупции, отвечающих международным стандартам.

Основным нормативным правовым актом Российской Федерации по противодействию коррупции является Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы», он отражает принципиальную позицию России по этому важному вопросу.

Показатель уровня коррупции в мире, «Индекс восприятия коррупции» (ИВК), составляемый международной рейтинговой организацией Transparency International

(ТИ), является одной из наиболее авторитетных систем оценки в области изучения распространенности коррупции.

С начала реализации Антикоррупционной стратегии показатели России в ИВК имеют устойчивую тенденцию к стабильности (рис. 1). Это, безусловно, отражает положительную оценку проводимой в стране политики и принимаемых комплексных антикоррупционных мер.

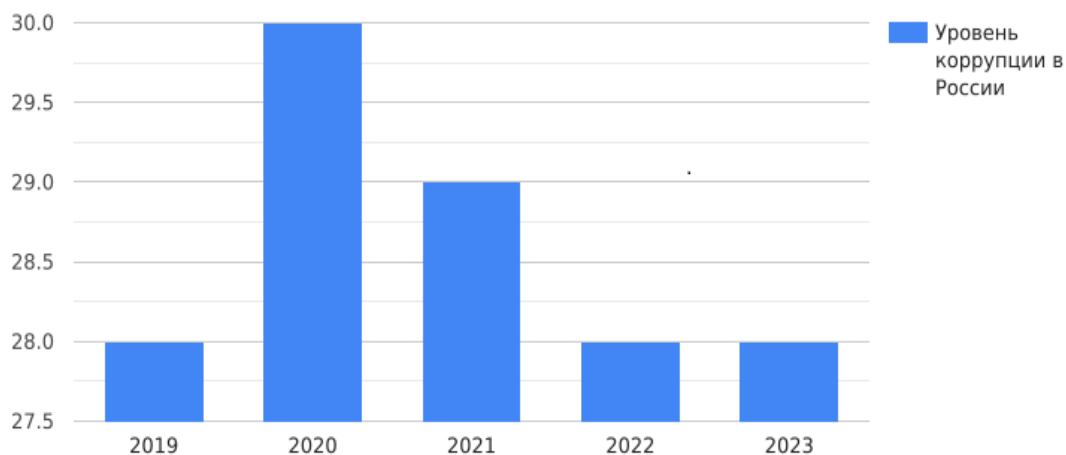

Рис. 1. Динамика изменения ИВК России за 2019–2023 гг.

Примечание: составлено автором по источнику [7].

В рейтинге стран по Индексу восприятия коррупции в 2020 году Россия улучшила свои показатели, но к 2023 году вернулась к показателям 2019 и 2022 гг. Результаты 2020 года являются лучшими для России за последние 5 лет существования рейтинга Transparency International.

Снижение позиций России в рейтинге Индекса восприятия коррупции на фоне санкционной политики западных стран и проведения специальной военной операции, а также чрезвычайной ситуации в сфере здравоохранения, силовых структур и угроз стабильности демократических институтов свидетельствует о поступательной работе страны по борьбе с коррупцией.

На сегодняшний день Россия входит в рейтинги других авторитетных международных организаций, отражающие уровень коррупции. Результаты исследований 6 рейтинговых агентств, которые использовались при расчете ИВК, приведены в табл. 1.

По мнению экспертов Transparency International, снижение позиций России в рейтинге ИВК на фоне глобального кризиса демократии, проведения специальной военной операции и санкционной политики запада свидетельствует об отрицательной динамике страны в борьбе с коррупцией и возвращении на позицию 2019 года, с учетом отвлечения многих сил и средств на проведение специальной военной операции.

Позиции России в рейтинговых агентствах в 2020 и 2022 гг.

Рейтинговые агентства	Индикатор антикоррупции	2020 г.	2022 г.
Индекс трансформации Фонда Бертельсманна	Коррупционная политика	7,65	5,27
Индекс демократии	Уровень коррупции	3,11	2,28
Рейтинги стран по версии Freedom House	Уровень коррупции	20	19
Рейтинги страновых рисков Global Insight	Риск коррупции	30	28
Индекс противодействия отмыванию денежных средств (Basel Anti-Money Laundering Index)	Взяточничество и коррупция	5,51	5,24
Индекс верховенства закона проекта «Мировое правосудие»	Отсутствие коррупции	77	90
Ежегодник мировой конкурентоспособности IMD	Борьба с коррупцией	10	8
Примечание: составлено автором по источникам [7–13].			

Большинство организаций, на исследованиях которых базируется ИЦ, неудовлетворительно оценили усилия России по борьбе с коррупцией за последний год. Согласно последним результатам, за период с 2020 по 2022 г. Россия ухудшила процентильный ранг с 55 до 64,29 в рейтинге World Justice Project (отсутствие коррупции). Также если сравнивать Россию в World Justice Project (отсутствие коррупции) среди стран постсоветского пространства на 2023 год, то Россия (92) уступает таким странам, как Казахстан (63), Грузия (33), Узбекистан (66), Белоруссия (60), но не уступает Украине (118), Киргизской Республике (130) [14].

Падение ранга во многом характеризует слабую антикоррупционную политику, из-за создающейся в настоящее время санкционной политики запада и проведения специальной военной операции, в связи с этим необходимо создать эффективные институты и антикоррупционные механизмы, отвечающие международным стандартам.

По мнению экспертов, при дальнейшем совершенствовании правовой системы страны особая роль должна отводиться профилактике коррупционных правонарушений в органах исполнительной и судебной власти, повышению эффективности расследований и увеличению скорости рассмотрения дел.

В международной практике, помимо вышперечисленных рейтинговых методик, существует достаточно большое количество исследований, оценивающих уровень коррупции. Например, Индекс трансформации Международного фонда Бертельсманна (Германия), Индекс демократии исследовательского центра The Economist

Intelligence Unit (Великобритания), исследование «Обзоры предприятий» Всемирного банка и др.

В целом исследования, проводимые в рамках международных рейтингов, дают представление о распространенности коррупционных практик в стране и могут быть применены для анализа ситуации с коррупцией в различных странах в сравнительной перспективе.

В этих условиях эффективным инструментом оценки коррупционных рисков является организация и проведение мониторингового исследования коррупционных практик населения и представителей местного бизнеса. Проведение ситуационного исследования на систематической основе даст возможность проследить динамику изменения ситуации во времени. А использование регионального подхода позволит не только выявить степень вовлеченности населения в коррупцию в регионах, но и понять, существуют ли особенности и дифференциация коррупционных практик в зависимости от территориальных условий, и ответить на вопрос, нужен ли регионально ориентированный подход при реализации антикоррупционной политики.

Результаты исследования

Борьба с коррупцией стала одним из приоритетных направлений деятельности международных организаций, а также политиков и ученых на глобальном уровне. В связи с этим необходимо на международном уровне активно обмениваться информацией о коррупционных схемах и преступлениях, обеспечивать взаимную юридическую помощь и сотрудничать в расследовании и привлечении виновных к ответственности.

В борьбе с коррупцией важны прозрачность и открытость процессов принятия решений. Механизмы государственного управления, закупок и финансовых операций должны быть доступными для общественного контроля. Раскрытие информации о финансовых потоках, доходах и имуществе госслужащих помогает предотвратить злоупотребление полномочиями и разоблачить коррупционные схемы. Все это невозможно без эффективной антикоррупционной политики государства. Система мер по снижению уровня коррупции представлена на рис. 2.

Большинство коррупционных действий происходит при личном взаимодействии с заинтересованными лицами, поэтому необходимость сокращения масштабов личных контактов чиновников с представителями юридических лиц и гражданами, относящимися к представителям коммерческих организаций, является сегодня приоритетной.

Необходимо создание цифровых порталов для граждан России с личным кабинетом, содержащим необходимый функционал для доступа к государственным услугам и электронному документообороту, что позволит пользователю через свой личный кабинет получить соответствующие услуги и документы в режиме реального времени и отследить их в любой момент.

Рис. 2. Система мер по снижению масштабов коррупционной деятельности

При использовании таких цифровых порталов уменьшится время отклика на вопросы граждан, улучшится государственное управление в социальной сфере, в том числе ослабнет давление бюрократической системы.

Кроме того, будет обеспечена устойчивая прозрачность и бесконтактность общения потребителей и юридических лиц государственных услуг с чиновниками, что позволит снизить коррупционные риски.

В настоящее время подобная практика хорошо себя зарекомендовала в зарубежных странах, она показала, что использование информационно-телекоммуникационных технологий при проведении расследований создает значительную экономию средств, времени и больших финансовых ресурсов для проведения эффективных расследований.

В нашей стране подобный опыт реализуется с мая 2018 года, когда была утверждена государственная программа (портал государственных услуг) по ускоренному внедрению цифровых технологий в экономике и социальной сфере и обеспечения¹.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в том числе с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством Российской Федерации сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 № 7.

Ее цель – повышение качества жизни и создания условий перехода на цифровую экономику будущего.

В связи с этим появляется новая задача по организации анализа данных, которая позволила бы выявлять и пресекать коррупционные сделки, получать представление о поведении коррупционеров и реальных коррупционных связях, а в последующем привлекать технологии искусственного интеллекта по выявлению реализации коррупционных сделок, контролировать поведение предполагаемых участников коррупционных схем и тем самым противодействовать развитию коррупции.

Появление глобальной сети изменило всю систему разоблачений, кардинально поменяло их форму, процедуру и «целевую аудиторию». Технологии эволюционировали, открыв новый слой общества, для которого разоблачение (публикация фактов, размещение видеоролика и т.д.) стало делом «пяти минут». Теперь быть уличенным в коррупционной деятельности можно из любой точки мира, в том числе из дома, без необходимости непосредственного общения с нежелательными людьми.

В настоящее время использование Интернета в качестве инструмента для служебных разоблачений, по мнению большинства пользователей и критиков, становится все более популярным и эффективным, поскольку глобальная сеть чрезвычайно доступна и распространяется на политику, правоохранительные органы и гражданское общества по всему миру [14].

Международная организация Transparency International, занимающаяся борьбой с коррупцией, советует использовать социальные сети и различные мобильные приложения как способ сбора и распространения информации о фактах коррупции.

Ведь сегодня социальные сети являются наиболее важным каналом связи с обществом. Правоохранительные органы и органы исполнительной власти должны вести активную информационную работу на своих электронных платформах в рамках противодействия коррупции.

Также для борьбы с коррупцией необходимо установить четкие правила и нормы, которые будут контролировать поведение государственных служащих и представителей бизнеса. Определение четких процедур и прозрачности в принятии решений, а также независимое аудиторское сопровождение финансовых операций являются основными составляющими успешной борьбы с коррупцией.

Важно также включить образование и информирование общества в этот процесс. Чтобы достичь полной эффективности, необходимо обеспечить осведомленность о правах и обязанностях граждан, вызвать у них осознанное отношение к коррупции и поддерживать культуру честности и этической ответственности.

Таким образом, цифровизация только в сочетании с антикоррупционными мерами и образованием может стать эффективным инструментом для решения проблемы коррупции и обеспечения прозрачности в современном обществе.

Анализируя борьбу с коррупцией в истории, мы видим, что демонстрация показательных «казней» единичных недобросовестных чиновников и невыработанная единая методика по обеспечению этики кадрового корпуса государственной службы не дают ожидаемых результатов, а успех реализации принятых нормативно-правовых актов в сфере профессиональной этики зависит от способности государства управлять различными организационными структурами, действующими в этой сфере, координировать их деятельность, регулировать, контролировать и направлять процесс формирования нравственной культуры кадрового корпуса государственной службы. В связи с этим имеется необходимость создания системы управления нравственными аспектами на государственной службе.

Управление нравственными отношениями на государственной службе является составной частью управления государственной службой, которая включает в себя структуру, процессы и механизмы, направленные на решение следующих задач: поиск и отбор кадров, оценка их этических качеств, обеспечение профессионального развития и формирование мотивации сотрудников, а также контроль за соблюдением требований профессиональной этики и законодательства. Все эти аспекты существенно влияют на эффективность и результативность государственной службы, поскольку они способствуют созданию этической рабочей среды и повышению качества предоставляемых государством услуг.

Для формирования навыков антикоррупционного поведения у государственных служащих и кандидатов на должности в государственной и муниципальной службе требуется осознанно принять на себя моральные обязательства, ограничения и запреты как в процессе поступления на службу, так и в ходе ее осуществления.

Моральный и профессионально-этический долг каждого государственного служащего является частью системы: он должен служить народу и заботиться о благополучии общества. Они обладают уникальными возможностями и полномочиями, которые должны использоваться только в интересах государства и его граждан, а не для получения личных выгод. Поэтому важно, чтобы государственные служащие осознавали свою ответственность и руководствовались высокими моральными принципами и ценностями. Они должны не только соблюдать антикоррупционные нормы и правила, но и проявлять активную позицию в борьбе против коррупции. Необходимо осознавать и понимать, какие негативные последствия могут возникнуть для государственной службы, общества и государства в результате таких коррупционных деяний.

Специальные правила этики служащих формулируются в различных кодексах этики и служебного поведения. Такие кодексы могут закреплять как общие ценности, принципы и правила поведения, так и специальные, направленные на регулирование поведения в определенных сферах [15].

В зависимости от содержания и значимости в правовой системе государства можно выделить классификацию способов воздействия на этические и моральные основы поведения государственных служащих, на соблюдение запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупцией:

1. Императивный легализованный способ воздействия на формализованные этические и моральные основы поведения государственных служащих в случае их закрепления на законодательном уровне и обеспечения соблюдения соответствующих мер юридической ответственности (запреты, ограничения и требования к служебному поведению, установленные в законах о противодействии коррупции, о государственной гражданской службе, о муниципальной службе и других законодательных актах). В этом случае соответствующие этические и моральные нормы, по сути, приобретают статус правовых норм со всеми вытекающими отсюда последствиями.

2. Рекомендательный узаконенный способ воздействия формализованных этических и моральных основ на антикоррупционное поведение государственных служащих, который заключается в установлении обязанности соблюдать моральные нормы, закрепленные в различных рекомендательных документах по профессиональной этике государственных служащих, в том числе в этических кодексах.

3. Рекомендация является нелегальным способом воздействия на неформализованные («неписанные») этические и моральные устои, на антикоррупционное поведение государственных служащих, который заключается в воздействии на моральные устои сознания служащего на его повседневную профессиональную деятельность. Соблюдение этих неписанных этических и моральных норм полностью зависит от воли их носителя, а ответственность за их несоблюдение относится к области внутренних моральных переживаний [16].

Заключение

Таким образом, в зависимости от используемых технологий в борьбе с коррупцией, методы их воздействия на морально- и профессионально-этические основы поведения государственных служащих можно разделить на традиционные и цифровые. Естественно, что к традиционным методам относится принятие нормативно-правовых, правовых актов и рекомендательных документов, проведение профилактических и обучающих мероприятий. Метод цифровизации включает публикации на открытых официальных электронных порталах деклараций о доходах, закупки для государственных нужд, аукционы и т.д., для того чтобы достичь максимальных результатов моральных и этических норм по соблюдению антикоррупционных запретов, ограничений и требований, необходимо обеспечить использование указанных методов в полном объеме и в одной системе.

На базах государственной и муниципальной службы должны быть созданы организационные условия для соблюдения морально-этических требований к борьбе

с коррупцией. В нее должны включаться единство моральных и этических принципов, стабильность государственной и муниципальной службы, правовая и социальная защищенность государственного служащего, а также соизмеримые правовые, социальные ограничения и гарантии, представляемые государственным служащим.

Учитывая повадки современного общества, необходимо повышать роль этических и моральных норм в обеспечении соблюдения государственным служащим антикоррупционных запретов, ограничений и требований. Это не только способствует эффективной борьбе с коррупцией, но и влияет на общественное доверие к государственным органам.

Прежде всего, необходимо разрабатывать и внедрять этические кодексы и стандарты поведения для государственных служащих. Эти документы должны содержать четкие принципы и нормы, ориентированные на предотвращение коррупции и поддержку прозрачности и ответственности в государственном аппарате. Получение обязательного обучения по этим этическим нормам должно стать обязательным шагом на пути к службе в государственных учреждениях.

Кроме того, следует осуществлять систематическую проверку на соответствие отдельных государственных служащих антикоррупционным нормам и требованиям. Это поможет обнаружить потенциальных нарушителей и предотвратить коррупционное поведение на самых ранних стадиях. Для усиления эффективности этой системы важно внедрить механизмы анонимного сообщения о фактах коррупции, которые будут надежно защищать информаторов, а также обеспечивать независимое и беспристрастное расследование предоставленной информации.

Помимо этого, государственные служащие должны быть осведомлены о возможных последствиях нарушения антикоррупционных запретов и ограничений. Строгость и неотвратимость взысканий за коррупцию должны служить отличными превентивными мерами для сотрудников государственных органов. Практика публичного разглашения фактов нарушений и их последствий может стать мощным средством давления на потенциальных нарушителей и содействовать установлению нормальных и этических стандартов поведения.

Наконец, важно создать механизмы для включения общественности и масс-медиа в контроль за соблюдением антикоррупционных запретов и требований государственным служащим. Организация регулярной и публичной отчетности, проведение мониторинга деятельности и публикация результатов являются важными шагами в стимулировании прозрачности и открытости в государственном управлении.

В целом, повышение роли этических и моральных норм в обеспечении соблюдения антикоррупционных запретов, ограничений и требований государственным служащим является неотъемлемой частью борьбы с коррупцией и формирования

развитого гражданского общества. Только через этичный и прозрачный государственный аппарат мы сможем создать условия для роста благосостояния и доверия граждан к власти.

Список источников

1. Фиалковская И.Д. Противодействие коррупции как цель контрольно-надзорной деятельности в государственном управлении: зарубежный опыт // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства». Нижний Новгород, 2015. С. 477–484.
2. Heidenheimer A.J. Perspectives on the perception of corruption // Political corruption: concepts and contexts / ed. by A.J. Heidenheimer, M. Johnston. 3rd ed. New Jersey: New Brunswick, 2007. P. 139–154.
3. Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 441 с.
4. Johnston M. Syndromes of corruption. Wealth, power and democracy. New York: Cambridge University Press, 2005. 267 p.
5. Иренская Л.Ф. Методы оценки качества государственного управления // Молодой ученый. 2017. № 16. С. 261–264.
6. Черногор Н.Н., Залоило М.В., Иванюк О.А. Роль этических и нравственных норм в обеспечении соблюдения запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции // Журнал российского права. 2017. № 9 (249). С. 130–141. DOI: https://doi.org/10.12737/article_599d74428a0cb8.57783439.
7. Corruption Perceptions Index // Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Corruption_Perceptions_Index.
8. Journalism is a public good: World trends in freedom of expression and media development. Global report 2021/2022. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380618>.
9. Рейтинг стран мира по индексу демократии 2020 // Тюлягин. Об экономике, инвестициях, технологиях и будущем. URL: <https://tyulyagin.ru/ratings/rejting-stran-mira-po-indeksu-demokratii.html>.
10. Индекс демократии // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Индекс_демократии.
11. Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/country/russia/freedom-world/2022>.
12. Basel AML Index 2022: 11th Public Edition. Ranking money laundering and terrorist financing risks around the world. URL: <https://baselgovernance.org/publications/basel-aml-index-2022>.
13. World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/interactive-data-access>.

14. World justice project. URL: <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/global/2023/United%20States/Absence%20of%20Corruption/historical>.

15. Шувалова Н.Н. Управление нравственными отношениями в системе государственной службы: ориентация на успех // *Право и управление*. XXI век. 2013. № 2 (27). С. 41–48.

16. Костенков М.В., Куракин А.В., Ватель А.Ю. Антикоррупционные и этические стандарты служебного поведения государственных служащих // *Полицейская и следственная деятельность*. 2014. № 2. С. 52–76.

References

1. Fialkovskaya I.D. Protivodeistvie korruptsii kak tsel' kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti v gosudarstvennom upravlenii: zarubezhnyi opyt [Anti-corruption as a goal of control and oversight activities in public administration: foreign experience]. In: *Materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye voprosy kontrolya i nadzora v sotsial'no znachimykh sferakh deyatel'nosti obshchestva i gosudarstva»* [Proceedings of the I All-Russian Scientific and Practical Conference “Topical issues of control and oversight in socially important areas of society and the state”]. Nizhny Novgorod, 2015, pp. 477–484.

2. Heidenheimer A.J. Perspectives on the perception of corruption. In: Heidenheimer A.J., Johnston M. (eds.). *Political corruption: concepts and contexts*. 3rd ed. New Jersey: New Brunswick, 2007, pp. 139–154.

3. Golik Y.V., Karasev V.I. Korruptsiya kak mekhanizm sotsial'noi degradatsii [Corruption as a mechanism of social degradation]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2005. 441 p.

4. Johnston M. Syndromes of corruption. Wealth, power and democracy. New York: Cambridge University Press, 2005. 267 p.

5. Irenskaya L.F. Metody otsenki kachestva gosudarstvennogo upravleniya [Methods for assessing the quality of public administration]. *Molodoi uchenyi*, 2017, no. 16, pp. 261–264.

6. Chernogor N.N., Zaloilo M.V., Ivanyuk O.A. The role of ethical and moral norms in ensuring compliance with prohibitions, restrictions and requirements established to counter corruption. *Journal of Russian Law*, 2017, no. 9 (249), pp. 130–141. DOI: https://doi.org/10.12737/article_599d74428a0cb8.57783439.

7. Corruption Perceptions Index. *Wikipedia. The Free Encyclopedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Corruption_Perceptions_Index.

8. Journalism is a public good: World trends in freedom of expression and media development. Global report 2021/2022. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380618>.

9. Rating of the world countries by democracy index 2020. *Tyulyagin. About economy, investments, technologies and the future*. URL: <https://tyulyagin.ru/ratings/rejting-stran-mira-po-indeksu-demokratii.html>. (In Russian).

10. Democracy Index. *Wikipedia. Free encyclopedia*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Index_democracy.
11. Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/country/russia/freedom-world/2022>.
12. Basel AML Index 2022: 11th Public Edition. Ranking money laundering and terrorist financing risks around the world. URL: <https://baselgovernance.org/publications/basel-aml-index-2022>.
13. World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/interactive-data-access>.
14. World justice project. URL: <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/glo-bal/2023/United%20States/Absence%20of%20Corruption/historical>.
15. Shuvalova N.N. Upravlenie npravstvennymi otnosheniyami v sisteme gosudarstvennoi sluzhby: orientatsiya na uspekhi [Management of moral relations in the system of public service: orientation on success]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2013, no. 2 (27), pp. 41–48.
16. Kostenkov M.V., Kurakin A.V., Vatel A. Yu. Antikorrupcionnye i eticheskie standarty sluzhebnogo povedeniya gosudarstvennykh sluzhashchikh [Anti-corruption and ethical standards of official behavior of civil servants]. *Politseiskaya i sledstvennaya deyatel'nost'*, 2014, no. 2, pp. 52–76.

Информация об авторах / Information about the authors

С.Ю. Елпашев – старший преподаватель кафедры электроснабжения, Забайкальский институт железнодорожного транспорта – филиал Иркутского государственного университета путей сообщения (Чита, Российская Федерация).

✉ lkka64@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7504-0371>

S.Yu. Elpashev – Senior Lecturer, Department of Electrical Supply, Transbaikal Institute of Railway Transport, Irkutsk State University of Railway Transport (Chita, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 20.06.2024;

одобрена после рецензирования / revised 29.10.2024;

принята к публикации / accepted 22.11.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 30–43.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 30–43.

Научная статья

УДК 911.37(518.3-21):330.34

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-4/30-43>

Особенности пространственного и экономико-демографического развития китайского города Хэйхэ

Светлана Борисовна Макеева

Московский государственный университет технологий и управления
им. К.Г. Разумовского, Москва, Российская Федерация

✉ msbmag9581@yandex.ru

Аннотация. Тренд на высококачественное развитие различных сфер китайского общества получает распространение применительно к пограничным районам в рамках современной модели управления границами, в которой сочетается обеспечение безопасности и экономическое усиление. Ведущая роль отводится экономическому росту городов на границе и привлечению жителей из внутренних китайских регионов к проживанию в приграничной территории. Целью работы является определение влияния пространственных, экономических и демографических факторов на развитие территории приграничного с Россией северо-восточного города Хэйхэ в рамках обновленной стратегии регионального скоординированного развития и стратегии преобразования приграничных районов. В ходе исследования использовались системный метод, позволивший выявить закономерности пространственного развития приграничного города Хэйхэ, и статистический метод, способствовавший рассмотрению количественных признаков экономического и демографического развития Хэйхэ. В статье обращается внимание на то, что пространственно-экономическое развитие приграничного Хэйхэ основывается на формировании инновационного промышленного центра, модернизированной аграрной базы, территории «открытости» в Северо-Восточной Азии с развитой транспортной инфраструктурой. Обосновано, что возрождение города Хэйхэ происходит за счет преобразований сельскохозяйственного комплекса и горнодобывающей промышленности с внедрением высокотехнологичных инноваций. Ведущая роль отводится расширяющемуся с каждым годом китайско-российскому сотрудничеству. Все стратегические проекты Хэйхэ зависят от эффективного решения таких демографических проблем, как сокращение численности жителей города, отток населения в другие регионы и старение населения. Материалы статьи могут быть использованы российскими органами власти в

сфере развития приграничных с Китаем территорий, а также служить основой для дальнейших исследований по данной тематике.

Ключевые слова: Китай, Северо-Восточный регион, приграничная территория, город Хэйхэ, стратегическое возрождение, экономико-демографическая политика

Для цитирования: Макеева С.Б. Особенности пространственного и экономико-демографического развития китайского города Хэйхэ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 30–43.

Original article

Features of spatial and economic-demographic development of the Chinese city of Heihe

Svetlana B. Makeeva

Moscow State University of Technology and Management named after
K.G. Razumovsky, Moscow, Russian Federation

✉ msbmag9581@yandex.ru

Abstract. The trend for high-quality development in various areas of Chinese society is spreading to border areas under the modern border management model that combines security and economic empowerment. The leading role is given to the economic growth of cities on the border and attracting residents from internal Chinese regions to live in the border area. The purpose of the work is to determine the influence of spatial, economic and demographic factors on the development of the territory of the northeastern city of Heihe, bordering Russia, within the framework of the updated strategy for regional coordinated development and the strategy for transforming border areas. The study used a systematic method, which made it possible to identify patterns of spatial development of the border city of Heihe, and a statistical method, which contributed to the consideration of quantitative characteristics of the economic and demographic development of Heihe. The article draws attention to the fact that the spatial and economic development of border Heihe is based on the formation of an innovative industrial center, a modernized agricultural base, and a territory of ‘openness’ in Northeast Asia with a developed transport infrastructure. It is substantiated that the revival of the city of Heihe is due to transformations of the agricultural complex and mining industry with the introduction of high-tech innovations. The leading role is given to Chinese-Russian cooperation, which is expanding every year. All strategic projects of Heihe depend on the effective solution of such demographic problems as the reduction in the city's population, the outflow of population to other regions and the aging population. The materials of the article can be used by Russian authorities in the development of territories bordering China, and also serve as the basis for further research on this topic.

Keywords: China, Northeast region, border area, Heihe city, strategic revival, regional economic and demographic policy

For citation: Makeeva S.B. Features of spatial and economic-demographic development of the Chinese city of Heihe. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 30–43. (In Russ.).

Введение

В ходе реализации в Китайской Народной Республике с 2012 г. обновленной стратегии скоординированного развития Восточного, Западного, Центрального и Северо-Восточного регионов особое место уделяется приграничной территории. В северо-восточной провинции Хэйлуцзян на границе с Россией расположен город Хэйхэ, который подвергается значительным преобразованиям в ходе проведения китайской политики «открытости» на северо-востоке и возрождения старой промышленной базы. Стратегическое положение города Хэйхэ никогда не было более заметным, чем в настоящее время в условиях многократного увеличения темпов сотрудничества Китая и России. Исследование специфики развития приграничного Хэйхэ позволяет оценить масштабы реформирования китайской приграничной территории, чтобы учитывать данные факторы при моделировании в России пространственного развития Дальнего Востока и векторов будущего российско-китайских отношений.

Отдельные проблемы экономического развития Северо-Восточного региона КНР исследуются китайскими учеными. Проблемы развития сельского хозяйства провинции Хэйлуцзян рассматриваются китайскими исследователями [1; 2]. Аспекты экономического развития приграничного города Хэйхэ в основном рассматривают китайские ученые [3; 4].

Цель работы – проследить влияние пространственных, экономических и демографических факторов на развитие территории приграничного с Россией северо-восточного города Хэйхэ в рамках стратегии преобразования приграничных районов.

Основными методами исследования при написании статьи являлись системный, позволивший выявить закономерности пространственного, экономико-демографического развития приграничного города Хэйхэ; статистический метод способствовал рассмотрению количественных признаков экономического и демографического развития Хэйхэ.

Стратегия КНР по развитию приграничных территорий

Протяженность линии сухопутной границы КНР составляет 22 800 км, из них 4209 км – это общая граница с Россией. В течение длительного времени функция китайских приграничных районов заключалась только в обеспечении защиты территории. Тренд на высококачественное развитие различных сфер китайского общества получает распространение применительно к пограничным районам в рамках совре-

менной модели управления границами, в которой сочетается обеспечение безопасности и экономическое усиление. Это находит отражение в стратегии развития приграничных территорий, разработанной китайским правительством и представленной 16–22 октября 2022 г. на 20-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. В современных условиях сложной международной обстановки и продолжающегося китайского курса экономических реформ и модернизации стратегические цели устойчивого развития пограничных районов достигаются за счет оптимизации промышленной инфраструктуры, инновационных экономических преобразований, улучшения социально-культурной сферы, продвижения политики «открытости», возрождения сельских поселений на границе, экоцивилизационного строительства. Ведущая роль отводится экономическому усилению городов на границе и привлечению жителей из внутренних китайских регионов к проживанию в пограничных районах. Особое внимание уделяется торгово-экономическому сотрудничеству с соседними государствами. Поэтому стратегические задачи по развитию приграничной территории связаны со строительством современных переходов и торговых пунктов в поселениях на границе.

В 2024 г. опубликован «Отчет о развитии приграничной территории КНР за 2023 г.», подготовленный китайским Научно-исследовательским институтом по изучению приграничных районов Китайской академии общественных наук. Анализ данного документа показывает, что для приграничных территорий КНР характерны такие проблемы, как суровые климатические условия, социально-экономическая отсталость, преобладание сырьевой промышленности, отсутствие крупнейших предприятий, высокая доля сельского населения. Большая часть китайской приграничной территории обширная и малонаселенная, что оказывает влияние на увеличение государственных затрат по социально-экономическому развитию этой части Китая.

Для решения перечисленных проблем правительственные органы КНР стремятся совершенствовать строительство инфраструктуры в приграничных территориях, уделяя особое внимание транспортно-логистической системе, объектам водоснабжения и электроснабжения. Развитие приграничных северо-западных, западных и северо-восточных районов является одним из направлений реализации крупного китайского проекта «Один пояс – один путь». Это придает особое значение ускорению строительства железных и автомобильных дорог, гражданской авиации, водного транспорта в приграничных территориях, что способствуют дальнейшему межрегиональному сотрудничеству Китая с соседними странами. Кроме того, преобразования пограничных районов включены в общегосударственные проекты по борьбе с бедностью, повышению уровня жизни людей, совершенствованию сферы образования, занятости, медицинского обслуживания, оптимизации бизнес-среды, углублению внутренних межрегиональных связей, продвижению промышленной модернизации. Китайское правительство проводит специальную региональную политику в финансово-

налоговой сфере по стимулированию развития выгодных отраслей промышленности и строительству зон свободной торговли в приграничных территориях.

В каждом населенном пункте, расположенном на границе Китая с соседними государствами, проводится работа по территориальному планированию, разработке и реализации проектов в экономико-демографической сфере, что подчеркивает значимость приграничных поселений для китайского общества. Распространено утверждение, что пограничные районы – это территория «открытости» внешнему миру, своеобразное окно демонстрации силы и имиджа страны, а также важная стратегическая региональная линия и барьер.

Стратегия пространственного развития приграничного с Россией китайского города Хэйхэ

Одним из приграничных с Россией китайских северо-восточных городов является Хэйхэ. Данный город общей площадью 68 726 км² объединяет городской район Айхуэй, городские уезды Бэйань и Удаляньчи, Нэньцзян, Сунью, Сюнькэ, а также 34 волости и 567 сельских поселений. С 2021 г. в Хэйхэ реализуется Генеральный план пространственно-территориальных преобразований, рассчитанный на 2021–2035 гг. Основой регионального развития города выступает стратегический вектор «Две страны и три местности, российско-китайские ворота, открытость Хэйхэ», который подчеркивает преимущества приграничного положения Хэйхэ. Анализ Генерального плана пространственно-территориального развития данного города позволяет выделить ключевые направления стратегических преобразований.

Первым направлением выступает стратегический вектор промышленного развития «Сельское и лесное хозяйство – основа, свободная торговля – ведущее направление, энергетика – помощь». В рамках этого вектора преобразования ориентированы на строительство в Хэйхэ современной высококачественной промышленной системы «3315», которая включает в себя «три основных промышленных кластера» (добыча и переработка полезных ископаемых, производство сельскохозяйственной и лесной продукции, новая энергетика) и «три основные выгодные отрасли» (культура, туризм и здравоохранение).

Стратегический вектор пространственных преобразований «Одновременное комплексное планирование города и уездов, региональное взаимодействие, интеграция промышленности и городской среды» предполагает создание крупного модернизированного индустриального центра на границе с Россией. Генеральный план пространственно-территориальных преобразований Хэйхэ в редакции от 2021 г. содержит описание новой модели агломерационных изменений «Одна ось, два пояса, три центра, расширяющиеся трансграничные и межрегиональные связи», где «одна ось» – линия городского развития вдоль скоростной автомагистрали Цзилинь – Хэйлунцзян и железной дороги Бэйхэ – Хэйлунцзян, «два пояса» – приграничный пояс

экономического развития и юго-западный пояс городского развития, «три центра» – центральный район Хэйхэ, западный район Нэньцзян и южный район. В 2023 г. модель агломерационных изменений дополнилась и утверждена как «Одна ось, три пояса, три центра, три района». «Одна ось» касается строительства на территории Хэйхэ ключевой линии промышленного развития вдоль скоростной автомагистрали Цзилинь – Хэйлунцзян и железной дороги Бэйхэ – Хэйлунцзян. «Три пояса» означают приграничный пояс экономического развития, образцово-показательный сельскохозяйственный пояс и пояс экологической защиты полезных ископаемых. «Три центра» включают в себя социально-экономический центр регионального развития Хэйхэ, южный субцентр «Северная пятерка» и западный субцентр Нэньцзян. «Три зоны» объединяют пограничную зону национальной обороны и безопасности «Айсуньсюнь», барьерную зону экологической безопасности «Айнэньсуньсюнь» и зону продовольственной безопасности «Бэйунэнь».

Следующий стратегический вектор пространственно-территориальных преобразований в Хэйхэ касается строительства экологической цивилизации, обеспечивающей защиту окружающей среды, предотвращение загрязнения водных ресурсов, внедрение инноваций в методы защиты обрабатываемых земель [5]. Проводя аграрную модернизацию в сельских поселениях, относящихся к городу Хэйхэ, происходит построение новой модели развития сельского хозяйства, обеспечивается продовольственная безопасность, оптимизируется планирование жилых массивов в сельских районах.

Еще один стратегический вектор развития Хэйхэ касается улучшения условий жизни населения «Устранить недостатки, поднять качество, создать для людей комфортные условия жизни». Основой этого вектора выступает региональная демографическая политика, направленная на повышение рождаемости, защиту материнства и детства, привлечение высококвалифицированных кадров в Хэйхэ. Параллельно осуществляется комплексное планирование транспортной системы, объектов социального обслуживания, городской инфраструктуры. Особое значение отводится использованию историко-культурных ресурсов при формировании городских ландшафтов.

В результате реализации Генерального плана пространственно-территориальных преобразований Хэйхэ формируется агломерация международного уровня с современными торгово-логистическими путями. Всеми силами из Хэйхэ создается новая пространственная точка роста в Северо-Восточном Китае.

Современный опыт экономического возрождения приграничного города Хэйхэ

В пространственной экономической структуре Китая Хэйхэ выступает как ведущая зерновая база, важный экологический барьер на севере Китая, ресурсно-энергетический город, основная сила в продвижении политики «открытости» при сотрудничестве с Россией. Развитие приграничного города Хэйхэ, согласно статистическим данным, характеризуется экономическим ростом. Основу народно-хозяйственного

комплекса Хэйхэ составляют сельское хозяйство и промышленность. Сфера услуг стала важным двигателем экономического развития города. Продолжается структурная перестройка таких отраслей сферы услуг, как финансовая индустрия, оптовая и розничная торговля, индустрия недвижимости. В 2021 г. общие доходы государственного бюджета Хэйхэ достигли 4,49 млрд юаней, что в 1,2 раза больше, чем в 2012 г. Общий объем экономического производства города Хэйхэ вырос с 36,48 млрд юаней в 2012 г. до 63,71 млрд юаней в 2021 г. Стимулируется рост внутреннего потребления в Хэйхэ и приток инвестиций в развитие города. В 2021 г. в городе насчитывалось 129 тысяч субъектов рынка, что в 1,2 раза больше, чем в 2012 г. Среди них 19 тысяч предприятий, 104 тысячи индивидуальных промышленных и торговых организаций, 6 тысяч фермерских кооперативов. ВВП на душу населения в 2021 г. превысил 50 000 юаней и поднялся с 12-го на 3-е место в провинции Хэйлуцзян. Общий объем розничных продаж потребительских товаров в городе увеличился с 7,55 млрд юаней в 2012 г. до 13,23 млрд юаней в 2021 г.

В отчете Народного правительства Хэйхэ за 2023 г. указывается, что экономическое развитие города переживает период восстановления после эпидемии COVID-19. По темпам экономического роста за 2023 г. город занял второе место во всей провинции Хэйлуцзян. Экспортно-импортные операции увеличились на 59,2%, доходы государственного бюджета выросли на 10,2%. Глава Народного правительства Хэйхэ Чжао Жунго отмечает, что началось экономическое возрождение города. Ведущими градообразующими предприятиями Хэйхэ являются ферма Фэйхэ Жуйсиньчэн в уезде Бэйань, производственный парк современного сельского хозяйства «Удаляньчи», биоэкономический производственный парк района Айхуэй, крупные объекты аграрной компании Фэндэ Хэнтай по изготовлению масла [2].

В 2024 г. экономическое развитие города Хэйхэ происходит в рамках осуществления общегосударственной стратегии по «обеспечению 5 видов безопасности», а именно оборонной, продовольственной, экологической, энергетической и промышленной, и стратегии «Три базы, один барьер, одна возвышенность» по наращиванию мощи китайского государства в целом. На первом месте среди экономических преобразований в Хэйхэ находится сельскохозяйственное возрождение города в рамках обеспечения продовольственной и экологической безопасности приграничной территории. Предполагается формирование Хэйхэ как крупного аграрного центра с модернизированным сельским хозяйством и сельскими территориями внутри города в русле экоцивилизационного строительства Китая. В городе Хэйхэ производится высококачественная сельскохозяйственная и животноводческая продукция [6]. С каждым годом увеличиваются посевы сои. Испытательная база аграрного научно-исследовательского центра Хэйхэ и государственный производственный парк современного сельского хозяйства «Удаляньчи» полностью реализуют проект возрождения семеноводства. Сформировано 46 компаний по производству семян северной сои.

Параллельно осуществляется работа по защите черноземных пахотных земель [7]. Растет производство свинины, яиц и молока, увеличивается поголовье овец, птицы. На территории города создано 33 научно-технические базы образцового сельского хозяйства, а также растет количество пахотных земель для органического зеленого производства без применения химикатов и удобрений. Китайское правительство развивает в Хэйхэ потенциал крупного аграрного города, специализирующегося на запуске производства экологически чистых продуктов питания. Район Айхуэй является новаторской территорией эковозрождения. Особое внимание уделяется совершенствованию предприятий интенсивной переработки сельскохозяйственной продукции. В рамках развития пищевой промышленности в Хэйхэ реализуется проект по ежегодной глубокой переработке 600 тысяч тонн зерновых. Запущен в эксплуатацию крупнейший склад зерна с логистическим центром компании Бэйань Сяньюй Цзиньгу.

Несмотря на успехи аграрного возрождения территории Хэйхэ возникают различные трудности. В начале 2024 г. отмечается нехватка финансовой поддержки в развитии сельскохозяйственного производства города. По оценкам китайского правительства, администрация Хэйхэ создала ряд высококачественных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции [1]. Однако в целом масштаб предприятий все еще относительно невелик, отсутствуют ведущие центры. Некоторые предприятия по глубокой переработке сельскохозяйственной продукции были созданы на короткий период времени, имеют слабую финансовую устойчивость. В 2024 г. в решении этой проблемы предлагается усилить политическую поддержку, улучшить кредитование, расширить систему гарантий, внедрить инновационные финансовые продукты и услуги.

На втором месте в процессе экономического возрождения Хэйхэ находится внедрение научных высокотехнологичных инноваций в промышленную сферу города [8]. Разработан и реализуется «План промышленного возрождения Хэйхэ», а также специальные планы по развитию биоэкономики и новой энергетики. На территории города внедряются более 500 индустриальных проектов с объемом инвестиций свыше 210 млрд юаней. В 2023 г. инвестиции в развитие города выросли в среднем на 9,1%.

Инновационное промышленное производство Хэйхэ поддерживают такие крупные китайские компании, как Jianlong Mining, Baidu Group, Shenzhen SEG, China Energy Construction, Dover Group, Shanghai Keithen. Основано 17 новых предприятий в сфере горнодобывающей промышленности и цифровой экономики. Уделяется пристальное внимание строительству таких крупных проектов, как вторая очередь медного рудника Дубаошань, железо-полиметаллического рудника Цуйхуншань, золотых рудников Чжэнгуаньянь и Дунъянь [9]. Модернизационные преобразования коснулись Хэйлунцзянского моста, Северо-Хэйлунцзянской железной дороги, аэропорта Нэньцзян – Моэргэнь. Активно функционирует испытательная база современ-

ного интеллектуального оборудования для сельскохозяйственной техники Харбинского технологического института в районе Айхуэй, цифровой индустриальный парк Бэйань, провинциальный высокотехнологичный центр промышленных технологий Development Zone [2].

25 марта 2024 г. опубликован «План создания демонстрационной зоны инновационного развития города Хэйхэ», который выступает одним из направлений комплексного возрождения Северо-Восточного Китая в новую эпоху и нацелен на инновационное промышленное развитие. По замыслу китайского правительства, инновационное развитие должно стать основой стратегии приграничного города Хэйхэ. Пилотный проект демонстрационной зоны Хэйхэ ориентирован на создание новой модели открытой и инновационной экономики города, отрасли которой соответствуют международным стандартам, нацелены на расширение внешней торговли и привлечение к сотрудничеству мировых предприятий. В перспективе к 2035 г. предполагается преобразовать эту зону до открытой инновационной экосистемы с высокой региональной конкурентоспособностью в Северо-Восточной Азии. Демонстрационная зона инновационного развития Хэйхэ будет упрощать привлечение иностранных инвестиций, повышать зарубежное инвестиционное сотрудничество, поддерживать предприятия в стремлении «выйти на глобальный уровень», трансформировать и модернизировать торговлю. В результате в Хэйхэ будет построена платформа «открытого» сотрудничества с упором на Россию и Северо-Восточную Азию. В настоящее время инновационное развитие в демонстрационной зоне Хэйхэ ориентировано на концептуальную, технологическую, промышленную, культурную и региональную инновации.

Третьим направлением экономического возрождения Хэйхэ выступает продвижение политики «открытости» на территории данного приграничного города. Китайское правительство стремится сохранить позиции Хэйхэ как центра в поддержании межрегионального трансграничного сотрудничества с Россией. Российско-китайские отношения благоприятно влияют на экономическое развитие города Хэйхэ. Введен в эксплуатацию китайско-российский восточный газопровод, таможенный логистический центр Хэйхэ. На территории города была создана торговая компания PetroChina по импорту и экспорту природного газа. За 2023 г. в городе открыты представительства пяти ведущих российских компаний по торговле газом.

К настоящему времени в Хэйхэ создано 21 внешнеторговое предприятие с объемом экспортно-импортных операций свыше 100 млн юаней в год. Объем грузоперевозок портов водного транспорта Хэйхэ и Сюньке увеличивается с каждым годом и данные порты являются крупнейшими в провинции Хэйлунцзян. Модернизация и реконструкция Бэйхэйской железной дороги (участок Лунчжэнь – Хэйхэ) завершена на 92,8%, ускорена работа по строительству китайско-российской трансграничной канатной дороги, отремонтирован аэропорт в районе Айхуэй. В целом за 2023 г. объем автомобильных и водных грузоперевозок увеличился в 3,7 раза. Зона свободной торговли Хэйхэ, открытая в 2019 г., заняла по итогам 2023 г. первое место среди подобных

зон в Северо-Восточном регионе Китая. Объем экспортно-импортных операций достиг 7,3 млрд юаней. Объем трансграничной электронной торговли увеличился на 10% [2]. Экономическое возрождение города Хэйхэ за счет комплексного развития сельского хозяйства, промышленности, инновационной сферы, китайско-российского торгового сотрудничества требует высокого демографического потенциала.

Особенности демографического развития города Хэйхэ

Современное развитие населенных пунктов китайской северо-восточной провинции Хэйлунцзян характеризуется обострением таких демографических проблем, как снижение рождаемости, старение населения и отток высококвалифицированных кадров в крупные северо-восточные города и в восточные, юго-восточные провинции Китая. Сложная демографическая ситуация наблюдается в китайских приграничных с Россией городских и сельских поселениях. Согласно статистическим данным, в городе Хэйхэ за последние годы наблюдается снижение численности населения. В 2020 г. общее количество жителей городских районов и сельских поселений, административно-территориально относящихся к городу Хэйхэ, составило 1 млн 555 тысяч человек, в 2021 г. – 1 млн 538 тысяч человек, в 2022 г. – 1 млн 519 тысяч человек. В 2020 г. в Хэйхэ насчитывалось 907 тысяч городского населения и 647 тысяч сельских жителей. В 2021 г. количество жителей городских районов Хэйхэ достигло 891 тысячу человек, а сельских районов – 647 тысяч человек. В 2022 г. проживало 875 тысяч городских жителей и 644 тысячи сельских жителей [2]. В городских районах Хэйхэ наблюдается быстрое снижение численности населения.

Характеризуя гендерный состав населения города Хэйхэ, стоит отметить, что количество мужчин в 2020 г. составило 782 тысячи человек, а женщин – 773 тысячи человек. В 2021 г. мужчин насчитывалось 773 тысячи человек, а женщин – 765 тысяч человек. В 2022 г. количество мужчин упало до 763 тысяч человек, а женщин до 756 тысяч человек. Согласно результатам седьмой переписи населения за 2020 г., возрастной состав города Хэйхэ характеризуется следующими показателями: население города в возрасте 0–14 лет составило 10,36%, количество жителей трудоспособного возраста (15–59 лет) – 66,58%, а население в возрасте 60 лет и старше – 23,06%, число жителей в возрасте 65 лет и старше составило 15,63%.

В условиях ежегодного сокращения рождаемости в Хэйхэ с 2021 г. реализуется комплекс мер общегосударственной демографической политики с 2021 г., приоритетом которой выступает рождение в китайских семьях трех детей. В городе осуществляется работа по долгосрочному и сбалансированному развитию населения. Женщинам, прописанным на территории Хэйхэ и родившим ребенка, положено пособие по беременности, родам и уходу за новорожденным согласно правилам социального медицинского страхования. В соответствии с «Положением о народонаселении и планировании семьи в провинции Хэйлунцзян» от 2021 г. парам, имеющим двоих детей, предоставляется ежемесячное пособие по уходу за ребенком в размере 500 юаней

(250 юаней на каждого родителя). Сумма ежемесячного пособия по уходу за третьим ребенком составляет 1000 юаней (500 юаней на каждого супруга). В новых жилых районах города Хэйхэ обязательным является проектирование и строительство детских медицинских и образовательных учреждений, что выступает приоритетным в рамках территориально-пространственного планирования.

В Хэйхэ распространена мера по обеспечению занятости женщин, имеющих двух или трех детей. Если женщина становится безработной в связи с рождением второго или третьего ребенка, она может воспользоваться государственной поддержкой гарантированного кредитования в сфере предпринимательства, при котором сумма кредита составляет 200 тысяч юаней. Максимальный срок кредита не может превышать 3 лет.

Для демографического развития Хэйхэ характерно ежегодное старение населения города. Поэтому особое внимание уделяется работе по уходу за пожилыми людьми. По итогам седьмой китайской переписи населения за 2020 г. в Хэйхэ насчитывалось 296 600 жителей старше 60 лет. Организацией работы с пожилыми людьми занимаются городские комитеты по образованию, здравоохранению, спорту, народонаселению, ресурсам и окружающей среде, которые проводят выездные проверки, обсуждения и консультации по строительству городских учреждений по уходу за пожилыми людьми. Муниципальное правительство города Хэйхэ разработало «Правила оказания услуг по уходу за пожилыми людьми в г. Хэйхэ». Было инвестировано более 250 млн юаней в сферу услуг по уходу за жителями города старше 60 лет. По состоянию на конец 2021 г. в городе зарегистрировано 126 учреждений по уходу за престарелыми. В Хэйхэ разработан «План действий по улучшению работы служб базового ухода на дому (2022–2024 гг.)», который ориентирован на оказание помощи пожилым людям.

Одной из причин сокращения населения города Хэйхэ в последние десятилетия является отток жителей в более крупные северо-восточные города или в восточные, юго-восточные провинции. Для того чтобы привлечь высококвалифицированных молодых специалистов в Хэйхэ, муниципальное руководство стремится как можно быстрее оптимизировать и модернизировать промышленную систему города, привлекать инвестиции, повышать уровень оплаты труда жителей Хэйхэ. Статистические данные за 2021 и 2022 гг. показывают, что средний доход жителей города достиг 33 477 юаней в 2021 г., что на 85,2% больше, чем в 2012 г., а среднегодовой рост составил 7,8%. Средний доход жителей сельских поселений в структуре города Хэйхэ впервые в 2021 г. достиг 20 528 юаней, что в 1,2 раза больше, чем в 2012 г., а среднегодовой рост составил 9,8%. В 2022 г. средний доход жителя города Хэйхэ возрос до 34 550 юаней, а средний доход жителя сельских поселений, входящих в структуру Хэйхэ, составил 21 233 юаня. Более 50% расходов жителей Хэйхэ приходится на транспорт и связь, культуру, образование и развлечения, медицинское обслуживание, приобретение и аренду жилья. Количество частных автомобилей к

2021 г. достигло 180 тысяч единиц, что на 99,2% больше, чем в 2012 г. Уровень зарегистрированной городской безработицы ежегодно достигает показателя 3,8%. В 2022 г. было предоставлено 20 511 новых рабочих мест в сфере городского обслуживания, 14 169 новых рабочих мест на промышленных предприятиях. 8 679 безработных были повторно трудоустроены на свои прежние места трудовой деятельности. В 2023 г. реализован проект «стабилизации, защиты и продвижения» по созданию 11 тысяч новых рабочих мест в городе Хэйхэ [2].

В рамках борьбы с бедностью руководство Хэйхэ уделяет особое внимание улучшению условий для жизни населения. Большая часть расходов государственного бюджета города Хэйхэ (86,3%) за 2023 г. ориентирована на население. В городе насчитывается 967 учреждений здравоохранения. Отрасль здравоохранения развивается в рамках реконструкции медицинских центров, поликлиник, снижения цен в размере 50% на лекарства. В целях развития отрасли образования было выделено 66,5 млн юаней из средств центрального фонда для реконструкции детских садов. В учебных заведениях Хэйхэ обучается 112 тысяч человек. Общие расходы городского бюджета на медицину достигли 2,06 млрд юаней, а на образование – 2,2 млрд юаней.

В ходе решения демографических проблем в приграничном Хэйхэ осуществляется комплексная региональная политика, от результатов которой зависит успех пространственно-экономических, инновационно-промышленных проектов северо-восточной приграничной территории, а также стабильность трансграничного китайско-российского сотрудничества.

Заключение

Таким образом, комплексное рассмотрение факторов современного пространственного, экономического и демографического развития северо-восточного города Хэйхэ позволяет выделить особенности китайских преобразований в городских населенных пунктах, расположенных в приграничной территории.

1. Китайское правительство в стратегии развития приграничных территорий ведущую роль отводит обеспечению защиты границы, экономическому усилению приграничных городов, экоцивилизационному строительству, привлечению высококвалифицированных кадров в пограничные районы и расширению торгово-экономического сотрудничества с соседними странами.

2. Пространственное развитие приграничного северо-восточного города Хэйхэ основывается на формировании инновационного промышленного центра, модернизированной аграрной базы, территории «открытости» в Северо-Восточной Азии с развитой транспортной инфраструктурой, демонстрирующей китайскую силу и имидж КНР миру.

3. Экономическое возрождение города Хэйхэ происходит за счет преобразований сельскохозяйственного комплекса и горнодобывающей промышленности с

внедрением высокотехнологичных инноваций. Ведущая роль в обеспечении экономического роста Хэйхэ отводится расширяющемуся с каждым годом китайско-российскому сотрудничеству, особенно в сфере торговли газом.

4. Все стратегические пространственно-экономические проекты Хэйхэ зависят от эффективного решения таких демографических проблем, как сокращение численности жителей города, отток населения в другие регионы и старение населения.

С научно-методической точки зрения полученные результаты вносят вклад в изучение китайского опыта регионального развития, способствуют пониманию особенностей китайской приграничной территории, добавляют знаний о китайской специфике организации городского пространства на границе, что должно учитываться при формировании стратегии развития приграничных с Китаем российских городов и поселков, а также при моделировании трансграничного российско-китайского взаимодействия.

Список источников

1. Дин Л. Предложения по стратегиям развития промышленности по производству сельскохозяйственной продукции в городе Хэйхэ // Хэйхэский академический журнал. 2019. № 6. С. 13–15. На кит. яз.

2. Ма Ю. Краткий обзор основных достижений народнохозяйственного и социального развития города Хэйхэ за 70 лет со дня образования Китайской Народной Республики // Статистика и консалтинг. 2019. № 5. С. 32–34. На кит. яз.

3. Лю Л., Цзян Д. Финансовая поддержка города Хэйхэ для развития местной экономики была сильной в 2014 году // Хэйхэский академический журнал. 2015. № 5. С. 58–61. На кит. яз.

4. Ван Г. Проблемы, существующие в развитии экономики частной собственности в городе Хэйхэ, меры противодействия и предложения // Хэйхэский академический журнал. 2014. № 12. С. 13–14. На кит. яз.

5. Сунь К. Текущее состояние и контрмеры по развитию зеленой экономики в городе Хэйхэ // Хэйхэский академический журнал. 2001. № 6. С. 26–28. На кит. яз.

6. Ван Х. Предложения по экономическому развитию уездов города Хэйхэ // Информация об экономическом и техническом сотрудничестве. 2013. № 21. С. 15–23. На кит. яз.

7. Шэн Х. Взяв на себя инициативу по поиску путей возрождения, сосредоточившись на промышленности и исследуя новые пути, город Хэйхэ активно способствует развитию горнодобывающей экономики // Земля и ресурсы Хэйлунцзяна. 2016. № 6. С. 9–17. На кит. яз.

8. Ян Л. Текущая ситуация, проблемы и меры противодействия экономическому развитию уезда в городе Хэйхэ // Сельская экономика и научно-технический прогресс. 2018. № 19. С. 1–4. На кит. яз.

9. Чжан П. Анализ роли строительства зоны свободной торговли в городе Хэйхэ провинции Хэйлунцзян в содействии трансформации и модернизации местной

экономики // Исследования экономического и социального развития. 2019. № 6.
С. 9–12. На кит. яз.

References

1. Ding L. Suggestions on development strategies for the agricultural product processing industry in Heihe City. *Heihe Academic Journal*, 2019, no. 6, pp. 13–15. (In Chinese).
2. Ma Y. Summary of the main achievements of Heihe City's national economic and social development in the 70 years since the founding of the People's Republic of China. *Statistics and Consulting*, 2019, no. 5, pp. 32–34. (In Chinese).
3. Liu L., Jiang D. Heihe City's financial support for local economic development was strong in 2014. *Heihe Academic Journal*, 2015, no. 5, pp. 58–61. (In Chinese).
4. Wang G. Problems existing in the development of non-public ownership economy in Heihe City and countermeasures and suggestions. *Heihe Academic Journal*, 2014, no. 12, pp. 13–14. (In Chinese).
5. Sun K. Current status and countermeasures of green economic development in Heihe City. *Heihe Academic Journal*, 2001, no. 6, pp. 26–28. (In Chinese).
6. Wang X. Suggestions on the economic development of Heihe City counties. *Economic and Technical Cooperation Information*, 2013, no. 21, pp. 15–23. (In Chinese).
7. Sheng H. Taking the initiative to seek revitalization, focusing on industry and exploring new paths, Heihe City actively promotes the development of mining economy. *Heilongjiang Land and Resources*. 2016, no. 6, pp. 9–17. (In Chinese).
8. Yang L. Current situation, problems and countermeasures of county economic development in Heihe City. *Rural Economy and Science and Technology*, 2018, no. 19, pp. 1–4. (In Chinese).
9. Zhang P. Analysis of the role of the construction of the Free Trade Zone in Heihe City, Heilongjiang Province in promoting the transformation and upgrading of the local economy. *Economic and Social Development Research*, 2019, no. 6, pp. 9–12. (In Chinese).

Информация об авторах / Information about the authors

С.Б. Макеева – доктор исторических наук, доцент по кафедре китаеведения, профессор кафедры иностранных языков, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Москва, Российская Федерация).

✉ msbmag9581@yandex.ru

S.B. Makeeva – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Chinese Studies, Professor of the Department of Foreign Languages, Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 05.11.2024;

одобрена после рецензирования / revised 17.11.2024;

принята к публикации / accepted 22.11.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 44–59.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 44–59.

Научная статья

УДК 338.1:639.2/.3(571.63)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-4/44-59>

Взаимосвязь критериев эффективности и экономической безопасности на мезоуровне (на примере рыбохозяйственного комплекса Приморского края)

**Елена Владимировна Левкина¹, ✉, Евгений Георгиевич Гусев²,
Мария Владимировна Солобнева¹**

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

² Владивостокский филиал Российской таможенной академии,

Владивосток, Российская Федерация

✉ levkina.ev@dvfu.ru

Аннотация. Задача обеспечения экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса является одной из приоритетных как на государственном уровне, так и на уровне регионов. Рыбохозяйственный комплекс не только вносит вклад в формирование ВВП и обеспечивает бюджет весомой долей налоговых доходов, но и играет ключевую роль в обеспечении продовольственной безопасности страны.

Цель исследования – определение взаимосвязи и группировка ключевых индикаторов эффективности с целью мониторинга экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса.

Значимость работы состоит в критическом анализе авторских подходов к оценке экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса на основании данных литературы и в использовании полученных результатов с целью выявления наиболее подходящих критериев для исследования мезоуровня. При написании работы использованы следующие методы: метод анализа, метод табличного представления информации и ее графической интерпретации, контент-анализ, метод группировки.

Информационную базу исследования составили нормативно-законодательная база, регулирующая вопросы и стандарты функционирования рыбохозяйственного комплекса; статистические данные официальных источников.

Результаты исследования:

– установлена взаимосвязь между индикаторами эффективности и экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса;

- определен пул «стимулирующих» и «дестимулирующих» факторов в обеспечении экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса;
- проведена оценка показателей эффективности рыбохозяйственного комплекса Приморского края за ряд лет для аналитического обзора его экономической безопасности;
- предложены пути укрепления экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса Приморского края.

Полученные авторами результаты позволяют определять приоритетные направления по повышению уровня экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса, а также обеспечения продовольственной безопасности региона и страны. Результаты исследований будут значимы для муниципальных органов управления, руководителей, финансовых менеджеров рыбохозяйственных структур.

Ключевые слова: экономическая безопасность, факторы, рыбохозяйственный комплекс, риск, критерий, диаграмма Исикавы, эффективность

Для цитирования: Левкина Е.В., Гусев Е.Г., Солобнева М.В. Взаимосвязь критериев эффективности и экономической безопасности на мезоуровне (на примере рыбохозяйственного комплекса Приморского края) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 44–59.

Original article

The relationship between efficiency criteria and economic security at the meso level (using the example of the fisheries complex of Primorsky Krai)

Elena V. Levkina¹✉, Evgeny G. Gusev², Maria V. Solobneva¹✉

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

² Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, Vladivostok, Russian Federation

✉ levkina.ev@dvfu.ru

Abstract. The task of ensuring the economic security of the fisheries complex is one of the priorities both at the state level and at the regional level. The fisheries sector not only contributes to the formation of GDP and provides the budget with a significant share of tax revenues, but also plays a key role in ensuring the country's food security.

The purpose of the study is to determine the relationship and grouping of key performance indicators of the industry in order to monitor the economic security of the fisheries complex.

The significance of the work lies in the critical analysis of the author's approaches to assessing the economic security of the fisheries complex based on literature data and in using the results obtained to identify the most appropriate criteria for meso-level research. The following methods were used in writing the work: the analysis method, the method of

tabular presentation of information and its graphical interpretation, content analysis, and the grouping method.

The information base of the study was made up of the regulatory and legislative framework governing issues and standards of functioning of the fisheries complex; statistical data from official sources.

The results of the study:

– a pool of "stimulating" and "discouraging" factors in ensuring the economic security of the fisheries complex has been identified;

– the relationship between the indicators of efficiency and economic security of the fisheries complex has been established;

– an assessment of the efficiency indicators of the Primorsky Territory's fisheries complex over a number of years has been carried out to determine the level of ensuring its economic security;

– ways to strengthen the economic security of the Primorsky Territory's fisheries complex are proposed.

The results obtained by the authors will make it possible to determine priority directions for improving the level of economic security of the fisheries complex for its sustainable development, as well as ensuring food security of the region and the country. The results of the research will be significant for municipal governments, managers, and financial managers of fisheries management structures.

Keywords: economic security, factors, fisheries complex, risk, criterion, Ishikawa diagram, efficiency

For citation: Levkina E.V., Gusev E.G., Solobneva M.V. The relationship between efficiency criteria and economic security at the meso level (using the example of the fisheries complex of Primorsky Krai). *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 44–59. (In Russ.).

Введение и актуальность исследования

В условиях турбулентности мировой экономики, исторически рекордных санкционных ограничений, экономической волатильности курсов валют, структурных изменений сырьевых рынков управление экономической безопасностью на всех уровнях экономики становится приоритетной задачей. Нивелирование отрицательного влияния вышеуказанных факторов необходимо не только для снижения угроз экономической безопасности экономических систем, но и для обеспечения их эффективного функционирования и устойчивого развития.

В рамках парадигмы комплексного импортозамещения проблема обеспечения экономической безопасности промышленных и отраслевых комплексов в последнее время исследуется довольно часто, обстоятельно и всесторонне. По данным Росстат,

за 2023 год рыбохозяйственный комплекс обеспечил около 1 трлн рублей в формировании ВВП страны. Более 70% ($(4161,6/5369) * 100\% = 77,5\%$) добычи водных биологических ресурсов в России приходится на Дальневосточный федеральный округ (таблица 1). Основными рыболовными базами Дальнего Востока являются Приморский край, Хабаровский край, Сахалинская область и Камчатский край.

Таблица 1

Динамика добычи (вылова) водных биоресурсов в России и Дальневосточном рыбохозяйственном бассейне за 2019–2023 годы, тыс. тонн

Территория	Год					Прирост/ сокращение в 2023 г. к 2019 г., %
	2019	2020	2021	2022	2023	
Россия	4 983,30	4 974,80	5 053,40	4 880,70	5369	7,74
Дальневосточный федеральный округ	3 537,30	3 670,50	3 685,80	3 648,28	4161,6	17,65
Республика Бурятия	1,7	1,6	1,5	1,4	1,6	-5,88
Республика Саха (Яку-)	6,5	6,2	6	6,1	5,2	-20,00
Забайкальский край	0,02	0,02	0,03	0,03	0,05	150,00
Камчатский край	1580,8	1549,3	1710,8	1512,8	1750	10,70
Приморский край	757,4	846,5	779,9	801	849,1	12,11
Хабаровский край	415,4	444,4	449,3	525,3	559,2	34,62
Амурская область	0,02	0,01	0,02	0,03	0,05	150,00
Магаданская область	100,7	102,1	98,9	57	131,05	30,14
Сахалинская область	656,5	703,2	629,7	729,2	850,09	29,49
Еврейская автономная область	0,1	0,02	0,01	0,02	0,056	-44,00
Чукотский автономный округ	18,3	17,3	9,8	12,6	15,2	-16,94

Примечание: составлено авторами на основании данных Федеральной службы государственной статистики.

Стоит отметить, что рыбохозяйственный комплекс Приморского края также играет ключевую роль в развитии экономики региона, обеспечивая его продовольственную безопасность, повышая бюджетную эффективность за счет аккумулирования и наращивания налоговых доходов, способствуя развитию сырьевого, кадрового и научного потенциала. На современном этапе рыбохозяйственный комплекс России и Приморского края, с одной стороны, демонстрирует уверенный рост улова и производства аквакультуры, но с другой стороны, наблюдается снижение прибыльности рыбохозяйственных структур. Отрицательная динамика обусловлена синергией политических и экономических факторов, в числе которых ввод вывозной пошлины на ряд объектов, в том числе и на экспорт рыбной продукции, которые составляют от 4

до 7% в зависимости от курса доллара США к рублю; увеличение затрат на судоремонт и обслуживание судов в иностранных портах, приобретение за рубежом комплектующих и ЗИПа, приобретение орудий лова, промысловых и технологических механизмов; блокировка рынков сбыта высокомаржинальной рыбопродукции из-за санкционных ограничений. В этой связи повышение экспортных пошлин в разрезе оставшегося доступного экспортного сегмента вызывают рост финансовой нагрузки на рыбохозяйственные структуры и оказывают весьма негативный эффект на всю рыбодобывающую отрасль. В настоящее время, по официальным статистическим данным, в рыбохозяйственном комплексе Приморского края в 2022 г. доля убыточных предприятий составляла 37,5% от общего количества, а в 2023-м данный показатель уже увеличился на 6 п.п. и составил 43,5%. Современные тренды развития рыбохозяйственного комплекса формируются на стыке интересов: государство пытается укрепить экономическую, продовольственную, технологическую безопасность, а рыбохозяйственные структуры стремятся сократить финансовую и налоговую нагрузку, оптимизировать транзакционные издержки, улучшить эффективность деятельности в условиях санкционного давления и нормативных изменений.

Материалы и методы

Алгоритм научного исследования:

- изучение проблемной области, сбор и анализ информации;
- анализ научных статей, актуальной информации в СМИ и изучение нормативной документации;
- определение и группировка пула критериев для мониторинга экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса;
- оценка экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса;
- определение и группировка «стимулирующих» и «дестимулирующих» факторов в обеспечении экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса;
- разработка направлений укрепления рыбохозяйственного комплекса экономической безопасности.

В ходе выполнения исследования применялись общенаучные (анализ, синтез) методы исследований, которые позволили обеспечить достоверность результатов исследования и обоснованность выводов.

Результаты исследования

С целью достижения наиболее высокого уровня экономической безопасности отрасли предпринимательские структуры, образующие отраслевые и промышленные комплексы, должны проводить работу по обеспечению максимальной безопасности и эффективности основных функциональных составляющих своей работы.

Функциональные составляющие экономической безопасности рыбной отрасли представляют собой совокупность основных направлений обеспечения безопасного

существования рыбохозяйственных структур, существенно отличающихся друг от друга по своему содержанию. Каждая из вышеперечисленных функциональных составляющих экономической безопасности (финансовая, производственная, технологическая, рыночная/коммерческая, кадровая) рыбохозяйственных структур характеризуется собственным содержанием, набором функциональных критериев и способами обеспечения. Сущность экономической безопасности заключается в совокупности процессов, протекающих в организации, со всеми их характерными особенностями и взаимосвязями, которые составляют единую группу с точки зрения их функциональной роли в обеспечении экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Неэффективная и несвоевременная оценка экономической эффективности рыбохозяйственных структур может повлиять на дальнейшую неправильную разработку стратегии развития рыбохозяйственного комплекса, что в целом отрицательно отразится на его экономической безопасности, и, как следствие, создадутся риски и угрозы обеспечения продовольственной безопасности региона и национальной экономики в целом.

Первоочередной задачей обеспечения экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса является оценка текущего состояния отрасли, кадрового потенциала, основных фондов; разработка путей совершенствования систем обеспечения экономической безопасности, контроль за выполнением данных мер, оперативный мониторинг состояния показателей экономической эффективности деятельности рыбохозяйственных структур. В свою очередь, экономическая безопасность рыбохозяйственного комплекса – это состояние, при котором рыбохозяйственные структуры способны стабильно развиваться, свободно реагировать на негативные влияния внешних и внутренних факторов, самостоятельно предотвращать опасности и угрозы собственной безопасности.

В целях противодействия и нейтрализации угроз экономической безопасности Российской Федерации были разработаны критерии и показатели оценки состояния экономической безопасности, которые позволяют определить приоритетные цели и направления совершенствования и развития наиболее уязвимых сфер на микро- или макроуровнях. Данные показатели имеют пороговые значения, которые ориентированы на постановку количественных и качественных целевых значений показателей для предприятий, то есть микроуровня.

Исследование подходов к оценке и обеспечению безопасности продемонстрировало, что нет унифицированных критериев и способов производства оценки состояния экономической безопасности промышленных и отраслевых комплексов.

Анализ накопленных теоретических аспектов позволяет отметить, что в большинстве случаев применяются два подхода в разработке методов оценки состояния безопасности промышленных и отраслевых комплексов.

Первый подход встречается наиболее часто, это набор определенных показателей с пороговыми значениями, которые характеризуют общие черты экономической эффективности пула ключевых предприятий отрасли. В основном все показатели довольно обобщены и характеризуют результаты, сложившиеся на микроуровне. Например, А.М. Ткаченко, А.Л. Резников, Н.И. Аксенова, О.В. Усачева [1] предлагают определять уровень экономической безопасности предприятия, опираясь на составляющие: производство, сбыт, финансы и труд. Т.С. Клебанова, Е.А. Сергиенко, Д.В. Ковалев, Т.В. Сухорукова, А.А. Венедиктов, А.В. Константинов, Е.А. Колесниченко, И.Н. Якунин [2], И.В. Вякина [3], Ю.С. Жукова [4] предлагают систему индикаторов технологической, ресурсной, финансовой и социальной безопасности на микроуровне. На сегодняшний день ученые выделяют намного больше функциональных составляющих, что позволяет более комплексно раскрыть сущность экономической безопасности именно микроуровня. В то же время наблюдается недостаток теоретико-методических и методологических разработок для оценки экономической безопасности на мезоуровне.

Второй подход является оценкой вероятности реализации риска негативных явлений, происшествий, которые окажут отрицательное влияние и последствия на безопасность рыбохозяйственных структур. Каждый из рассматриваемых показателей предлагается оценивать с учетом того, является ли он стимулятором (соответствует максимальному значению наилучших показателей) или дестимулятором (соответствует минимальному значению) для деятельности предприятия. Полученные в результате расчетов ключевые показатели предлагается сравнить с нормативными или среднеотраслевыми данными.

В этой связи проблематика определения экономической безопасности заключается и в трудоемкости сбора огромного количества статистической информации, дискусионности алгоритмов определения верного порогового значения коэффициентов, сложности сопоставления качественных и абсолютных величин, что требует приведения этих величин в сопоставимый вид.

Для объективного и качественного анализа состояния экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса требуется разработать такую систему критериев, показателей и их пороговых значений, которая будет учитывать специфику отрасли и деятельности рыбохозяйственных структур.

Выбор критериев осуществляется на основе следующих принципов:

- совокупность критериев акцентирует внимание на противоречиях развития рыбохозяйственного комплекса и указывает на проблемы экономического характера;
- выбор ограниченного числа критериев позволяет объективно посмотреть на каузальные связи между показателями;
- расчет показателей в динамике позволит определить «боль» и «устойчивость» рыбохозяйственного комплекса в обеспечении экономической безопасности [5].

Критерии и факторы экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса, в свою очередь, трансформируются в показатели, позволяют предвидеть направление развития экономических процессов. Показатели уровня экономической безопасности дают возможность выявить «болевые точки» в деятельности рыбохозяйственного комплекса, определить ключевые направления и наиболее действенные способы устранения угроз для его деятельности.

Авторами для оценки экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса в качестве индикаторов выбраны: производственный потенциал (объем производства, уровень освоения квот, состояние основных фондов, результаты экспортно-импортной политики); кадровый потенциал (динамика численности занятых, производительность, средний уровень заработной платы); финансовый потенциал (оборот, прибыль, оборачиваемость, налоги).

На рисунках 1.1–1.5 представлена динамика ключевых критериев эффективного функционирования рыбохозяйственного комплекса Приморского края за 2017–2023 годы. Представленные критерии будут использованы для определения совокупности показателей, характеризующих составляющие экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса [5]. По представленным данным можно отметить следующие тренды:

1. За 2017–2023 годы наблюдается рост стоимости основных средств в 2,2 раза и прирост их обновления на 15 п.п., что указывает на наращение производственных мощностей, т.е., с одной стороны, это стимулирующий фактор. С другой стороны, опережающий рост стоимости основных средств (228,8%) по отношению к росту оборота рыбохозяйственных структур (213%) отрицательно скажется на эффективности их использования, фондоотдача сокращается на 2,09 п.п.

2. С одной стороны, наблюдается увеличение продаж у рыбохозяйственных структур, как в натуральном, так и в денежном выражении (стимулирующий фактор). С другой стороны, увеличение продаж сопровождается ростом себестоимости реализации, что снижает прибыль РХК почти на 50%. Снижение финансового результата отрицательно сказывается на всех показателях рентабельности [5].

3. По данным рисунка можно отметить прирост экспорта на 150,5% и снижение импорта на 8,8%. Превышение экспорта над величиной импорта положительно характеризует внешнеэкономическую деятельность РХК. Соответственно, наблюдается прирост уровня самообеспеченности региона рыбной продукцией. С одной стороны, это связано со снижением спроса. С другой стороны – с увеличением предложения своей рыбы. Наблюдается рост поставок минтая на внутренний рынок, меняется номенклатура в пользу продукции глубокой переработки (стимулирующий фактор).

4. Развитие кадрового потенциала за 2017–2023 годы подтверждается приростом работающих и опережающим приростом среднего уровня оплаты труда одного работающего. Заработная плата работников РХК составила 128398 рублей (117,8%

к уровню прошлого года), что в 1,7 раза выше среднекраевого уровня (стимулирующий фактор).

5. За последние семь лет, несмотря на небольшое снижение в 2021 году, фиксируется увеличение объемов инвестиций организаций (без субъектов малого предпринимательства) РХК. В 2023 году объем инвестиций организаций (без субъектов малого предпринимательства) РХК составил 55,7 млрд рублей, увеличившись за год в 1,9 раза (стимулирующий фактор). Наибольшие объемы инвестиций в рыбохозяйственный комплекс в 2023 году были вложены следующими организациями: ООО «Владкраб», ООО «Новострой», ООО «РРПК Восток», ООО «Пасифик краб», ООО «Антей».

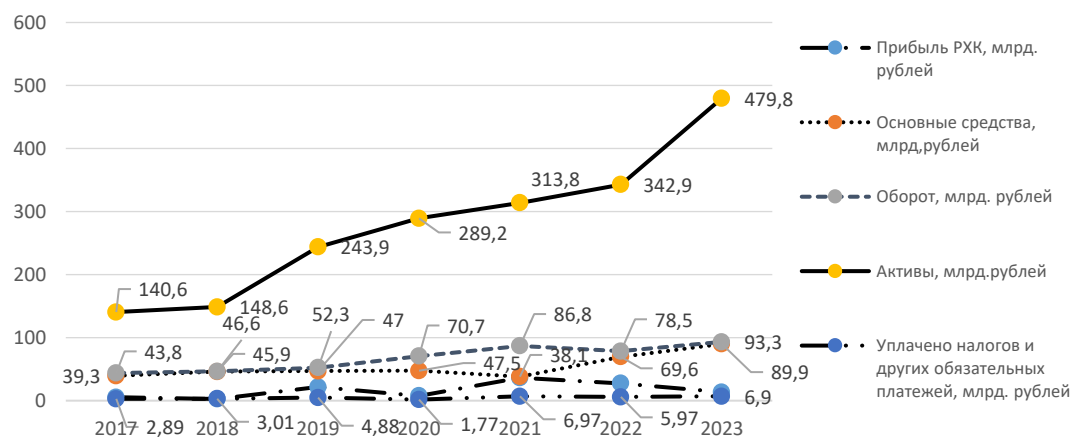

Рис. 1.1. Динамика критериев эффективного функционирования рыбохозяйственного комплекса Приморского края за 2017–2023 годы, млрд рублей.

Источник: составлено авторами на основании данных Федеральной службы государственной статистики [6]

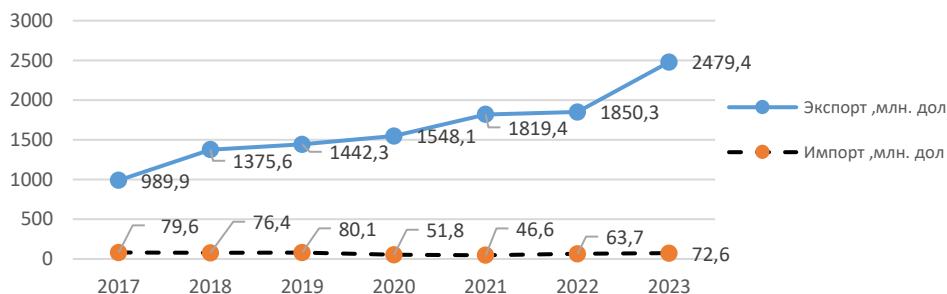

Рис. 1.2. Результаты внешнеэкономической деятельности рыбохозяйственного комплекса Приморского края за 2017–2023 годы, млн долл.

Источник: составлено авторами на основании данных Федеральной службы государственной статистики [6]

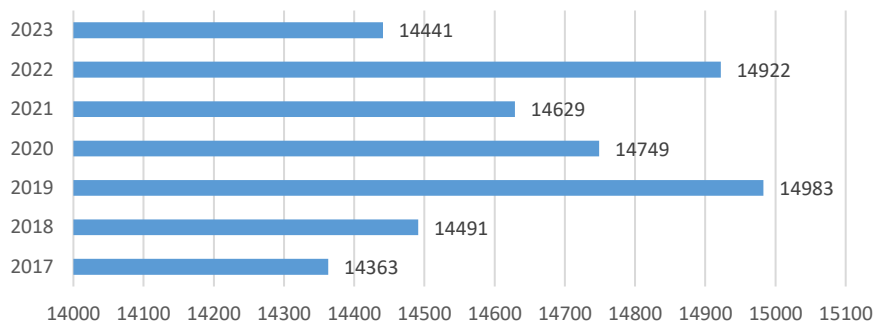

Рис. 1.3. Динамика численности работающих в рыбохозяйственном комплексе Приморского края за 2017–2023 годы, чел.

Источник: составлено авторами на основании данных Федеральной службы государственной статистики [6]

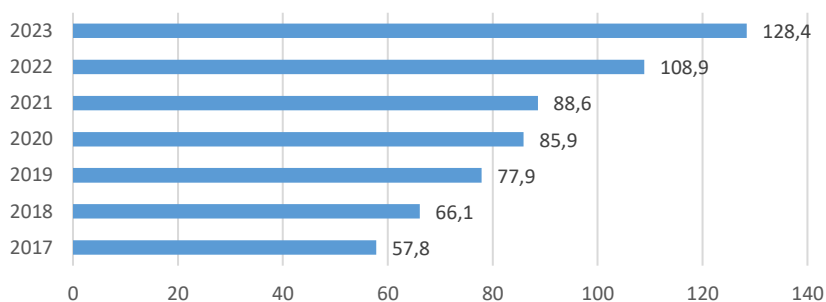

Рис. 1.4. Динамика среднего уровня заработной платы работающих в рыбохозяйственном комплексе Приморского края за 2017–2023 годы, тыс. рублей

Источник: составлено авторами на основании данных Федеральной службы государственной статистики [6]

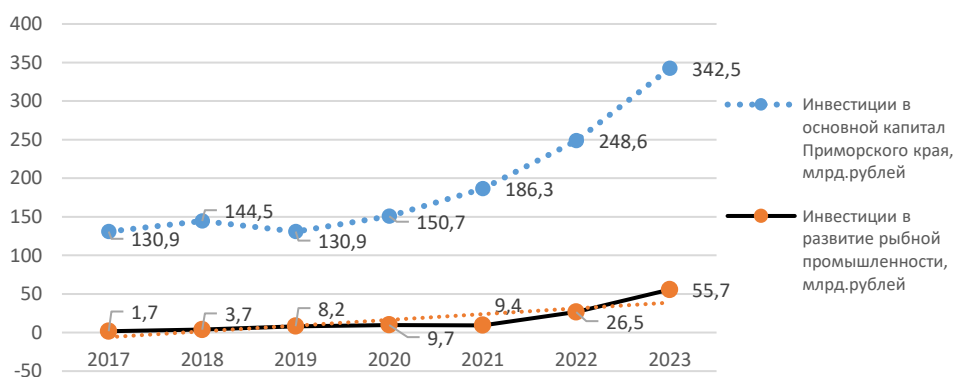

Рис. 1.5. Динамика инвестиций рыбохозяйственного комплекса и Приморского края в целом за 2017–2023 годы, млрд. рублей

Таким образом, оценивая частные критерии эффективности функционирования рыбохозяйственного комплекса, авторами определена совокупность факторов положительного и отрицательного влияния на его экономическую безопасность.

Далее проведем оценку частных показателей эффективности функционирования рыбохозяйственного комплекса, оказывающих влияние на его экономическую безопасность.

Таблица 2

Динамика частных показателей эффективности, оказывающих влияние на экономическую безопасность (ЭБ) рыбохозяйственного комплекса, за 2017–2023 годы

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Темп роста, %	Влияние на ЭБ*
Частные показатели производственного потенциала									
Уровень освоения промышленных квот	0,91	0,918	0,904	0,934	0,851	0,979	0,855 за 11 месяцев	-	-
Коэффициент роста объемов производства	0,95	1,095	1,037	1,266	0,963	0,996	1,116	117,5	+
Доля основных средств РХК в основных средствах региона, %	3,9	4,1	4	3,8	2,7	4,4	5,1	130,8	+
Износ основных фондов, %	71,4	66,6	58,6	49,7	38,3	25,4	25,8	36,1	+
Коэффициент обновления основных фондов, %	14,5	9,8	17,8	17,3	15,8	47,1	29,5	203,4	+
Коэффициент ликвидации основных фондов, %	2,4	0,3	0,6	2,1	1,5	3,2	1,5	62,5	+
Частные показатели финансового потенциала									
Удельный вес убыточных организаций, %	34,6	36,8	37,8	39,2	39,9	37,5	43,5	-	-
Рентабельность продаж, %	12,41	5,63	41,34	11,03	41,87	34,87	14,50	116,8	+
Рентабельность активов, %	14,17	5,96	70,49	12,39	72,02	53,54	16,97	119,8	+
Оборачиваемость активов	0,3115	0,3136	0,2144	0,2445	0,2766	0,2289	0,1945	62,4	-
Затратоемкость продукции	0,876	0,944	0,587	0,890	0,581	0,651	0,855	97,6	+
Рентабельность основных средств, %	13,83	5,71	46,01	16,41	95,38	39,33	15,05	108,8	+
Коэффициент текущей ликвидности	1,89	2,03	1,76	1,54	1,26	1,26	1,16	61,2	-
Инвестиции рыбной промышленно-сти в инвестициях региона, %	1,3	2,6	6,3	6,4	5,0	10,7	16,3	-	+

Окончание табл. 2

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Темп роста, %	Влияние на ЭБ*
Частные показатели кадрового потенциала									
Производительность труда, млн руб./чел.	3,05	3,22	3,49	4,79	5,93	5,26	6,46	211,8	+
Среднесписочная численность работников организаций	14363	14491	14983	14749	14629	14922	14441	100,5	+
Среднемесячная заработная плата, тыс. руб.	57,8	66,1	77,9	85,9	88,6	108,9	128,4	222,1	+
Прибыль на одного занятого, тыс. руб.	326,236	469,741	1113,2	689,748	1013,93	1834,34	937,12	287,3	+

*«+» – положительное влияние; «-» – отрицательное влияние

Обсуждение и заключение

Проведенная прикладная частных показателей экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса Приморского края с использованием индикаторов эффективности деятельности позволила сделать выводы относительно состояния ее уровня в Приморском крае. Изменение показателей, характеризующих уровень экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса, носит положительный характер. Выявлен ряд угроз экономической безопасности, которые могут негативно повлиять на ее уровень. Ведущее место в обеспечении экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса играет производственный и финансовый потенциал. В Приморском крае наблюдается рост инвестиций как в экономику рыбохозяйственного комплекса, так и в экономику региона в целом. Однако среди субъектов рыбохозяйственного комплекса отмечается высокий уровень закредитованности, а соответственно, снижение ликвидности и увеличение финансового риска. Также вызовом для экономики рыбохозяйственного комплекса является увеличение налоговой нагрузки, резкое снижение прибыли и показателей рентабельности за 2022–2023 годы. В случае сохранения отрицательного тренда создадутся предпосылки для ухудшения экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса в Приморском крае.

По результатам оценки индикаторов можно сгруппировать ряд дестимулирующих факторов, оказывающих влияние на процесс управления экономической безопасностью рыбохозяйственного комплекса Приморского края (рисунок 2).

Несмотря на ряд проблем в управлении, в 2024 году со стороны государства реализуется ряд мероприятий, обеспечивающих укрепление экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса. Во-первых, продолжается тренд экологической сбалансированности и устойчивости, предполагающий применение методов лова, минимизирующих влияние на морскую экосистему. В первую очередь они

нацелены на вылов конкретных видов и сокращают прилов нецелевых видов. Что касается аквакультуры, то здесь заметна тенденция на снижение использования антибиотиков и предоставление рыбе надлежащего питания.

Рис. 2. Диаграмма Исикавы
Источник: составлено авторами

Во-вторых, продолжается ужесточение международных стандартов в отношении качества рыбы. Это стимулирует производителей внедрять новые технологии его контроля. Большая часть продукции проходит сертификацию Морского попечительского совета и Попечительского совета по аквакультуре. Наличие сертификата MSC и ASC указывает, что морепродукты произведены экологически чистыми методами.

В-третьих, реализуется механизм квот под инвестиции. Нематериальные активы призваны стимулировать инвестиции в рыбную отрасль. В рамках 1-го этапа программы должно быть построено 105 судов, 41 из которых – краболовы и 64 – рыбопромысловые. Второй этап предполагает возведение логистических комплексов и расширение транспортного флота. Уже сейчас работает 25 рыбоперерабатывающих заводов, что позволяет диверсифицировать производство продукции.

В-четвертых, тренд цифровизации экономики положительно сказывается на безопасности деятельности рыбохозяйственного комплекса Приморского края. Благодаря системе мониторинга автоматизируются все процессы – от производственной

деятельности до распределения квот. Электронный рыболовный журнал оптимизирует контрольную деятельность, учет и планирование промысла. Сегодня с его помощью фиксируется почти 100% вылова.

В-пятых, большое внимание планируется уделить научному обеспечению отрасли. Сегодня отраслевые институты объединены в структуру ВНИРО, в планах постройка еще двух НИСов. Большое значение имеет создание единой системы Главрыбвода, где будут работать все рыбодонные заводы. Вышеизложенные стратегические векторы развития рыбохозяйственного комплекса безусловно будут способствовать улучшению эффективности функционирования рыбохозяйственного комплекса и укреплению его экономической безопасности в целом [7].

Выводы

Предложенный алгоритм позволяет классифицировать факторы, оказывающие влияние на экономическую безопасность рыбохозяйственного комплекса. Стоит отметить, что алгоритм позволяет осуществлять выборку индикаторов, ранжировать их приоритетность в зависимости от целей и предмета исследования интересов стейкхолдеров. При этом мониторинг экономической безопасности рыбохозяйственного комплекса невозможен без использования системы взаимосвязанных статистических показателей.

Список источников

1. Аксенова Н.И., Усачева О.В. Угрозы экономической безопасности компании: понятие и классификации // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 4. С. 833–848. DOI: <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.4.120792>.
2. Критерии и методы мониторинга угроз экономической безопасности в секторах экономики в условиях трансформации внешних детерминантов / А.В. Константинов, Е.А. Колесниченко, И.Н. Якунин, И.Д. Мотин // Лесотехнический журнал. 2016. № 4. С. 240–249.
3. Вякина И.В. Методы оценки экономической безопасности предприятия как инструментарий диагностики угроз развития // Экономический анализ: теория и практика. 2020. Т. 19, № 5 (500). С. 835–859. DOI: <https://doi.org/10.24891/ea.19.5.835>.
4. Жукова Ю.С., Наговицына Э.В. Особенности обеспечения экономической безопасности сельскохозяйственных предприятий: оценка и разработка основных направлений по ее укреплению // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. № 2. С. 61–67.
5. Левкина Е.В., Сахарова Л.А., Стенькина Е.Н. Современные подходы к оценке экономической безопасности промышленного комплекса (на примере рыбной промышленности региона) // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2022. № 4. С. 100–108. DOI: <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2022-4-100-108>.

6. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru>.

7. Королева И.Б., Леонтьев П.В., Зигангирова Э.Р. Научно-исследовательская деятельность на Дальнем Востоке как фактор развития региональной инновационной системы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 37–57. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/37-57>.

Библиографический список

1. Московско-Окское территориальное управление Федерального агентства по рыболовству: официальный сайт. URL: <http://www.moktu.ru>.

2. ООО «ФИШНЕТ». Торговля морепродуктами и рыбой. URL: <https://www.fishnet.ru>.

3. Приморье в 2023 году: аналитический обзор. Владивосток: Приморскстат, 2024. 26 с.

References

1. Aksenova N.I., Usacheva O.V. Ugrozy ekonomicheskoi bezopasnosti kompanii: ponyatie i klassifikatsii [Threats to the economic security of a company: concept and classifications]. *Ekonomicheskaya bezopasnost'*, 2024, vol. 7, no. 4, pp. 833–848. DOI: <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.4.120792>.

2. Konstantinov A.V., Kolesnichenko E.A., Yakunin I.N., Motin I.D. Kriterii i metody monitoringa ugroz ekonomicheskoi bezopasnosti v sektorakh ekonomiki v usloviyakh transformatsii vneshnikh determinantov [Criteria and methods for monitoring threats to economic security in economic sectors in conditions of transformation of external determinants]. *Lesotekhnicheskii zhurnal*, 2016, no. 4, pp. 240–249.

3. Vyakina I.V. Metody otsenki ekonomicheskoi bezopasnosti predpriyatiya kak instrumentarii diagnostiki ugroz razvitiya [Methods of assessing the economic security of an enterprise as a tool for diagnosing development threats]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2020, vol. 19, no. 5 (500), pp. 835–859. DOI: <https://doi.org/10.24891/ea.19.5.835>.

4. Zhukova Yu. S., Nagovitsyna E.V. Osobennosti obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti sel'skokhozyaistvennykh predpriyatii: otsenka i razrabotka osnovnykh napravlenii po ee ukrepleniyu [Features of ensuring the economic security of agricultural enterprises: assessment and development of the main directions for its strengthening]. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii*, 2020, no. 2, pp. 61–67.

5. Levkina E.V., Sakharova L.A., Stenkina E.N. [Modern approaches to assessing the economic security of the industrial complex (on the example of the fishing industry in the region)]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 2022, no. 4, pp. 100–108. DOI: <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2022-4-100-108>.

6. The official website of the Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru>. (In Russian).

7. Koroleva I.B., Leontiev P.V., Zigangirova E.R. Nauchno-issledovatel'skaya deyatelnost' na Dal'nem Vostoke kak faktor razvitiya regional'noi innovatsionnoi sistemy [Scientific research activity in the Far East as a factor in the development of a regional innovation system]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = Pacific RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 37–57. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/37-57>.

Информация об авторах / Information about the authors

Е.В. Левкина – кандидат экономических наук, доцент, доцент департамента прикладной экономики Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация).

✉ levkina.ev@dvfu.ru, SPIN: 3607-2397, <https://orcid.org/0000-0001-7764-251X>

E.V. Levkina – Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Applied Economics of the School of Economics and Management, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Е.Г. Гусев – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики таможенного дела и управления, Владивостокский филиал Российской таможенной академии (Владивосток, Российская Федерация).

✉ eg.gusev@bk.ru, SPIN: 5864-7794, <https://orcid.org/0000-0002-6905-079X>

E.G. Gusev – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Customs and Management, Vladivostok Branch of the Russian Council Academy (Vladivostok, Russian Federation).

М.В. Солобнева – главный специалист отдела по работе с диссертационными советами Департамента подготовки кадров высшей квалификации, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация).

✉ solobneva.mv@dvfu.ru, SPIN: 7624-4888

M.V. Solobnev – Chief Specialist of the Dissertation Councils of the Department of Personnel of Higher Qualification Personnel, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 25.10.2024;

одобрена после рецензирования / revised 30.10.2024;

принята к публикации / accepted 22.11.2024

Научная статья

УДК 338.4-048.35:658.62-027.542(571.56)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-4/60-74>

Национальное наследие как фактор роста инновационного потенциала компании

Алина Анатольевна Атастырова ✉, **Ирина Борисовна Репина,**
Наталья Георгиевна Сидорова, Данил Евгеньевич Сидоров

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

✉ atastyrova.aa@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена реализации инновационного потенциала компании, в ходе которого национальное наследие выступает как фактор, ей способствующий. В современном мире инновации выступают в качестве не только источника социально-экономического прогресса, но и основы конкурентного преимущества бизнеса. Разрабатывая и внедряя инновации, компания улучшает свое положение на рынке, осуществляет выпуск конкурентоспособной продукции, улучшает свои финансовые и экономические результаты. Предприятие может увеличить спрос на свою продукцию, дифференцируя ее и осваивая новые рынки сбыта. Издательская отрасль является сферой приложения инноваций, а также сферой популяризации в обществе инноваций в различных областях знания и содействия их принятию обществом. Инновации являются способом оптимизации деятельности предприятия, повышения его конкурентоспособности на рынке. Развитие «гибкого» подхода к бизнесу, выработка новых стратегий управления и принятия решений в инновационном ключе, обусловленные постоянными изменениями рыночных условий, таких как экономическая ситуация, изменения на рынках сбыта, могут иметь гораздо большую эффективность при обращении к богатству культурного наследия. Этим не только решаются сугубо экономические задачи, но в целом поддерживается курс на укрепление государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации, сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: инновационный потенциал, стратегии управления, издательская индустрия, сувенирная продукция, культурный суверенитет, национальная идентичность, Республика Саха, Якутия

Для цитирования: Атастырова А.А., Репина И.Б., Сидорова Н.Г., Сидоров Д.Е. Национальное наследие как фактор роста инновационного потенциала компании // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 60–74.

Original article

National heritage as a factor in realizing the innovative potential of the company

Alina A. Atastyrova✉, **Irina B. Repina**, **Natalya G. Sidorova**, **Danil E. Sidorov**

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

✉ atastyrova.aa@dvf.ru

Abstract. The article is devoted to the implementation of the company's innovative potential, during which the national heritage acts as a contributing factor. In the modern world, innovation acts not only as a source of socio-economic progress, but also as the basis of a business's competitive advantage. By developing and implementing innovations, the company improves its position in the market, produces competitive products, and improves its financial and economic results. An enterprise can increase demand for its products by differentiating them and developing new markets. The publishing industry is a sphere of application of innovations, as well as a sphere of popularization in society of innovations in various fields of knowledge and promoting their acceptance by society. Innovation is a way to optimize the activities of an enterprise and increase its competitiveness in the market. The development of a "flexible" approach to business, the development of new management strategies and decision-making in an innovative way, due to constant changes in market conditions, such as the economic situation, changes in sales markets, can be much more effective when accessing the wealth of cultural heritage. This not only solves purely economic problems, but generally supports the course towards strengthening state, cultural, value and economic sovereignty, civil identity based on the spiritual, moral and cultural values of the peoples of the Russian Federation, and the preservation of cultural heritage.

Keywords: innovative potential, management strategies, publishing industry, souvenirs, cultural sovereignty, national identity, Republic of Sakha, Yakutia

For citation: Atastyrova A.A., Repina I.B., Sidorova N.G., Sidorov D.E. National heritage as a factor in realizing the innovative potential of the company. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 60–74. (In Russ.).

В Постановлении Правительства Республики Саха (Якутия) от 15 сентября 2021 г. указано, что «развитие Дальнего Востока является абсолютным приоритетом

для России на весь XXI век». Идея национальной программы развития Дальневосточного федерального округа заключается в обеспечении ускоренного развития этого региона как важнейшего геополитического плацдарма страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Главная задача – обеспечение ускоренного увеличения общеэкономического потенциала, уровня социального развития и качества жизни населения [1]. Об этом заявил президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин во время выступления на пленарном заседании ВЭФ 2023 [2]. Кроме того, указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» предусматривает укрепление государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, повышение уровня жизни граждан, основываясь на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма, приоритета человека, социальной справедливости и равенства возможностей, экономического развития, основанного на честной конкуренции, предпринимательстве и частной инициативе. Также данный документ предусматривает укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации и поддержку добровольческих движений, в том числе в сфере сохранения культурного наследия народов Российской Федерации [3]. Предприятия Дальнего Востока в соответствии с новыми вызовами переориентируются на указанную концепцию, не только внося свой вклад в формирование культурного суверенитета, но и повышая эффективность бизнеса.

Креативная индустрия становится все более значимой частью экономики России, способствуя культурному и социальному развитию страны. Этот сектор включает в себя разнообразные сферы, такие как издательская деятельность. Развитие экономического потенциала России и креативной индустрии представляет собой взаимосвязанный процесс, который способствует комплексному укреплению национальной экономики и культурного потенциала страны [4].

Акционерное общество «Национальная издательская компания «Айар» имени Семена Андреевича Новгородова» основано в 1926 г. Издательство является крупнейшим издательством Дальнего Востока и Сибири. Сегодня АО НИК «Айар» вносит большой вклад в развитие образования, культуры и духовности Республики Саха, сохранение и развитие якутского языка и языков коренных малочисленных народов Севера [5]. Миссия компании – выпуск книг, иных печатных и электронных изданий на языках народов Республики Саха (Якутия), удовлетворение потребностей населения с целью способствовать процессу роста самосознания, сохранению, развитию родного языка, литературы и культуры народов, населяющих Якутию, укреплению государственности Республики Саха (Якутия).

Финансово-экономический анализ, имеющий решающее значение для управления деятельностью АО НИК «Айар», проводился с 2019 г. по 2023 г., в том числе

согласно данным ФНС и Росстата. Выручка компании в 2023 г. составила 193,1 млн рублей. На рисунке 1 представлена динамика выручки АО НИК «Айар» за 5 лет.

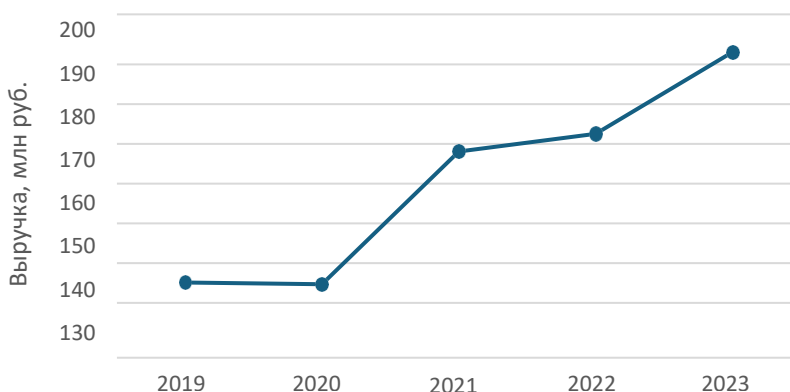

Рис. 1. Динамика выручки АО НИК «Айар» за 2019–2023 гг. [сост. авт.]

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 19.07.2024); Федеральная налоговая служба. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (дата обращения: 19.07.2024)

Далее на рисунке 2 представлена динамика чистой прибыли предприятия за 5 лет. В 2023 г. чистая прибыль компании составила 2,6 млн рублей.

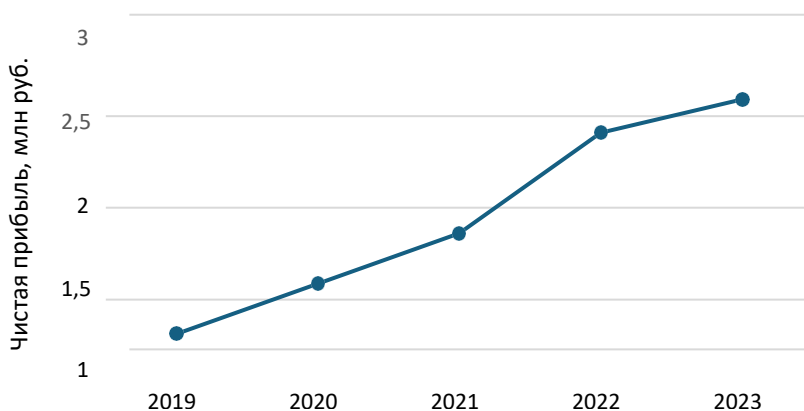

Рис. 2. Динамика чистой прибыли АО НИК «Айар» за 2019–2023 гг. [сост. авт.]

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 19.07.2024); Федеральная налоговая служба. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (дата обращения: 19.07.2024)

Далее на рисунке 3 представлена динамика себестоимости продаж АО НИК «Айар» за 5 лет. В 2023 г. себестоимость продаж компании составила минус 190,1 млн рублей.

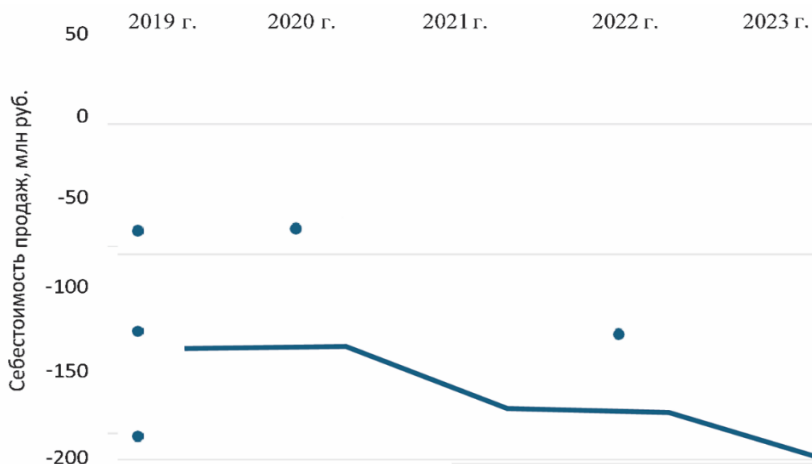

Рис. 3. Динамика себестоимости продаж АО НИК «Айар» за 2019–2023 гг. [сост. авт.]
 Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
 (дата обращения: 19.07.2024); Федеральная налоговая служба.
 URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (дата обращения: 19.07.2024)

На рисунках 1–3 представлены динамики выручки, чистой прибыли и себестоимости продаж АО НИК «Айар» за 5 лет. Данные указывают на слабый затратный механизм предприятия, то есть выручка после вычета всех затрат невысокая.

В 2023 г. было принято решение в структуре организации сформировать новый отдел – отдел сувенирной продукции, что представляет собой значимый шаг в контексте расширения функциональных возможностей организации и выходе на рынок сувенирных изделий для возможности повышения доходности и увеличения клиентской базы. Это соответствовало как, собственно, бизнес-целям предприятия, так и концепции, выдвинутой В.В. Путиным в русле культурного суверенитета, – это открывало не только перспективы для увеличения прибыли предприятия, но и социального воздействия, продвижения культурного наследия и в широком смысле – сохранения национальной идентичности.

В стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года в отношении туристско-рекреационного комплекса указано: «Богатство и разнообразие природно-рекреационного потенциала, исторического наследия, традиционного уклада жизни народов республики, а также мировые тенденции перенасыщения традиционных туристских мест отдыха и возрастающей потребности в новых туристических продуктах отдаленных регионов делают развитие туризма в Якутии перспективным направлением» [6]. За последние годы отрасль добилась определенного уровня развития. Отмечается рост темпов внутреннего и въездного туристского потока, численности занятых в сфере туризма, уплаченных налогов, объемов платных услуг в сфере туристских и гостиничных услуг.

Рынок сувенирной продукции в Якутии демонстрирует значительный потенциал для роста, что подтверждается ключевыми показателями, представленными в таблице 1.

Таблица 1

Ключевые показатели, влияющие на рынок сувенирной продукции в Якутии, 2023 г.

Показатель	Значение
Рост туристического потока	200 тысяч туристов в 2023 году
Средние расходы на сувениры	около 3000 рублей на туриста
Объем рынка	около 600 миллионов рублей в год
Государственная поддержка	более 50 миллионов рублей на развитие
Прогнозируемый рост показателей	10–15% в 2024–2028 гг.

Источник: Система обмена туристской информацией (СОТИ <https://www.nbcrs.org/>) (дата обращения: 19.07.2024)

По данным Системы обмена туристской информацией СОТИ, в 2023 г. Республику Саха (Якутия) посетило около 200 тыс. туристов. Это на 15% больше по сравнению с предыдущим годом, что свидетельствует о росте интереса к региону. Средние расходы туристов на сувениры составляют около 3000 рублей на человека. Это включает в том числе покупки традиционных якутских изделий, таких как украшения из серебра, мамонтовой кости и меха, а также различные декоративные предметы [6].

Рынок сувенирной продукции в Республике Саха (Якутия) на данный момент – сравнительно небольшой сектор местной экономики. Конкретные данные по объему рынка сувенирной продукции в Якутии привести сложно, однако можно оценить его масштабы и динамику на основе общей информации о развитии туристического и сувенирного сектора. Его масштабы ориентировочно составляют около 600 млн рублей.

При намерении влиться в этот рынок учитывается целевая аудитория:

1. Любители рукоделия: люди, которые увлекаются созданием украшений своими руками, интересующиеся бисероплетением и этническими мотивами.
2. Мастера и профессионалы: учителя и инструкторы, проводящие мастер-классы и курсы по бисероплетению.
3. Коллекционеры этнических украшений: люди, собирающие украшения в этническом стиле, особенно интересующиеся культурой и традициями народов Севера.
4. Потребители, приобретающие сувенирную продукцию в подарок, в том числе для детского творчества.
5. Туристы, посетившие Якутию и интересующиеся культурой региона.

Основные потребители: женщины от 12 до 60 лет, которые увлекаются созданием украшений своими руками, продвигают якутскую культуру, а также туристы, которые хотят увезти с собой часть местной культуры в виде сувенира.

Основные акторы в сфере продаж сувениров в Якутии, выступающие в качестве конкурентов, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Оценка конкурентов при разработке проекта

Наименование предприятия	Специализация по продажам	Тип продаж	Средний чек на покупку, руб.	Ключевые преимущества
Таас	Отдельный магазин по продаже украшений	Прямые, интернет-магазин	8 000	Продажа изделий из натуральных камней
Камелек	Отдельный Магазин якутской национальной посуды	Прямые, интернет-магазин	5000–6000	Низкие цены Крупный магазин сувениров Якутска
Блеск	Магазин национальных сувениров	Прямые, интернет-магазин	7000	Сувениры ручной работы

Данные таблицы 2 показывают, что бизнес предприятий основан на продаже сувениров ручной работы с высокой стоимостью и продажа сувениров является единственным и основным рынком сбыта, что дает возможность предприятиям, реализующим это направление в дополнение к основному бизнесу, обратить внимание на ценовую политику.

Эти данные определили ориентацию АО НИК «Айар» на расширение сферы деятельности и создание проекта по разработке линейки сувенирной продукции, как, например, набор для изготовления якутских народных украшений, представленный на рисунке 4.

Рис. 4. Набор для рукоделия. Брошь и серьги из бисера

АО НИК «Айар» на протяжении более десяти лет выпускает журналы с работами и чертежами якутских мастеров по бисероплетению, что расширяет перспективы разнообразия сувенирных наборов. Для минимизации затрат закупка бисера и круглых упаковочных коробок из шпона производится через поставщиков в Москве: «Бисероптом.ру» и «Дизайн экспресс. Упаковка».

Что касается исполнителей, для технического персонала предприятия стимулом становится надбавка в 25% к окладу, при этом дополнительная нагрузка на самих исполнителей может составлять 2–3 часа в день. Команда включает руководителя, эксперта, сборщика наборов и упаковщика.

Для успешной реализации проекта используется иерархическая структура работ, задач и элементов проекта (ИСР), разложенных на мелкие, управляемые компоненты. ИСР используется в управлении проектами для обеспечения четкого и детального плана работ, который помогает в управлении проектом на всех его этапах. Иерархическая структура работ представлена на рисунке 5.

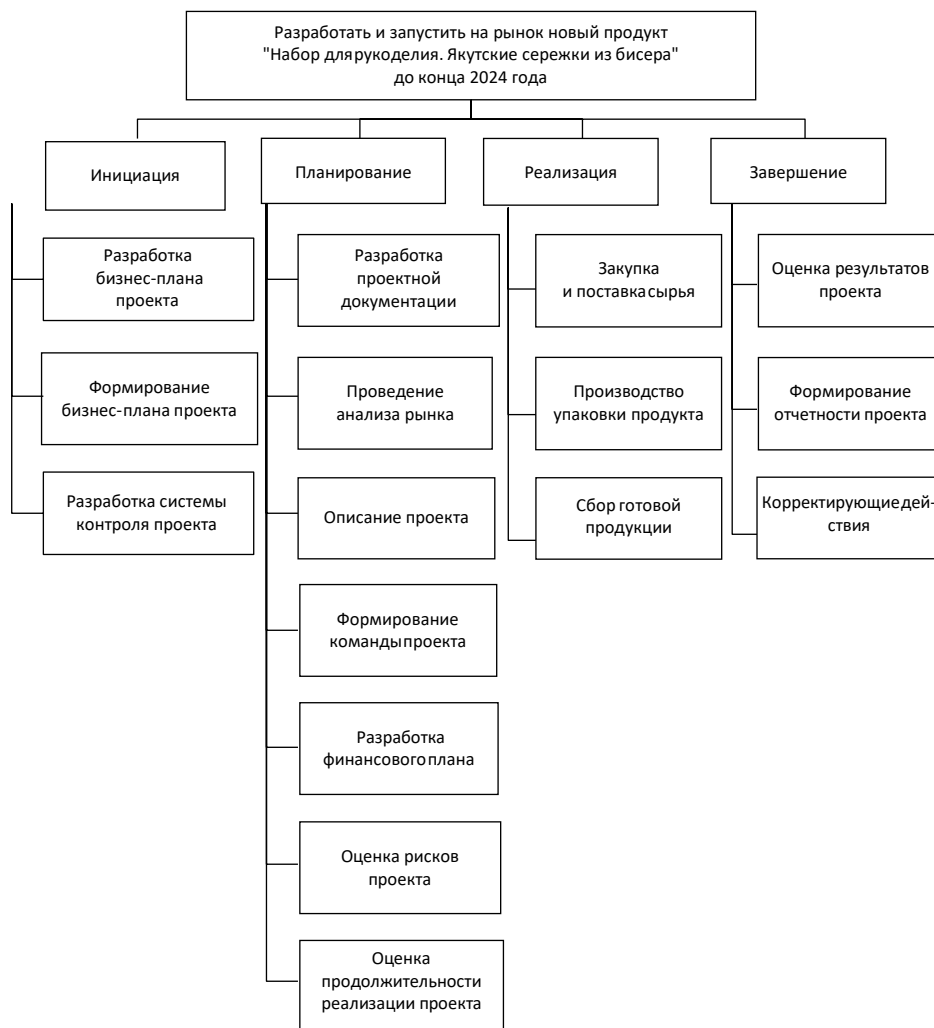

Рис. 5. Иерархическая структура работ по выпуску сувенирной продукции АО НИК «Айар»

ИСР определяет основные этапы работы. Для оценки продолжительности реализации инновационного проекта целесообразно использовать диаграмму Ганта, которая графически показывает продолжительность и последовательность выполнения основных этапов проекта. Диаграмма Ганта представляет собой отрезки (графические плашки), размещенные на горизонтальной шкале времени. Каждый отрезок соответствует отдельной задаче [7] (рисунок 6).

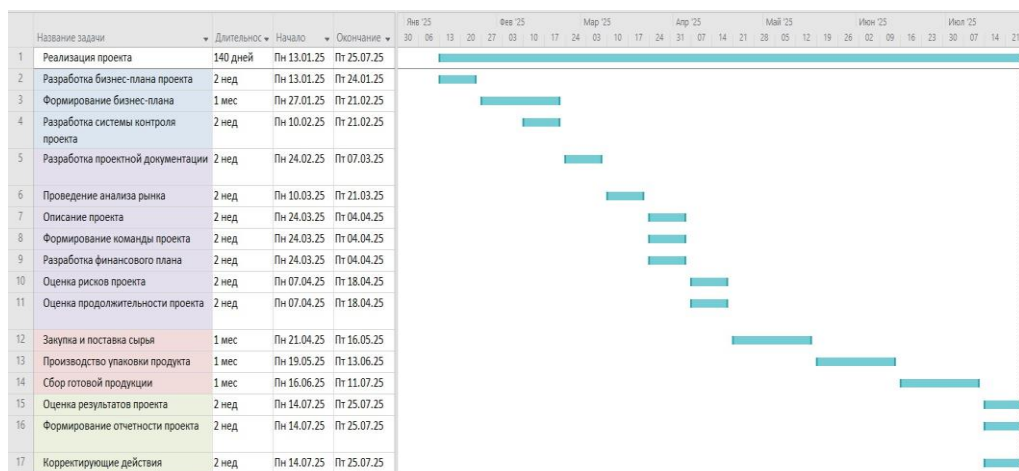

Рис. 6. Продолжительность задач проекта

Таким образом, на реализацию проекта АО НИК «Айар» требуется 7 месяцев или 140 дней. Больше всего времени требуется на закупку сырья и на производство продукции.

Приведем пример SWOT-анализа проекта «Набор для рукоделия. Якутские брошь и серьги из бисера».

Таблица 3

SWOT-анализ проекта

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
1. Уникальность продукции. 2. Продвижение культурного наследия. 3. Повышение эффективности за счет увеличения прибыли предприятия. 4. Растущий интерес рынка к рукоделию.	1. Ограниченный рынок. 2. Избирательное потребление. 3. Защита авторских прав. 4. Ограниченная аудитория.
Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
1. Расширение ассортимента. 2. Партнерство с мастерами. 3. Участие в ярмарках совместно с крупными ювелирными компаниями. 4. Развитие программы лояльности.	1. Возможные экономические кризисы или изменения в потребительском спросе. 2. Риск нехватки работников или несогласия работников участвовать в проекте. 3. Конкуренция.

Расчет финансово-экономических показателей проекта необходим для того, чтобы оценить его финансовую целесообразность и эффективность. Понимание финансового состояния проекта позволяет принимать осознанные решения о его дальнейшем развитии, оптимизировать расходы и доходы, управлять рисками, планировать бюджет и использовать ресурсы эффективно. В таблице 4 представлен расчет примерной заработной платы участников команды проекта

Таблица 4

Фонд оплаты труда

Должность	Заработная плата, руб.	Социальные выплаты в фонд оплаты труда, руб.
Руководитель проекта	80 000	24 160
Сборщик наборов	17 000	5 124
Упаковщик	17 000	5 124
Итого	114 000	34 428
Всего		148 428
Всего в год		1 781 136

Среднемесячная заработная плата в АО НИК «Айар» составляет 67 852 рубля. Согласно таблице 4 для технического персонала предприятия будет предложена процентная надбавка в 25% к окладу при участии в проекте, их заработная плата в этом проекте будет составлять 17 000 рублей. Планируется собирать 100 наборов в месяц, с учетом того, что в месяце 22 рабочих дня, минимум наборов в день – 4. Из этого следует, что их нагрузка составит 2 часа в день (386 рублей в час). Таким образом, в месяц на оплату труда потребуется 148 428 рублей.

Для производства продукции необходимо помещение для сборки наборов, которое уже имеется у АО НИК «Айар», и непосредственные исполнители проекта: сборщик наборов и упаковщик. В таблице 5 приведены материальные затраты на один набор.

Таблица 5

Материальные затраты на один набор

Составляющие	Сумма, руб.
Бисер	100
Мононить	14
Бисерная игла	10
Швензы, 2 шт.	25
Упаковка	140
Итого	289
Итого за 100 шт.	28 900
Всего за год	346 800

Стоит отметить, что переменные затраты будут определяться доходом проекта, так как предприятию будет выплачиваться 30% от дохода за предоставление инфраструктуры для реализации проекта (таблица 6).

Таблица 6

Затраты проекта за 5 лет, руб.

Год	Постоянные затраты	Переменные затраты	Итого
1	2 127 936	720 000	2 847 936
2	2 127 936	900 000	3 027 936
3	2 127 936	1 125 000	3 252 936
4	2 127 936	1 406 250	3 534 186
5	2 127 936	1 757 813	3 885 749

Далее рассчитывается движение денежного потока проекта (таблица 7). Первоначальные инвестиции на реализацию данного проекта планируется получить от предприятия АО НИК «Айар».

Таблица 7

Движение денежного потока (cash flow) проекта за 5 лет, руб.

Год	Доходы от продаж	Постоянные затраты	Переменные затраты	Первоначальные инвестиции	Движение денежного потока
1	2 400 000	2 127 936	720 000	200 000	-647 936
2	3 000 000	2 127 936	900 000	-	-27 936
3	3 750 000	2 127 936	1 125 000	-	497 064
4	4 687 500	2 127 936	1 406 250	-	1 153 314
5	5 859 375	2 127 936	1 757 813	-	1 973 627

Из таблицы 7 можно увидеть, что в первые два года проект будет убыточным из-за высоких затрат на производство, превышающих доходы от продаж. Однако в последующие годы проект начнет приносить прибыль, так как переменные затраты на производство снизятся, а доходы от продаж повысятся за счет увеличения объема продаж и повешения цены на продукт.

Прибыль проекта, равная сумме всех положительных значений движения денежного потока за весь период, составит 3 624 005 рублей за весь период.

Для определения эффективности проекта следует рассчитать следующие показатели: чистый дисконтированный доход (NPV) (ставка дисконтирования равна 29,44%); индекс доходности (PI); внутренняя норма доходности (IRR).

NPV рассчитывается по формуле:

$$\begin{aligned}
 NPV &= \sum_{t=0}^n \frac{CF_t}{(1+r)^t} - I_0 = \\
 &= DCF_1 + DCF_2 + DCF_3 + DCF_4 + DCF_5 - IC = \\
 &= -346\,057 - 16\,673 + 229\,196 + 410\,841 + 543\,153 - 200\,000 = \\
 &= 620\,460 \text{ руб.}
 \end{aligned}$$

где CF_t – чистая текущая стоимость на t -м шаге в виде чистых поступлений денежных средств по проекту;

r – ставка дисконтирования;

I_0 – первоначальные инвестиции.

Индекс доходности (PI) рассчитывается по формуле:

$$PI = \frac{\sum_{t=0}^n \frac{CF_t}{(1+r)^t}}{I_0} = \frac{-346\,057 - 16\,673 + 229\,196 + 410\,841 + 543\,153 - 200\,000}{200\,000} = 3,1$$

где CF_t – чистая текущая стоимость на t -м шаге в виде чистых поступлений денежных средств по проекту;

r – ставка дисконтирования;

I_0 – первоначальные инвестиции.

Внутренняя норма доходности (IRR) рассчитывался в программе Excel с помощью встроенной функции – ВСД.

$$IRR = 59,51\% \text{ PI}$$

Срок окупаемости (PP) данного проекта, рассчитанный Excel, равен 2 годам.

Экономический эффект продуктовой инновации выражается формулой:

$$\Delta Q = 6\,780 \times 500 = 3\,390\,000 \text{ рублей.}$$

Экономический эффект продуктовой инновации, который достигается благодаря выходу на новый рынок сбыта и социальному воздействию (продвижение культурного наследия), равен 3 390 000 руб. (таблица 8).

Таблица 8

Финансовые показатели проекта

Показатель	Значение	Единица измерения
NPV	620 460	рублей
PI	3,1	%
IRR	59,51	%
PP	2	года
ΔQ	3 390 000	рублей

Это указывает на перспективность и прибыльность проекта, а также подтверждает, что диверсификация бизнеса, как инструмент повышения эффективности бизнеса, подразумевает расширение ассортимента продукции или выход на новые рынки, что снижает риски и увеличивает стабильность компании [8]. Внедрение инноваций обеспечивает основу для успешной диверсификации, так как новые технологии и подходы открывают новые возможности для бизнеса. Вместе эти процессы

создают синергетический эффект, способствуя росту и развитию экономической среды [9], что подтверждает пример АО НИК «Айар».

Таким образом, инновации играют ключевую роль в модернизации существующих продуктов, услуг и процессов, что позволяет предприятиям повышать свою конкурентоспособность. Интеграция же экономических и культурных стратегий развития позволяет предприятию не только укрепить свою позицию на рынке, способствовать продвижению и популяризации национальных достижений и культурного наследия, но и в широком смысле способствовать формированию национальной идентичности и культурного суверенитета, устойчивому развитию и повышению качества жизни.

Список источников

1. Правительство Республики Саха (Якутия). О прогнозе социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на 2022–2024 годы: Постановление от 15 сентября 2021 г. № 334. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574890481/titles/3BA8FH4>.
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ от 07 мая 2024 г. № 309. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/.
3. Выступление Президента РФ В.В. Путина на пленарном заседании Восточного экономического форума, 2023 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru>.
4. Протопопов В.П., Федорова А.А. Анализ рынка сувенирной продукции РС (Я) // Форум молодых ученых. 2019. № 1 (5). С. 492–495.
5. Мальцева Е.С. Креативная индустрия в российской экономике // Бизнес и дизайн-ревю. 2021. №. 1. С. 21.
6. Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444958940>.
7. Гаврильева С.А., Рац Г.И. Перспективная роль новой экономики Якутии // Современная экономическая наука: теоретический и практический потенциал. Инновационное развитие современного экономического образования: материалы международной науч.-практ. конф. (Ярославль, 04 декабря 2019 г.). Ярославль, 2020. С. 213.
8. Лыткина С.Н. Сравнение арктического туризма республики Саха (Якутия) и Аляски // XVIII Семеновские чтения, Якутск, 16 марта 2023 г. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2023. С. 15–19.
9. Суйкова О.А., Кудряшова Е.В. Управление рисками инновационного проекта // Инновационное развитие профессионального образования. 2020. № 1 (25). С. 96–101.

References

1. Government of the Republic of Sakha (Yakutia). On the forecast of socio- economic development of the Republic of Sakha (Yakutia) for 2022–2024: resolution of September 15, 2021 No. 334. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574890481/titles/3BA8FH4>. (In Russian).
2. On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030 and for the future until 2036: decree of May 7, 2024. No. 309. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/. (In Russian).
3. Speech by Russian President V.V. Putin at the plenary meeting of the Eastern Economic Forum, 2023. Official website of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru>. (In Russian).
4. Protopopov V.P., Fedorova A.A. Analiz rynka suvenirnoi produktsii RS (Ya) [Analysis of the market for souvenir products of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Forum molodykh uchenykh*, 2019, no. 1 (5), pp. 492–495.
5. Maltseva E.S. Kreativnaya industriya v rossiiskoi ekonomike [Creative industry in the Russian economy]. *Biznes i dizain-revyu*, 2021, no. 1, pp. 21.
6. Strategy for the socio-economic development of the Republic of Sakha (Yakutia) for the period until 2030 with the definition of a target vision until 2050. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444958940>. (In Russian).
7. Gavrilyeva S.A., Rat G.I. Perspektivnaya rol' novoi ekonomiki Yakutii [Promising role of the new economy of Yakutia]. In: *Sovremennaya ekonomicheskaya nauka: teoreticheskii i prakticheskii potentsial. Innovatsionnoe razvitie sovremennogo ekonomicheskogo obrazovaniya: materialy mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf. (Yaroslavl', 04 dekabr'ya 2019 g.)* [Modern economic science: theoretical and practical potential. Innovative development of modern economic education: materials of international scientific and practical studies. conf. (Yaroslavl, December 04, 2019)]. Yaroslavl, 2020, pp. 213.
8. Lytkina S.N. Sravnenie arkticheskogo turizma respubliky Sakha (Yakutiya) i Al'yaski [Comparison of Arctic tourism of the Republic of Sakha (Yakutia) and Alaska]. In: *XVIII Semenovskie chteniya, Yakutsk, 16 marta 2023 g.* [XVIII Semenov Readings, Yakutsk, March 16, 2023]. Yakutsk: NEFU Publishing House, 2023, pp. 15–19.
9. Suikova O.A., Kudryashova E.V. Upravlenie riskami innovatsionnogo proekta [Risk management of an innovative project]. *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya*, 2020, no. 1 (25), pp. 96–101.

Информация об авторах / Information about the authors

А.А. Атастырова – студентка Департамента инноваций Политехнического института, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация).

✉ atastyrova.aa@dvfu.ru

A.A. Atastyrova – Student of the Department of Innovation, Polytechnic Institute, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

И.Б. Репина – доцент Департамента инноваций Политехнического института, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация).

✉ repina.ib@dvfu.ru

I.B. Repina – Associate Professor of the Department of Innovation, Polytechnic Institute, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Н.Г. Сидорова – кандидат экономических наук, профессор Департамента инноваций Политехнического института, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация).

✉ sidorova.ng@dvfu.ru

N.G. Sidorova – Candidate of Economic Sciences, Professor of the Department of Innovation, Polytechnic Institute, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Д.Е. Сидоров – старший преподаватель Департамента инноваций Политехнического института, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация).

✉ sidorov.dev@dvfu.ru

D.E. Sidorov – Senior Lecturer of the Department of Innovation, Polytechnic Institute, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 12.11.2024;

одобрена после рецензирования / revised 19.11.2024;

принята к публикации / accepted 22.11.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 75–89.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 75–89.

ПОЛИТИКА / POLITICS

Научная статья

УДК 325.14(470:510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-4/75-89>

Миграционная политика Российской Федерации как угроза миграционному потоку из Китая

Виктория Андреевна Базжина✉, **Эвелина Рамилевна Зигангирова**

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ v.bazzhina@spbu.ru

Аннотация. Миграционная политика Российской Федерации эволюционировала на протяжении последних десятков лет, с момента образования государства, в ответ на меняющиеся политические, экономические и социокультурные условия. Однако эта эволюция все еще не привела российское законодательство и систему управления в области миграции к единой и цельной структуре без пробелов и противоречий, подчиняющихся единой логике, цели, стратегии. Несмотря на то что демографические показатели России не отвечают потребностям экономики в рабочей силе и не могут обеспечить реализацию планов по развитию экономики и инфраструктуры наиболее удаленных от центра и наименее освоенных регионов, а именно – регионов Дальнего Востока и Сибири, российские органы государственной власти при стратегическом планировании пренебрегают инструментами привлечения иностранной рабочей силы и формированием активной стимулирующей внешней миграционной политики. Кроме того, в контексте данного исследования одной из наиболее важных проблем представляется российское законодательство в области миграции, отсутствие единой структуры законодательных актов, регулирующих и структурирующих привлечение иностранной рабочей силы для способствования экономическому росту и развитию государства. Актуальность исследования объясняется неспособностью России удовлетворить потребности экономики Дальнего Востока и Сибири в рабочей силе, в связи с чем возникает необходимость применения механизмов привлечения иностранной рабочей силы из Китая, так как этому способствуют территориальный фактор, интерес граждан Китая к перспективе трудоустройства в России и обоюдная выгода для обеих сторон от миграционных процессов.

Ключевые слова: трудовая миграция, миграционная политика, трудовые мигранты из Китая, развитие трудового законодательства

Для цитирования: Базжина В.А., Зигангирова Э.Р. Миграционная политика Российской Федерации как угроза миграционному потоку из Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 75–89.

Original article

Migration policy of the Russian Federation as a threat to the migration flow from China

Victoria A. Bazzhina ✉, **Evelina R. Zigangirova**

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ v.bazzhina@spbu.ru

Abstract. The migration policy of the Russian Federation has been evolving over the past decades, since the formation of the state in response to changing political, economic and socio-cultural conditions. However, this evolution has not yet brought the Russian legislation and management system in the field of migration to a single and integral structure without gaps and contradictions, obeying a single logic, goal, strategy. Despite the fact that Russia's demographic indicators do not meet the needs of the economy for labor and cannot ensure the implementation of plans for the development of the economy and infrastructure of the most remote and least developed regions, namely, the regions of the Far East and Siberia, Russian government authorities neglect the tools for attracting foreign labor and the formation of an active stimulating foreign migration policy. In addition, in the context of this study, one of the most important problems is the Russian legislation in the field of migration, the lack of a unified structure of legislative acts regulating and structuring the attraction of foreign labor to promote economic growth and development of the state. The relevance of the study is explained by Russia's inability to meet the labor needs of the economies of the Far East and Siberia, which necessitates the use of mechanisms to attract foreign labor from China, as this is facilitated by the territorial factor, the interest of Chinese citizens in the prospect of employment in Russia and the mutual benefit for both sides from migration processes.

Keywords: labor migration, migration policy, labor migrants from China, development of labor legislation

For citation: Bazzhina V.A., Zigangirova E.R. Migration policy of the Russian Federation as a threat to the migration flow from China. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 75–89. (In Russ.).

Миграционная политика России является объектом исследования и анализа многих авторов. Неоспоримый вклад в развитие данного направления внес С.В. Рязанцев, рассматривающий в своих исследованиях миграционную политику России с разных ракурсов: экономическая эффективность, социальное влияние, нравственный аспект, региональное управление. Его работы стали основой для теоретической базы данного исследования.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года была утверждена в 2012 году [1]. Текст концепции подтверждает естественную убыль населения, недостаток рабочей силы и высококвалифицированных кадров, сравнительно низкую миграционную привлекательность России относительно более развитых и быстроразвивающихся стран, низкий уровень территориальной мобильности внутри государства, несовершенство миграционного законодательства и системы управления в области миграции. Ссылаясь на текст Концепции, можно выделить и бюрократические трудности: «Решение этих проблем затрудняется неоправданной сложностью получения статуса постоянно проживающего в Российской Федерации, а также неурегулированностью правового положения иностранных граждан» [1].

Основные цели государства, поспособствовать достижению которых должна миграционная политика и ее инструменты, сводятся в основном к защите национальной безопасности, увеличению численности постоянного населения и более равномерному распределению населения на территории всех регионов страны, а также обеспечение вместе с этим потребности российской экономики в рабочей силе. По мнению авторов, акцент несправедливо сделан в основном на высококвалифицированных кадрах, хотя рабочей силы недостаточно и для низкоквалифицированного ручного труда, а именно для таких сфер экономики, как строительство, сельское хозяйство, животноводство.

Наиболее важным для данного исследования является принцип, закрепленный в Концепции, говорящий о том, что из хаотичных миграционных потоков необходимо выстроить гибкую, дифференцируемую систему, быстро реагирующую на нужды государства и отвечающую региональным экономическим запросам с учетом их развития и целей. Создание такой системы, по мнению авторов, могло бы стать ключевым фактором, влияющим на развитие Дальнего Востока и Сибири, так как низкая плотность населения выбранных регионов является основной проблемой, препятствующей их освоению и экономическому росту.

Однако спустя 4 года после утверждения данной Концепции последовало противоречащее ее целям и принципам решение. Так, в 2016 году Указом Президента № 156 [2] была упразднена Федеральная миграционная служба – орган российской исполнительной власти, отвечающий за вопросы контроля, надзора и оказания госу-

дарственных услуг в сфере миграции. Федеральная миграционная служба была упразднена с сокращением штата сотрудников на 30% «в целях совершенствования государственного управления в сфере миграции» [2], что представляет собой достаточно размытую формулировку и не объясняет конкретных причин для данного решения. Кроме того, теперь Федеральная миграционная служба представляет собой департамент Министерства внутренних дел (Главное управление по вопросам миграции МВД России), а Пограничная служба – Федеральной службы безопасности, то есть все органы, отвечающие за миграционные процессы и их оптимизацию, подчиняются силовым структурам государства. Из этого можно сделать вывод, что основной целью российской миграционной политики является все же национальная безопасность, но не гибкость, оптимизация, стимулирование и масштабирование внешних миграционных потоков.

К аналогичному выводу можно прийти, проанализировав и изменения в составе и структуре Миграционной службы после перехода под контроль Министерства внутренних дел. Так, в докладе 2021 года аналитика комитета «Гражданское содействие» Константина Троицкого [3] приведены данные и факты, указывающие на снижение эффективности Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации относительно упраздненной Федеральной миграционной службы, среди которых: снижение численности сотрудников примерно на 25–30%; снижение показателей, характеризующих информированность граждан и иностранных лиц о миграционной политике, ее изменениях и механизмах, о правилах и нормативно-правовых актах, регулирующих миграционные процессы; отсутствие публичных отчетов и части статистических данных, публиковавшихся ранее Федеральной миграционной службой.

Согласно докладу, многие руководящие должности Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел занимают люди без соответствующего опыта работы – бывшие сотрудники отделов безопасности, делопроизводства, а также совершенно других структур – полиции, Государственной инспекции безопасности дорожного движения, Патрульно-постовой службы и пр.

Наиболее важным изменением для формирования вывода о нацеленности миграционной политики первоначально на защиту национальной безопасности говорят, в первую очередь, тот факт, что с 2018 года Правительственная комиссия по миграционной политике, находящаяся под контролем Министерства внутренних дел, состоит только из государственных деятелей и чиновников. До 2015 года (с 2015 по 2018 год Комиссия не собиралась) в состав Комиссии входили деятели и главы общественных и некоммерческих организаций, гражданских сообществ (в том числе глава Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства, что представляется авторам необходимым для эффективной оптимизации

миграционной политики и ее возможности реагировать на нужды и запросы экономики). Засекреченность работы Правительственной комиссии и допуск к ней только государственных деятелей не только подтверждает вывод о нацеленности российской миграционной политики на защиту национальной безопасности, но и в значительной мере препятствует влиянию на нее других заинтересованных граждан – представителей бизнеса, научных деятелей и экономистов, чье мнение могло бы внести альтернативные взгляды на миграционную политику и сформировать наиболее рациональные, оптимальные принципы и механизмы ее реализации, удовлетворяя этим не только потребность в национальной безопасности, но и потребность экономики в рабочей силе.

Кроме того, упразднен Общественный совет, в чьей юрисдикции был широкий круг вопросов, связанных с миграцией (включая экспертизу нормативно-правовых актов), а также Комиссия и рабочие группы при нем. Его функции переданы Общественному совету МВД России, который занимается вопросами всех управлений и департаментов Министерства, не имеет в своем составе членов некоммерческих организаций, связанных с миграцией, а также комиссии и рабочих групп, специализирующихся на вопросах миграции. Еще одним недостатком реформы является упразднение вместе с Федеральной миграционной службой Научного совета при ней, и, в отличие от Общественного совета, при Министерстве внутренних дел нет аналогичного органа, то есть общего Научного совета для всех департаментов. Низкий уровень взаимодействия российских органов государственного управления по вопросам миграции с научными институтами, низкая корреляция принимаемых на государственном уровне решений с научными исследованиями, представляются автору ключевыми проблемами, препятствующими экономическому росту и развитию.

В октябре 2018 года Указом Президента № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [4] была утверждена новая Концепция государственной миграционной политики и упразднена Концепция 2012 года «в связи с необходимостью актуализации целей, задач и основных направлений деятельности Российской Федерации в сфере миграции», согласно тексту Указа.

Так, новая Концепция подтвердила диспропорцию размещения населения по территории России, низкую плотность населения и нехватку рабочей силы на Дальнем Востоке и в Сибири, а также низкий уровень привлечения высококвалифицированных специалистов и активный приток низкоквалифицированных мигрантов. Однако идеи, выводы, проблемы и предложения по их решениям в основном касаются мигрантов из ближнего зарубежья – стран-участниц Содружества Независимых Государств, бывших членов СССР, среди которых трудоустройство на Дальнем Востоке и в Сибири не пользуется настолько большой популярностью, как среди граждан Китая.

Кроме того, текст Концепции [5] акцентирует внимание на том, что миграционная политика – лишь вспомогательный инструмент для формирования эффективной экономической политики государства и соответствующего предложения на запрос экономики рабочей силы, а запрос экономики должен быть удовлетворен в первую очередь с помощью естественного прироста населения. Естественный прирост населения – ответ общества на повышение уровня жизни, рост и стабильность экономики, социальные гарантии, развитую инфраструктуру и возможность мобильности. То есть, во-первых, это результат длительного процесса, не достигаемый одномоментно, а во-вторых, невозможный без предварительного повышения качества жизни во всех аспектах социальной инфраструктуры и социальных институтов государства или отдельного региона.

Так, по мнению авторов, нелогично ожидать естественного прироста населения от регионов с низким уровнем развития инфраструктуры и экономики. Именно в этом и заключается противоречие, так как на данный момент, ввиду недостатка отечественной рабочей силы, лишь с помощью привлечения иностранной рабочей силы можно развить инфраструктуру отдаленных от центральной части России регионов и сделать их благоприятными для жизни, а миграционная политика в таком случае представляется не вспомогательным или второстепенным инструментом, а одним из основных.

Кроме того, Концепция закрепила задачи, связанные с формированием новой миграционной политики, – упрощение бюрократических процедур, повышение прозрачности, оптимизация законодательства в сфере миграции, участие в формировании и исполнении миграционной политики институтов гражданского общества. Тем не менее большая часть поставленных задач все еще не получила практическую реализацию. Немаловажным является и то, что первые годы Правительством Российской Федерации утверждались Планы мероприятий по реализации Концепции миграционной политики в 2019–2021 и 2020–2022 годах соответственно, но в последующие годы не формировались и не утверждались [6–8]. Так, все еще не был утвержден план на 2023 и 2024 год.

Что касается миграционного законодательства, его формирование в России началось с образованием Российской Федерации как отдельного государства, в 1990-е годы. В начале 1990-х годов после развала Советского Союза Россия столкнулась с внезапным потоком вынужденных мигрантов, переселенцев и беженцев из бывших республик СССР. Данное обстоятельство особенно осложнялось тем, что прибывающие иностранцы еще недавно были гражданами СССР и не являлись иностранцами в РСФСР, и именно это резко изменило объем и характер миграционного потока в Россию и создало новые вызовы, привело к необходимости разработки нового законодательства для регулирования миграции и пребывания иностранных граждан на территории России. Так, основной стратегической задачей этого периода для России

стала организация переселения и размещения на территории страны бывших граждан СССР, так как средняя плотность населения и, как следствие, трудоспособного населения России значительно сократилась (плотность населения в остальных республиках СССР была значительно выше, чем в России, а механизмы экономики позволяли направлять миграционные потоки внутри СССР таким образом, чтобы трудовые ресурсы были распределены равномерно) [9].

Только в начале 2000-х были приняты ключевые законы, обрисовывающие единую структуру политики Российской Федерации в отношении въезжающих на территорию государства иностранцев. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ [10] был принят в ответ на необходимость в формировании последовательной и логичной стратегии государства относительно иностранцев, прибывающих в страну по личным и профессиональным причинам, их правовых отношений с Россией и ее гражданами. Данный закон установил основные правила и процедуры для миграции.

Именно вопросы трудовой миграции и трудоустройства иностранцев в рамках данного закона представляют собой проблему миграционного законодательства, так как они должны быть рассмотрены и закреплены в рамках совершенно отдельного нормативно-правового акта, и кроме того, в рамках трудового законодательства, но не конституционного. Так, в первой главе данного Федерального закона об общих положениях затрагиваются вопросы трудовой деятельности иностранных граждан на территории России, что логично, так как соответствующие статьи закрепляют право иностранного лица на трудовую деятельность. Последующее описание механизмов регулирования трудовых процессов должно попадать под юрисдикцию трудового законодательства. В данном законе закреплён механизм привлечения и использования иностранной рабочей силы и ключевые понятия для осуществления его функционирования, такие как «работодатель», «иностраный работник», «разрешение на работу» и прочие, что не имеет отношения к конституционному праву и выходит за рамки предмета регулирования данного нормативно-правового акта. По мнению автора, правила, регламентирующие процесс устройства иностранного лица на работу, если и не представляют из себя отдельный законодательный акт отдельной отрасли права – миграционной, то как минимум должны быть закреплены в нормативно-правовом акте трудового права, а именно в Трудовом кодексе Российской Федерации.

Кроме того, Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ [11] регулирует те же объекты и отношения, которые затрагиваются в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ, но более подробно, что исключает необходимость присутствия данных вопросов в V Главе данного Федерального закона «Миграционный

учет иностранных граждан и федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции».

В связи с этим необходимо формирование новой, отдельной отрасли российского законодательства и российского права, сплачивающей и связывающей в единую систему нормативно-правовые акты в области миграции. Предлагаемая реформа не должна ограничиваться только работой с законодательством, так как должный уровень организации, контроля и статистики не наблюдается в миграционной системе в целом, в том числе в структуре органов власти, регулирующих вопросы миграции.

Тем не менее проблемы в российской системе управления в области миграции не ограничиваются глобальными вопросами, связанными со стратегией и организацией института миграции. Если говорить непосредственно о самом процессе привлечения иностранной рабочей силы, как для работодателя, так и для самого иностранного работника можно выделить целый ряд бюрократических трудностей. Важно понимать, что бюрократические трудности отталкивают обе стороны процесса – работодателя и иностранного (потенциального) сотрудника, в связи с чем иностранные сотрудники зачастую не заключают формальных трудовых отношений (трудовой договор) со своими работодателями и попадают в теневой сектор экономики.

В соответствии со статьей 13 Федерального закона № 115-ФЗ первым звеном в этой цепи является получение работодателем разрешения на привлечение иностранной рабочей силы. Чтобы получить разрешение на привлечение иностранной рабочей силы, юридическое лицо должно быть аккредитовано в Главном управлении по вопросам миграции МВД. По предположению авторов, именно на этом этапе большая часть работодателей отказывается от перспективы законного трудоустройства иностранных граждан из-за бюрократических препятствий и сложностей этого процесса.

Порядок привлечения иностранного лица к работе зависит от того, к какому типу иностранного сотрудника его можно отнести: высококвалифицированный сотрудник, визовый иностранный сотрудник, безвизовый иностранный сотрудник. В контексте данного исследования нас интересует порядок при привлечении к работе визового иностранного гражданина, так как между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой действует визовый режим, обязывающий граждан Китая предъявлять действующую визу при въезде в Россию вне зависимости от цели поездки. Процесс привлечения низкоквалифицированного визового иностранного работника представляется более сложным и многоэтапным, нежели высококвалифицированного иностранного работника, что позволяет сделать вывод о нацеленности миграционной политики России на развитие технологий и инноваций, наукоемких отраслей экономики, но не на восполнение недостатка рабочей силы в трудоемких отраслях экономики. Кроме того, иностранные работники, не относящиеся к высококвалифицированным, квотируются (ежегодно Правительством Российской Феде-

рации устанавливается квота на иностранных визовых работников по отраслям экономики, в зависимости от объема запроса этих отраслей на дополнительную иностранную рабочую силу) [10].

Так, работодатель должен сначала разместить вакансию (на которую планирует привлечь иностранного работника) в местном центре занятости и получить квоту на иностранного работника, а именно – подать заявку через форму информационно-аналитической системы «Миграционные квоты» или в местном органе управления по вопросам миграции. При этом работодатель имеет право сформировать заявку на получение разрешения на привлечение иностранной рабочей силы только в том случае, если размещенная им в центре занятости вакансия не заинтересует никого из соотечественников в течение 30 дней и если в течение этого срока должность не займет гражданин России.

В том случае, если должность не окажется занята россиянином, работодатель должен оплатить государственную пошлину в размере 10 тысяч рублей за каждую вакансию, на которую потенциально должен будет устроиться иностранный работник, чтобы иметь возможность подать заявку на получение квоты на иностранных сотрудников. К заявке необходимо приложить квитанцию об оплате пошлины, заполненную форму заявления, уставные документы и форму (проект) трудового договора. Данный запрос рассматривается ГУВМ МВД в течение 30 дней.

Далее необходимо встать на учет в Главном управлении по вопросам миграции Министерства внутренних дел и получить аккредитацию для привлечения иностранной рабочей силы, после чего можно подать заявку на оформление разрешения на привлечение иностранной рабочей силы с полным пакетом документов.

После того, как (и если) ГУВМ МВД выдает компании-работодателю разрешение (также в течение 30 дней), работодатель должен подать заявку на оформление разрешения каждого привлеченного иностранного лица на работу и официального приглашения на въезд, с полным пакетом оригинальных документов (в данном случае на китайском языке), а также нотариально заверенный перевод на русский язык каждого документа (заполненная форма заявления; копия документа, удостоверяющего личность; копия документа об образовании (аттестата, диплома); результаты экзаменов по русскому языку, истории России и обществознанию; заключение о прохождении медкомиссии; медицинская справка об отсутствии ВИЧ; квитанция об оплате государственной пошлины в размере рублей). Данный запрос также обрабатывается ГУВМ МВД в течение 30 дней. Таким образом, бюрократические процедуры могут затянуться на срок до 120 дней.

После этого сотрудник может подать заявку на получение трудовой визы на основании трудового договора и официального приглашения, а по прибытии должен

получить разрешение на работу очно в местном отделении ГУВМ МВД с предоставлением собственного заграничного паспорта, подписать трудовой договор с работодателем и встать на миграционный учет.

В отличие от процесса привлечения высококвалифицированного специалиста, процесс привлечения обычного визового иностранного работника обременен получением на него квоты, а также получением разрешения на привлечение иностранной рабочей силы, чего не требуется в случае привлечения высококвалифицированного иностранного специалиста. Работодателю необходимо лишь подать ходатайство (на конкретного интересующего его специалиста) о привлечении иностранного высококвалифицированного специалиста, и при соблюдении всех требований к подаче заявки он сразу же получит аккредитацию, разрешение на привлечение иностранного высококвалифицированного сотрудника и приглашение на въезд.

Кроме того, в соответствии со статьей 16 Федерального закона № 115-ФЗ на работодателя ложится ответственность за соблюдение иностранным работником правил и порядка нахождения в стране, ведение его деятельности в соответствии с целью, указанной при получении разрешения на въезд и работу, а также своевременный выезд приглашенного иностранного гражданина за пределы страны по истечении срока разрешения (приглашения) на работу. За нарушение требований данного закона работодателю грозит штраф до 500 000 рублей.

Так, из всего вышесказанного складывается мнение, что нежелание оформлять официальные трудовые отношения и заключать трудовой договор с иностранными гражданами скорее исходит от работодателя, нежели от самого мигранта, так как основная часть рисков, ответственности, финансовых и временных затрат, а также практически вся бюрократическая волокита ложится в обязательства местной принимающей компании. С его стороны должна быть оплачена государственная пошлина за каждого иностранного работника, практически втрое больше, чем пошлина, оплаченная самим работником единожды, а также в его обязательства входит получение нескольких разрешающих заключений: квота, аккредитация, разрешение на привлечение иностранной рабочей силы, разрешение на работу каждого из потенциальных сотрудников. Кроме того, он несет ответственность за правомерность пребывания мигранта на территории России и за его своевременный выезд, то есть неконтролируемое поведение отдельного человека, действующего вне рамок закона на свой страх и риск, может стоить работодателю до 500 000 рублей. При этом штраф за использование нелегальной иностранной рабочей силы (мигрантов без разрешения на работу; мигрантов по роду деятельности, не указанном в разрешении на работу; мигрантов с истекшим разрешением на работу) не может превышать 800 000 рублей (даже если выявлено неоднократное нарушение, работа более чем одного нелегального мигранта), а штраф за привлечение иностранной рабочей силы

без соответствующего разрешения на привлечение рабочей силы у данного юридического лица не может превышать 1 000 000 рублей (также за одновременное выявление нескольких нарушений). Становится очевидным, что на данный момент официальное закрепление трудовых отношений с иностранным работником не представляет интересов работодателя и несет для него меньше выгоды и больше рисков, чем уклонение от миграционной службы [12].

Кроме того, стоит поднять вопрос о необходимости знания русской истории и обществознания для потенциального китайского мигранта, в чьих интересах отработать контракт, к примеру, на стройке, но на заработанные деньги продолжать жить в Китае и там же обеспечивать свою семью (в предыдущей главе были приведены исследования, доказывающие, что подавляющее большинство приезжих в рабочих целях китайцев не планирует оставаться жить в России, перевозить сюда семью и получать российское гражданство). Так, необходимость знания русского языка не оспаривается авторами, но требование к знанию истории России и обществознания представляется лишним.

Авторы предлагают в первую очередь ввести разрешение на привлечение иностранной рабочей силы из КНР для юридических лиц, наиболее нуждающихся в рабочей силе секторов экономики Дальнего Востока и Сибири (строительство, сельское хозяйство), желающих привлечь к работе китайских мигрантов по умолчанию, так как данное решение не несет в себе рисков и может быть беспрепятственно отменено после достижения поставленных экономических целей. Это не только сократит издержки на бюрократические процедуры, стимулируя тем самым работодателей на официальное закрепление трудовых отношений с мигрантами, но и сократит время, затраченное на процесс получения разрешений для подписания трудового договора, на 90 дней, в течение которых проходит «испытательный срок» вакансии на предмет заинтересованности в ней россиян.

Кроме того, с дальневосточных и сибирских юридических лиц можно снять ответственность за неправомерное нахождение на территории России или неправомерную деятельность приглашенного им мигранта, так как, во-первых, это представляется автору более справедливым (компания не может нести полную ответственность за свободного человека), а во-вторых, наличие такого штрафа представляется бесполезным. Действительно, оно не стимулирует работодателя лучше контролировать своих сотрудников (в основном потому, что это невозможно – постоянный контроль за свободным человеком не только является дорогостоящим мероприятием, но и нарушением его прав), но стимулирует скрывать от государства работающих на него мигрантов.

Также на плановый период достижения целей в вопросах уровня экономического развития и развития инфраструктуры Дальневосточных и Сибирских регионов имеет смысл увеличить штат местных отделений Главного управления по вопросам миграции МВД, чтобы сократить четырехмесячный (суммарно) срок на получение

всех официальных разрешений на заключение трудового договора – как для работодателя, так и для мигранта. Особенно с учетом того, что при реализации данных решений поток заявок увеличится, при действующем штате сотрудников время на их обработку также возрастет.

Однако тут необходимо затронуть глобальную проблему – пренебрежение механизмами международной мобильности и международного трудового капитала для достижения целей экономического роста и развития. Фактическое отсутствие единой миграционной политики, эффективной и гибкой системы государственного управления в области миграции, а также хаотичность миграционного законодательства представляются автору основным препятствием для достижения экономических целей с помощью механизмов трудовой миграции и привлечения иностранной рабочей силы. Необходимо вынести миграционное законодательство в отдельную отрасль права, при этом ключевым законодательным актом оставить Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ и вынести из него положения о миграционном учете, о трудовой деятельности и прочие вопросы, не имеющие прямого отношения к базовым конституционным правам иностранного гражданина в Российской Федерации. Так, для каждого права, закрепленного в данном законе, необходимо разработать и утвердить нормативно-правовые акты, регулирующие порядок и правила реализации иностранным гражданином своих прав.

Кроме того, необходимо восстановить самостоятельную Федеральную миграционную службу с увеличением штата сотрудников, а также Правительственную комиссию по миграционной политике, Научный и Общественный советы при ней, чтобы наладить коммуникацию органов государственной власти в сфере миграции с представителями гражданского общества, деятелями науки и бизнеса.

Список источников

1. Президент утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635>.

2. Указ Президента Российской Федерации «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» от 05.04.2016 № 156 // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201604050050>.

3. Пять лет без ФМС. Как изменилась миграционная служба после подчинения МВД // Комитет «Гражданское содействие». URL: <https://refugee.ru/dokladyi/from-fms-to-guvm-mvd/>.

4. Указ Президента Российской Федерации «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» от 31.10.2018 № 622 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709>.

5. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы от 31.10.2018 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709>.

6. Распоряжение Правительства РФ «О плане мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» от 22.02.2019 № 265-р // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/35846/>.

7. План мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы от 22.02.2019 // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/EeWin7FntuWj0nblXpJiiAyYFXfT69XC.pdf>.

8. План мероприятий по реализации в 2020–2022 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы от 22.02.2019 // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/120774/>.

9. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л. Доминанта миграционной политики современной России // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 59–65. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517080062>.

10. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ» от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24033>.

11. Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства» от 18.07.2006 № 109-ФЗ // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18669>.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 18.15.

References

1. The President approved the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025. *President of Russia*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635>. (In Russian).

2. Decree of the President of the Russian Federation "On improving public administration in the sphere of control over the circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors and in the sphere of migration" dated 05.04.2016 No. 156. *Official publication of legal acts*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201-604050050>. (In Russian).

3. Five years without the FMS. How the migration service has changed after being subordinated to the Ministry of Internal Affairs. *Civil Assistance Committee*. URL: <https://refugee.ru/dokladyi/from-fms-to-guvm-mvd/>. (In Russian).

4. Decree of the President of the Russian Federation "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025" dated 31.10.2018 No. 622. *President of Russia*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709>. (In Russian).

5. On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025 dated 31.10.2018. *President of Russia*. URL: <http://www.kremlin.ru/-acts/bank/43709>. (In Russian).

6. Order of the Government of the Russian Federation "On the action plan for the implementation in 2019–2021 of the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019–2025" dated 22.02.2019 No. 265-r. *Government of Russia*. URL: <http://government.ru/docs/35846/>. (In Russian).

7. Action plan for the implementation in 2019-2021 of the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019-2025 dated 22.02.2019. *Government of Russia*. URL: <http://static.government.ru/media/files/EeWin7FntuWj0nblXpJiiAyYFXtT69-XC.pdf>. (In Russian).

8. Action Plan for the Implementation in 2020–2022 of the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025 of February 22, 2019. *Government of the Russian Federation*. URL: <http://government.ru/docs/all/120774/>. (In Russian).

9. Vorobyova O.D., Rybakovsky L.L. Dominant migratsionnoi politiki sovremennoi Rossii [Dominant feature of migration policy in modern Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no. 8 (401), pp. 59–65. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517080062>.

10. Federal Law "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" of July 25, 2002 No. 115-FZ. *President of Russia*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24033>. (In Russian).

11. Federal Law "On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons" dated 18.07.2006 No. 109-FZ. *President of Russia*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18669>. (In Russian).

12. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses [Text]: dated 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 24.04.2020). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2002, January 7, no. 1 (Part 1), art. 18.15. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

В.А. Базжина – кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

✉ v.bazzhina@spbu.ru, SPIN: 4166-8557, <https://orcid.org/0000-0003-1002-8413>

V.A. Bazzhina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

Э.Р. Зигангирова – студент магистратуры Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

✉ st111019@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5395-2058>

E.R. Zigangirova – Master's student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 07.05.2024;

одобрена после рецензирования / revised 29.10.2024;

принята к публикации / accepted 22.11.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 90–102.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 90–102.

Научная статья

УДК 330.34:338.246(597)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-4/90-102>

Роль государства в развитии: концепция «государства развития» (опыт Вьетнама)

Ле Хуинь Дык¹, Нгуен Тхи Тхыонг^{✉, 2}, До Тхи Ван Фыонг¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

✉ ntthuong98@gmail.com

Аннотация. В данной статье авторы стремятся рассмотреть роль государства в развитии, особенно в контексте модели «государства развития» и опыта Вьетнама. На основе обзора выдающихся особенностей модели государства развития, а также методов исследования, анализа и обобщения документов авторы объясняют причины, по которым модель «государства развития» является потенциальным предложением для развивающихся стран в процессе поиска пути к развитию. В статье также объясняется, почему во Вьетнаме присутствуют элементы модели «государства развития», и с учетом тенденции исследования фундаментальной теории этой модели во вьетнамском научном сообществе авторы предлагают ценные направления и опыт для России и других стран в подходе к этой концепции и модели. Общий вывод заключается в том, что модель «государства развития» является потенциальным предложением для стран в построении разумного и эффективного государства, отвечающего требованиям устойчивого развития в экономике, обществе и окружающей среде, в соответствии с новым контекстом и ситуацией.

Ключевые слова: государственная модель, государства развития, роль государства в экономике, зарубежный опыт, Вьетнам

Для цитирования: Ле Хуинь Дык, Нгуен Тхи Тхыонг, До Тхи Ван Фыонг. Роль государства в развитии: концепция «государства развития» (опыт Вьетнама) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 90–102.

Original article

The role of the state in development: the concept of the ‘developmental state’ (experience of Vietnam)

Le Huynh Duc¹, Nguyen Thi Thuong^{✉ 2}, Do Thi Van Phuong^{1✉}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ ntthuong98@gmail.com

Abstract. Faced with the necessity of finding an effective and appropriate state model in the current circumstances, this article aims to consider the role of the state in the country's development, specifically focusing on the ‘developmental state’ model and drawing on experiences from Vietnam. By providing an overview of the key features of the developmental state model and employing research methods such as document analysis and synthesis, the authors explain the rationale behind considering the developmental state model as a potential recommendation for developing countries in their quest for development. The article also delineates the reasons why Vietnam embodies elements of the ‘developmental state’ model and, given the growing interest in this model's fundamental theory within the Vietnamese scientific community, the authors propose valuable directions and experiences that could benefit Russia and other countries in their approach to this concept and model. Consequently, the general conclusion drawn is that the ‘developmental state’ model presents a promising suggestion for countries to establish a rational and effective state that adheres to the requirements of sustainable development encompassing economics, society, and the environment, all in line with the new context and circumstances.

Keywords: state model, developmental states, the role of the state in economics, foreign experience, Vietnam

For citation: Le Huynh Duc, Nguyen Thi Thuong, Do Thi Van Phuong. The role of the state in development: the concept of a ‘developmental state’ (experience of Vietnam). *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2024, vol. 26, no. 4, pp. 90–102. (In Russ.).

Введение

Бурное развитие науки и техники быстро меняет ряд глобальных проблем и требует нового мышления о развитии, переопределения роли субъектов развития. Изменилась также роль государства: от простого инструмента классового господства оно превратилось в публичную власть, занимающуюся социальным менеджментом и предоставлением государственных услуг.

Исследование эффективной модели государства сегодня стало центральным вопросом управленческой, политической и правовой науки как в мире в целом, так и в России в частности. Одним из особо важных вопросов, которому всегда уделяется особое внимание, является роль и взаимоотношения государства с экономикой и обществом. В 20 веке существовали два выдающихся подхода, которые изучались в сравнении. Первый подход, называемый «административно-командной системой», был характерен для модели Советского Союза и других социалистических стран того времени и акцентировал внимание на централизованном планировании. Вторым подходом, известным как «Регулирующее государство» (*Regulatory state*), был характерен для Англии, Америки и многих других западных стран. В этой модели государство влияет на секторы экономики путем корректировки политики и законодательства, но не разрабатывает планы и не инвестирует прямо в развитие этих секторов.

Однако история конца 20-го и начала 21-го века, особенно после распада Советского Союза, «реформ и открытости» Китая, а также успехов «Азиатских тигров» (Японии, Кореи, Сингапура, Тайваня, Вьетнама и других), побудила исследователей обсуждать третий путь, в котором невозможно не упомянуть перспективы развития государства в Восточноазиатском регионе. Об этом впервые упомянул Ч.Э. Джонсон¹ в своей работе «МПК и японское чудо: рост промышленной политики, 1925–1975 гг.», опубликованной в 1982 году, где он писал:

«В государствах, опоздавших с индустриализацией, государство само возглавляло индустриализацию, то есть брало на себя функции развития. Эти две разные ориентации на частную экономическую деятельность, ориентация на регулирование и ориентация на развитие, породили два разных типа отношений между бизнесом и правительством. Соединенные Штаты являются хорошим примером государства, в котором преобладает ориентация на регулирование, тогда как Япония является хорошим примером государства, в котором преобладает ориентация на развитие» [1].

Так, концепция «государства развития» была введена исследователем Чалмерсом Джонсоном в 1980-х годах прошлого века, когда он изучал удивительное развитие Японии. Он осознавал, что государство сыграло очень важную роль в этом удивительном развитии. Японское государство не только создало основу для развития, но также направляло и способствовало этому. Позже, помимо Японии, государствами развития считались Корея, Тайвань, Китай и другие. Основной характеристикой этой государственной модели является то, что государство непосредственно устанавливает план экономического развития, особенно в промышленности (с большими амбициями), и активно инвестирует в механизмы, политику и многие другие

¹Чалмерс Эшби Джонсон (6 августа 1931 – 20 ноября 2010) был американским политологом, специализирующимся на сравнительной политологии, и почетным профессором Калифорнийского университета в Сан-Диего.

стимулы для содействия промышленному развитию. По мнению исследователей, это государственная модель, находящаяся между регулирующим государством (согласно доктрине свободного рынка) и централизованно планируемым государством (согласно традиционной социалистической модели). «Государство развития» не стоит вне рынка, но и не заменяет его, где он активно вмешивается в рынок, чтобы способствовать развитию и достижению предлагаемых целей развития. Фактически доказано, что для достижения двукратного роста ВВП регулирующему государству (например, США) потребуется до 50 лет, тогда как государству развития, такому как Китай, потребуется всего 10 лет для его достижения.

По сути, «государство развития» не является новой формой управления и моделью в мире. Данная концепция сегодня признана и популярна на английских академических форумах и в странах Восточной Азии, а также в дискуссиях о политической, экономической и социальной жизни. Учитывая ее характеристики и эффективность для развития, неудивительно, что эта модель привлекает внимание развивающихся стран. Она создает надежду у лидеров развивающихся стран на возможность догнать развитые страны, улучшить качество жизни людей и усилить позиции страны на международной арене.

Однако, возможно, из-за влияния «холодной войны» и распада Советского Союза, она, похоже, не привлекла большого внимания в российских академических кругах, поскольку упоминалась лишь в небольшом количестве статей, таких как «Государство развития в разных институциональных условиях» у К.С. Саблина в 2010 году или «Концепция «государства развития» в контексте евразийской интеграции» у У.Б. Кудаярова и А.М. Матазимова в 2022 году. Кроме того, ее также часто используют в социальных обсуждениях в сфере экономики и управления. Очевидно, что это по-прежнему остается большой научно-теоретической проблемой для современных социальных потребностей России. Это требует фундаментального и всестороннего исследования модели современного государства развития, в котором изучение зарубежного опыта, обладающего справочной ценностью вне рамок западных академических традиций, действительно становится насущной потребностью российской науки.

Однако государство развития является спорным вопросом, поскольку нет однозначного ответа на вопрос, лучше ли быть «государственно-ориентированным» или «рыночно-ориентированным». Или в каких случаях лучше, чтобы государство активно создавало и направляло, чем позволяло рынку выбирать и устранять? Или какой уровень ориентации является наиболее подходящим? Потому что, как и в предыдущих социалистических странах, включая Советский Союз и Вьетнам, было время, когда в условиях централизованной, бюрократической и административно-командной экономики государство ориентировало каждый товар на конкретные объемы и

планы и потерпело неудачу, поскольку не полагалось на сигналы рынка и потребности народа. Это базовые теоретические вопросы, на которые можно ответить только путем изучения конкретных национальных случаев, связанных с уникальными характеристиками каждой страны. Это становится еще более актуальным, поскольку любое эффективное государство должно обеспечить стране политическую стабильность, экономический рост и перспективы социального развития, а также иметь достаточную способность мобилизовать ресурсы для решения поставленных задач, что прежде всего требует обеспечения порядка и стабильности. Эффективное государство требует достаточной административной власти, чтобы противостоять как внешнему давлению, так и группам с особыми интересами. С другой стороны, процесс модернизации и демократизации современного государства также требует наличия демократических элементов, позволяющих обществу и жителям реагировать на правящую элиту. В противном случае сильное государство может стать диктатурой или тиранией. Найти баланс между этими векторами является важнейшей задачей каждого современного государства.

Государство развития – это государство, которое придает высший приоритет экономическому развитию. Для достижения данной цели государство активно вмешивается в рынок путем управления, установления правил, координации, распределения ресурсов и использования других инструментов политики. Характерной чертой этой модели является то, что государство активно участвует в содействии развитию экономики, вместо того чтобы позволить рынку действовать самостоятельно. На ранних этапах роль государственного вмешательства подчеркивалась экономическими теоретиками, включая такие цели развития, как индустриализация и ориентация на экспорт. Это включало сотрудничество государственных учреждений и частных предприятий для достижения данных целей. Однако, поскольку в начале 1990-х годов Япония погрузилась в десятилетие рецессии, особенно после азиатского финансового кризиса 1997–1998 годов, активная интервенционная роль государства в модели «государство развития» была сведена к минимуму экономическими теоретиками. Следовательно, государству необходимо «погрузиться» в общество, чтобы иметь возможность понять его и улучшить свою способность служить обществу и экономике. В условиях сильной тенденции глобализации с начала XXI века роль государственного вмешательства в модель «государства развития» еще более снизилась. Основное внимание должно быть сосредоточено на повышении потенциала государства по содействию рыночной деятельности путем принятия мер по обеспечению социального порядка и снижению неопределенности в экономике. В отличие от регулирующего государства, государство развития будет проявлять инициативу, преодолевая не только провалы рынка, но и сосредотачиваясь на создании рынков в соответствии с общим видением страны и используя преимущества как в экономике, так и в политике государства. Особое внимание должно быть уделено разработке конкретной политики и направлений, а также

политике по концентрации ресурсов и созданию приоритетных механизмов развития в ключевых секторах, включая развитие, промышленность и торговлю. Например, Япония сосредоточилась на автомобильной промышленности в 1970-х годах, а Малайзия – на электронной промышленности. Индия же уделила особое внимание индустрии программного обеспечения и т.п.

Хотя существуют различия в том, как идентифицировать признаки концепции «государство развития», в целом можно увидеть некоторые выдающиеся характеристики:

Во-первых, государство активно направляет развитие, вмешивается и соответствует требованиям рынка. Для развивающегося государства важно не только сосредоточить внимание на политике экономического развития, но и, что более важно, мобилизовать и концентрировать ресурсы страны для служения этому развитию. Исходя из приведенных выше аргументов, Джонсон считает, что государство развития должно отвечать следующим конкретным условиям [1]:

1. Государственный административный аппарат должен быть компактным, но экономичным, профессиональным и эффективным.

2. Административный аппарат должен быть независимым, дееспособным и компетентным, не подверженным манипуляциям и не находящимся под влиянием групп интересов. Он должен пользоваться достаточным доверием и уважением со стороны всего сообщества, государственных органов и бизнеса при координации ресурсов для достижения прорывных приоритетов развития.

3. Государство должно гарантировать, что экономическое вмешательство не противоречит фундаментальным принципам рынка.

Во-вторых, в государстве развития политические факторы являются основными факторами, имеющими направляющую роль. На основе изучения многих моделей государств развития, особенно моделей Восточной Азии, Адриан Лефтов¹ подчеркнул роль политических факторов в обеспечении эффективности государства развития. Соответственно, ученый подчеркивал, что в тектоническом и развивающемся состоянии важнейшее положение занимают политические факторы. Это выражается в следующих основных характеристиках [2, с. 381–411]:

1. Государство должно быть руководимо командой элитных чиновников, которые ориентированы на достижение целей развития и уделяют внимание экономиче-

¹ Адриан Лефтович (1940–2013) был старшим преподавателем кафедры политики, а затем директором по исследованиям университетской программы лидерства в развитии. Он является автором классического английского учебника для студентов «Что такое политика?» (2004), хотя исследователи в области развития читали его влиятельные книги, в том числе «Состояния развития: о примате политики в развитии» (2000), «Демократия и развитие» (1995) и т.д.

скому росту. Эта команда также должна быть способна руководить, влиять и содействовать развитию частного сектора. Кроме того, она должна обладать видением и вести страну к достижению этого видения.

2. Государство должно иметь команду профессиональных, квалифицированных и нейтральных государственных служащих, которые меньше подвержены влиянию различных политических тенденций. Здесь следует отметить различие между политической командой (избираемой народом) и технократами и профессиональными государственным служащими (основанными в основном на профессиональном таланте и прохождении экзаменов).

3. Такое государство часто возникает и развивается в слабообразованной политической и гражданской среде. В силу сильного вмешательства и руководства со стороны государства возникают конфликты с самим государством, если в стране развито гражданское общество.

4. Развивающееся государство имеет потенциал хорошего экономического управления. Оно способно создать гармонию в процессе экономического развития между государственным и частным секторами, гармонизировать интересы различных регионов, а не выступать в защиту только интересов государства.

5. Государство должно последовательно осуществлять политику мобилизации ресурсов для развития, делая акцент на приоритетных целях, игнорируя или уделяя меньше внимания другим областям инвестиций.

Таким образом, можно сказать, что развивающееся государство будет использовать свою власть для наложения определенного уровня на общество, при этом индивидуальным свободам может быть придано меньшее значение, чем в западных обществах.

В-третьих, государство развития основано на философии сбалансированного развития. В либеральных западных странах люди верят в теорию невидимой руки, обладающей самоуправляющейся способностью рынка. В этой модели государство вмешивается лишь в ограниченной степени, в основном для преодоления сбоя рынка. Между тем институциональная политическая экономия не только подчеркивает регулируемую интервенционную роль государства, но, что более важно, государство также активно создает рынок и напрямую влияет на него, вмешиваясь и входя на рынок в определенной степени. Ученый Чанг Ха-Джун¹ указал на парадоксы мирового экономического развития, когда богатые страны стремятся помешать развитию бедных стран. Исходя из этого, он сформировал систему точек зрения

¹ Ха-Джун Чанг (장하준; 1963) – южнокорейский экономист и ученый. Специализируется на институциональной экономике и развитии, читал лекции по экономике в Кембриджском университете (1990–2021), сейчас является профессором экономики в Школе восточных и африканских исследований (SOAS). В 2013 году журнал Prospect включил Чанга в число 20 лучших мыслителей мира.

для укрепления модели «государства развития», включая различия с неолиберальной идеологией, которые, по его мнению, не обязательно верны для развивающихся стран. Система аргументации Чанга подчеркивает, что для развития национальной экономики государство должно быть способным создавать и корректировать экономические и политические отношения так, чтобы они вместе обеспечивали устойчивый процесс индустриализации. Для этого требуется государство, способное создавать развитие. Чанг также четко обозначил важные функции, которые государство способно выполнять, включая: (1) Государство имеет возможность активно координировать и связывать инвестиционные планы внутри страны, находящейся под его управлением; (2) Государство имеет национальное видение развития, направленное на достижение долгосрочных целей; (3) Государство имеет возможность активно создавать институты, способствующие росту и развитию; и (4) Государство играет важную роль в гармоничном разрешении конфликтов интересов между группами и секторами с различными интересами в обществе. Чанг также подтверждает, что в развивающихся странах роль государства должна быть еще большей. Для достижения цели тектонического развития, для тектонического видения всей страны государству необходимо навязывать свои цели народу и обществу. Кроме того, государство должно также поддерживать дисциплину в создании и распределении прибылей, полученных от его монополии, для развития и защиты зарождающихся отраслей страны. С экономической точки зрения действия по поддержке со стороны государства, по сути, являются действиями, направленными на преодоление сбоя рынка [3].

В России концепция сильного государства, по-видимому, вызывает более популярный интерес, хотя эта концепция имеет много аргументов, аналогичных концепции государства развития. А.П. Цыганков [4] проанализировал, что при многих внешних опасностях россиянам пришлось консолидироваться вокруг государства, поэтому «Такое историческое наследие делает невозможным для России развитие по европейскому пути. Этому препятствуют политическая культура, важность поддержания боеспособной армии и необходимость мобилизации общественных ресурсов в целях ускоренного экономического роста. Поэтому создание эффективного государственного механизма сопряжено с укреплением способности правящего класса решать задачи развития и безопасности, не становясь заложником интересов элиты и не теряя связи с обществом. Необходимость сильного государства развития для России диктуется важностью преодоления разрыва с ведущими экономиками мира, готовностью дать адекватный ответ на угрозы безопасности и необходимостью улучшить уровень жизни, особенно в относительно отдаленных и критически важных регионах Сибири, Дальнего Востока, Кавказа и Крыма. Попытки формирования относительно децентрализованной и либерально-ориентированной системы западного образца лишь закрепят экономическое отставание и олигархически-сырьевую ориентацию.

Без сильного государства можно забыть о создании конкурентоспособных на мировых рынках секторов и отраслей» [4].

После глобального экономического и финансового кризиса 2008–2009 годов и в последнее время, после пандемии COVID-19, мы стали свидетелями активного и растущего участия государства в восстановлении экономики. Особенно после того, как события 2014 и 2024 годов в России еще раз подтвердили актуальность этой точки зрения. Растет интерес к анализу степени участия государства в экономическом развитии и регулировании рынка. Основная часто обсуждаемая тема – импортозамещение или история построения независимой, самостоятельной экономики, плановой экономики, регулируемой государством с приоритетом производства.

Вьетнам является примером «восточноазиатского государства развития», сформированного на основе иерархической конфуцианской традиции с колониальным и охваченным войной прошлым. Именно иерархическая природа политической культуры помогла сохранить внутреннюю стабильность и высокое единство, а низкая и нестабильная база развития способствовала сильной динамике роста и приоритету стабильности для развития. Это было достигнуто путем постепенного совершенствования государственно-правовых механизмов и перераспределения отечественной продукции из более развитых регионов в менее развитые. Оно устанавливает долгосрочные цели и планы, определяет области экономического роста и интеграции в мировую экономику на стратегии, основанной на экспорте. Успехи Вьетнама за последние почти сорок лет основаны на такого рода реформах (обновлениях) и избирательной интеграции с миром.

Во Вьетнаме после VI съезда Коммунистической партии Вьетнама в 1986 году было принято решение о переходе от централизованно-плановой модели государства к модели «государства развития». Данная модель сочетает в себе преимущества и преодолевает недостатки моделей государственного регулирования и централизованного планирования. Вьетнамское государство продолжает прокладывать путь индустриализации страны и признает рыночный механизм, сохраняя при этом важную управленческую роль государства. После почти 40 лет реализации политики «Дой Мой» (обновление) масштабы ВВП увеличились более чем в 100 раз – с 4 млрд долларов США (1986 г.) до 406 млрд долларов США (к 2022 году) [5]. Многие бывшие советские республики, отказавшиеся от модели централизованно планируемого государства, не достигли такого впечатляющего развития. Однако следует откровенно признать, что четкая и последовательная концептуальная основа модели «государства развития» во Вьетнаме так и не сформировалась. Некоторые ученые также полагают, что решения и выбор Вьетнама в процессе обновления и построения государства развития в основном соответствуют объективным требованиям ситуации, а не имеют прочной теоретической основы. Поэтому за последние 10 лет исследование фундаментальных теорий и стратегическая и всесторонняя реализация перспективы

государства развития стали тенденцией во вьетнамском научном сообществе. Оно сосредоточено на нескольких основных направлениях:

– поддерживая независимую и самостоятельную внутреннюю экономику, особенно отечественное производство в стране, обеспечивать наиболее насущные потребности общественной жизни, особенно продовольствие, энергетику и производственные мощности;

– улучшить доступ людей к ресурсам, с особым упором на повышение образовательного уровня людей, и доступ к фундаментальным возможностям, таким как образование, электричество, Интернет, электронные устройства связи, а также улучшение систем транспорта и связи и т.п.;

– оптимизация штатного расписания и организация работы аппарата, чтобы он был по-настоящему эффективным и действенным. Преодоление ситуации громоздкого и неэффективного аппарата является важнейшей государственной инновацией в переходе от административно-бюрократического государства к развивающемуся государству;

– укрепление патриотизма, особенно формирование силы интеллектуалов и патриотических элит, уделяя особое внимание продвижению интересов нации и коллектива выше индивидуальных интересов, подчеркивая дух самоотверженности и жертвенности ради развития и процветания общества и нации. Это становится моральной и духовной основой для того, чтобы сильное государство всегда приносило пользу обществу и людям. Недавние принятые меры включают: формирование «Движения первых», преподавание предмета «Основы российской государственности», возрождение традиций Царскосельского лицея в Санкт-Петербурге, вывешивание флага России во всех образовательных учреждениях, а также поднятие флага и исполнение гимна РФ и т.п. Это правильные и необходимые вещи для защиты и продвижения российской идентичности и системы ценностей.

Заключение

В XXI веке успешной моделью государства будет та модель, которая сможет использовать свой исторический опыт и интегрировать современные требования, частично заимствуя лучшие качества других моделей государства.

За последние десятилетия произошли крахи командной экономики, потеря контроля над Советским Союзом и странами Восточной Европы, финансовые кризисы государств всеобщего благосостояния в большинстве промышленно развитых стран или «чудесное» экономическое развитие в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, а также возникновение общественно-политических конфликтов в некоторых странах. Все это привело к неотложной потребности всех стран и народов в построении разумного и эффективного государства, отвечающего требованиям устойчивого развития с точки зрения экономики, общества и окружающей среды. Для разви-

вающихся стран неизбежно требуется эффективная модель, которая придает приоритет вопросам стабильности, развития и независимости, где решение социально-экономических проблем является главным. Сильное и эффективное государство является необходимым фактором в этом процессе, способным формулировать и осуществлять политику развития. Характеристики такого государства включают профессиональную и эффективную систему административного управления, высокую способность общества участвовать в формулировании и критике политики, лояльность правящего класса нации и использование последних достижений науки и техники в развитии. Важной основой является построение прозрачного и качественного правового коридора, а также возможность контроля государственной власти и поддержки институтов государственных целей и планов.

Концепция «государства развития» (Developmental state) была систематически разработана Чалмерсом Джонсоном при изучении стран, успешно преодолевших быструю индустриализацию, особенно Японии, Кореи, Китая и др., благодаря активному руководству государства. Поэтому государство развития принципиально отличается от классического либерального взгляда на роль государства, где оно в основном ориентировано на регулирующую функцию, которую мы называем регулирующим государством (Regulatory state). Вьетнамская модель уделяет особое внимание содействию строительству и благоустройству в соответствии с концепцией «государства развития». Она является шагом в соответствующем и подходящем направлении и добилась определенных результатов в последние годы, предлагая ценные идеи и опыт для современной России. Можно сказать, что концепция «государства развития» подходит периферийным и развивающимся странам в качестве альтернативы западной концепции государства.

Список источников

1. Johnson C. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Stanford University Press, 1982. URL: <https://archive.org/details/mitijapanese-mira00chal/page/n7/mode/2up>.
2. Leftwich A. Developmental states, effective states and poverty reduction: The primacy of politics // *Indian Journal of Human Development*. 2011. No. 2, vol. 5. P. 381–411.
3. Chang H.J. *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. London: Anthem Books, 2002. 196 p.
4. Цыганков А.П. Сильное государство: теория и практика в XXI веке // *Россия в глобальной политике*. 2015. № 3. С. 8–18.
5. Quy mô GDP Việt Nam tăng hơn 100 lần trong gần 4 thập kỷ // *Báo điện tử Tiền Phong*. 04.12.2023. URL: <https://tienphong.vn/quy-mo-gdp-viet-nam-tang-hon-100-lan-trong-gan-4-thap-ky-post1592473.tpo>. Масштабы ВВП Вьетнама увеличились более чем в 100 раз за почти 4 десятилетия // *Тьен Фонг*. 04.12.2023.

Библиографический список

1. Кудаяров У.Б., Матазимов А.М. Концепция «государства развития» в контексте евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 2. С. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-01-18-27>.

2. Саблин К.С. Государство развития в разных институциональных условиях // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2, № 4. С. 30–39.

3. Đào Trí Úc. Nhà nước kiến tạo - mô hình hiệu quả quản trị quốc gia hiện đại // Kỷ yếu Hội thảo “Nhà nước kiến tạo phát triển lý luận và thực tiễn trên Thế giới và ở Việt Nam”, Đại học Quốc gia Hà Nội, 2017. Дао Т.У. Государство развития – эффективная модель современного национального управления // Материалы конференции «Государство развития: теория и практика в мире и во Вьетнаме». Ханой: Ханойский национальный университет, 2017.

4. Ngô Huy Đức, Nguyễn Thị Thanh Dung. Nhà nước kiến tạo phát triển – Khái niệm và thực tế // Tạp chí Lý luận chính trị. Số 11, 2016. 8. Нго Х.Д., Нгуен Т.Т.З. Государство развития – Концепция и реальность // Журнал политической теории. 2016. № 11.

5. Nguyễn Thùy Dương. Nhà nước Kiến tạo phát triển – Một số kinh nghiệm cho Việt Nam // Tạp chí Nghiên cứu khoa học công đoàn, № 20, tháng 7/2020. Нгуен Т.З. Государство развития – Несколько опытов для Вьетнама // Журнал профсоюзных научных исследований. 2020. № 20.

6. Nguyễn Văn Quang. Xây dựng nhà nước kiến tạo phát triển ở Việt Nam: Rào cản và một số giải pháp định hướng // Tạp chí Khoa học xã hội miền Trung. Số 06 (62), 2019. Нгуен В.К. Построение государства развития во Вьетнаме: барьеры и ориентированное решение // Социальные науки Центрального региона. 2019. № 06 (62).

7. Vũ Công Giao. Khái quát những vấn đề lý luận cơ bản về nhà nước kiến tạo phát triển. Kỷ yếu Hội thảo “Nhà nước kiến tạo phát triển lý luận và thực tiễn trên Thế giới và ở Việt Nam”, Đại học Quốc gia Hà Nội, 2017. Ву К.З. Обзор основных теоретических вопросов о развитии государства // Материалы конференции «Государство развития: теория и практика в мире и во Вьетнаме». Ханой: Ханойский национальный университет, 2017.

References

1. Johnson C. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Stanford University Press, 1982. URL: <https://archive.org/details/mitijapanese-mira00chal/page/n7/mode/2up>.

2. Leftwich A. Developmental states, effective states and poverty reduction: The primacy of politics. *Indian Journal of Human Development*, 2011, no. 2, vol. 5, pp. 381–411.

3. Chang H.J. Kicking away the ladder: development strategy in historical perspective. London: Anthem Books, 2002. 196 p.

4. Tsygankov A.P. Sil'noe gosudarstvo: teoriya i praktika v XXI veke [Strong State: Theory and Practice in the XXI century]. *Rossiya v global'noi politike*, 2015, no. 3, pp. 8–18.

5. The scale of Vietnam's GDP has increased more than 100 times in almost 4 decades. *Tien Phong*, 2023, December 04. URL: <https://tienphong.vn/quy-mo-gdp-viet-nam-tang-hon-100-lan-trong-gan-4-thap-ky-post1592473.tpo>. (In Vietnamese).

Информация об авторах / Information about the authors

Л.Х. Дык – аспирант кафедры истории государства и права юридического факультета им. М.М. Сперанского, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

✉ huynhduck25a@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0975-113X>

L.H. Dyk – Postgraduate Student, Department of History of State and Law, M.M. Speransky Law Faculty, Law and National Security Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation).

Н.Т. Тхьонг – аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация).

✉ ntthuong98@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-5411-3435>

N.T. Thuong – Postgraduate Student, Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation).

Д.Т.В. Фьонг – аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности факультета национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

✉ dovanphuong.htqt@gmail.com

D.T.V. Phuong – Postgraduate Student, Department of Public Administration and National Security, Faculty of National Security, Law and National Security Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 12.04.2024;

одобрена после рецензирования / revised 12.11.2024;

принята к публикации / accepted 22.11.2024

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 103–113.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 103–113.

Научная статья

УДК 327.5(470:519.5) + 327.5(470:597)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-4/103-113>

Визиты президента России в КНДР и Вьетнам: новые коннотации российской политики «поворота на Восток»

Лю Цзинюань

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Российская Федерация

 liujingyuan@mail.ru

Аннотация. В контексте специальной военной операции России на Украине визиты президента России В.В. Путина в Корейскую Народно-Демократическую Республику (КНДР) и Вьетнам привлекли большое внимание международного сообщества, особенно Запада во главе с США. В статье анализируются стратегические соображения визитов президента В.В. Путина в КНДР и Вьетнам, а также ключевые направления сотрудничества между двумя сторонами и его влияние на азиатский порядок. Рассматриваются перспективы и стратегическая роль КНДР и Вьетнама в российской политике «поворота на Восток».

Ключевые слова: специальная военная операция на Украине, Россия, США, КНДР, Вьетнам, азиатский порядок, поворот на Восток

Для цитирования: Лю Цзинюань. Визиты президента России в КНДР и Вьетнам: новые коннотации российской политики «поворота на Восток» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 103–113.

Original article

Russian president's visits to DPRK and Vietnam: new connotations of Russian 'turn to the East'

Liu Jingyuan

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation

 liujingyuan@mail.ru

Abstract. In the context of Russia's Special Military Operation in Ukraine, Russian President Vladimir Putin's visits to the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) and Vietnam have attracted a lot of attention from the international community, especially the West led by the United States. The article analyzes the strategic considerations of President Putin's visits to the DPRK and Vietnam, as well as the key areas of cooperation between the two sides and its impact on the Asian order. It examines the prospects and strategic role of the DPRK and Vietnam in policy of Russia's "turn to the East".

Keywords: Russia's special military operation in Ukraine, Russia, the United States, DPRK, Vietnam, Asian order, 'turn to the East'

For citation: Liu Jingyuan. Russian president's visits to DPRK and Vietnam: new connotations of Russian 'turn to the East'. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2024, vol. 26, no. 4, pp. 103–113. (In Russ.).

Введение

В результате обострения напряженности в отношениях между Россией и Западом в 2014 году Россия объявила о политике «поворота на Восток» [1], направленной на открытие дверей в Азию. После начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года западные страны во главе с Соединенными Штатами ввели в отношении России ряд санкций, результатом которых стала беспрецедентная изоляция страны [2]. Внешняя обстановка в России резко ухудшилась, в настоящее время Россия и Запад находятся в ожесточенной конфронтации. На этом фоне в целях адаптации к новым изменениям во внутренней и международной ситуации 31 марта 2023 года была опубликована новая редакция «Концепции внешней политики Российской Федерации» [3], призванной скорректировать внешнюю политику России. Наиболее очевидным изменением является корректировка дипломатических приоритетов, представляющая Азиатско-Тихоокеанский регион как одно из приоритетных направлений внешней политики России, целью которой является лучшее реагирование на стратегию сдерживания Запада и строительство международного порядка, соответствующего интересам России. В 2024 году на фоне обостряющегося российско-украинского конфликта визит президента РФ Владимира Путина в Корейскую Народно-Демократическую Республику (КНДР) и Вьетнам привлек большое внимание международного сообщества. Отношения Россия – КНДР и Россия – Вьетнам добавили новые коннотации к стратегии «поворота России на Восток» [4].

Стратегические соображения России в отношении КНДР и Вьетнама в рамках политики «поворота на Восток»

Укрепление отношений России с КНДР отчасти связано с ухудшением отношений между Россией и Южной Кореей. С российской стороны до специальной воен-

ной операции на Украине, начавшейся в 2022 году, предпринимались попытки развивать сбалансированные отношения с КНДР и Южной Кореей. Однако после начала специальной военной операции на Украине Южная Корея последовала примеру Запада, возглавляемого Соединенными Штатами, введя санкции против России и оказав военную помощь Украине, что привело к тому, что Россия классифицировала Южную Корею как «недружественную страну» и отношения между странами заметно ухудшились. Что касается КНДР, то она также столкнулась с жесткими экономическими санкциями и дипломатической изоляцией от международного сообщества. В контексте специальной военной операции на Украине США, Япония и Южная Корея укрепили свой альянс и усилили стратегическое сдерживание КНДР. Выбор КНДР в пользу укрепления сотрудничества с Россией может оказать стране мощную дипломатическую и экономическую поддержку. Нужно отметить, что количество двусторонних обменов между РФ и КНДР в 2024 году установило рекорд с момента прихода к власти Ким Чен Ына [5].

Основой доверия для быстрого укрепления двусторонних отношений между Россией и КНДР является то, что Россия всегда твердо поддерживала КНДР в ее отношениях с США [6]. Кроме того, после начала специальной военной операции РФ на Украине в 2022 году КНДР поддержала политику Москвы и признала результаты референдумов в Донецкой и Луганской народных республиках, Запорожской и Херсонской областях о присоединении к РФ [7]. Можно сказать, что Россия и КНДР занимают схожие позиции в отношениях с США и другими западными странами, и эти отношения продолжают накаляться. Тем более что с 2023 года отношения России и КНДР ускорили свое развитие. Цзян И, научный сотрудник Института исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, заявил, что из-за российско-украинской войны и северокорейской ядерной проблемы и Россия, и КНДР сталкиваются с дипломатическими дилеммами. Таким образом, укрепление сотрудничества между Россией и Северной Кореей соответствует стратегическим потребностям двух стран [8].

Углубление всестороннего стратегического партнерства с Вьетнамом всегда было одним из приоритетов России. При этом Вьетнам также всегда рассматривал Россию как одного из своих приоритетных партнеров во внешней политике [9]. Экономические и торговые отношения между Россией и Вьетнамом в последние годы стабильно развиваются, обе страны занимают схожие позиции по международным и региональным вопросам. После начала специальной военной операции на Украине в 2022 году Вьетнам не принял санкций против России и сохранил нейтральную позицию [10]. Российский эксперт-международник Григорий Трофимчук отметил, что Вьетнам никогда не присоединялся к антироссийским силам и группировкам и не поддерживает никакие блокады или санкции, направленные на изоляцию России. Для России это «ценный» геополитический капитал. В то же время Вьетнам является

важным членом АСЕАН, играя в ней лидирующую роль. Таким образом, Вьетнам стал для России лучшим «посредником» или плацдармом, открывающим двери для сотрудничества с АСЕАН [11]. В контексте российско-украинского конфликта США и страны Запада пытаются ограничить развитие отношений России с другими странами. Однако визит В.В. Путина во Вьетнам доказывает, что отношение Вьетнама и других стран к украинскому вопросу основано на их собственных национальных интересах и не идет полностью по «пути» Запада во главе с США [12].

Таким образом, визиты В.В. Путина в КНДР и Вьетнам имеют под собой стратегические соображения. Позиция России по вопросам отношений с западными странами во главе с США соответствует позиции КНДР и Вьетнама, что позволяет обеим сторонам быстро углублять сотрудничество.

Новые прорывы и ограничения в сотрудничестве России – Северной Кореи и России – Вьетнама в рамках восточной стратегии России

Российский президент посетил КНДР и Вьетнам, был подписан ряд договоров, демонстрирующих плодотворные результаты данных визитов. Сравнивая настоящие договоры между двумя странами с предыдущими договорами, можно обнаружить начало прорыва, особенно в связи с недавно подписанным «Договором о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Корейской Народно-Демократической Республикой и Российской Федерацией».

Раньше большая часть сотрудничества между Россией и КНДР была сосредоточена на одном конкретном вопросе или одной области, но недавно подписанный «Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Корейской Народно-Демократической Республикой и Российской Федерацией» охватывает все аспекты политики, экономики, военной отрасли, культуры и других областей, что отражает расширение и углубление сотрудничества между двумя странами. Путин отметил, что новый договор станет основой будущих отношений между Россией и КНДР и является прорывным документом, который поднимет отношения сотрудничества между двумя странами на новый уровень [13].

Самое главное, что весьма значителен прорыв в сотрудничестве между Россией и КНДР в сфере политики и безопасности. В предыдущем «Российско-северокорейском договоре о дружбе и добрососедстве» говорилось, что, «когда мир и стабильность одной страны находятся под угрозой, обе стороны должны немедленно вступить в контакт» (договор не содержит положения о военной помощи). Новый Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве предусматривает, что, когда какая-либо договаривающаяся сторона подвергается агрессии, другая сторона будет оказывать ей помощь. Таким образом, можно говорить о зарождении военного союза между двумя государствами [14].

Стоит отметить, что с российской стороны установлено всеобъемлющее стратегическое партнерство со многими странами. Однако среди подобных отношений Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, подписанный с КНДР, является первым, в котором в двусторонние отношения добавлен пункт о «военной помощи в случае агрессии против одной из сторон соглашения» [15]. Для КНДР Россия является первой страной, подписавшей с ней договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. В международных отношениях, особенно в сфере безопасности, две страны достигли беспрецедентного уровня сотрудничества.

По сравнению с визитом в КНДР, визит во Вьетнам был больше ориентирован на экономический уровень, и сотрудничество между двумя сторонами в экономической области является весьма заметным. Россия и Вьетнам подписали 11 документов о двустороннем сотрудничестве, охватывающих образование, правоохранительную сферу, атомную энергетику, нефтегазовую и другие области. Обе стороны договорились эффективно реализовывать соглашение о свободной торговле между Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом и продвигать двустороннюю торговлю и инвестиции.

Таким образом, нетрудно увидеть, что визит В.В. Путина в КНДР сосредоточен на развитии военного сотрудничества, в то время как в отношениях России и Вьетнама приоритет отдается экономическому, торговому и энергетическому сотрудничеству. Это связано с различными международными условиями, в которых существуют КНДР и Вьетнам. КНДР уже давно находится в условиях сдерживания со стороны США, Японии и Южной Кореи, в то время как Вьетнам всегда проводил сбалансированную внешнюю политику относительно крупных держав и поддерживал хорошие отношения сотрудничества с западными странами, включая США.

Влияние визитов В.В. Путина в Северную Корею и Вьетнам на политический порядок в Азии

Профессор Китайского университета иностранных дел Ли Хайдун подчеркнул, что визит президента Владимира Путина во Вьетнам продемонстрировал провал попыток США изолировать Россию [16]. В будущем западные страны во главе с США увеличат свои стратегические инвестиции во Вьетнам и другие азиатские страны, а также активизируют свою игру и конкуренцию с Россией в Азии. Это приведет к усилению «менталитета холодной войны» и модели «блоковой» конфронтации в регионе.

Владимир Путин отметил, что усиление контактов Москвы и Пхеньяна знаменует очередной шаг в рамках создания нового миропорядка [17], и на это резко отреагировали США, Южная Корея и Япония. Как только поездка В.В. Путина в Азию завершилась, правительство США немедленно посетило Вьетнам. Южная Корея за-

явила, что усилит санкции в отношении КНДР и России. Южная Корея и США приняли решение усилить сдерживание КНДР, а альянс этих двух стран еще более укрепился. Япония также «глубоко обеспокоена» подписанием договора между КНДР и Россией и считает, что он «окажет влияние» на обстановку безопасности в Азии [18].

В настоящее время в рамках своей «Индо-Тихоокеанской стратегии» США создали Четырехсторонний диалог по безопасности QUAD (Австралия, Индия, США и Япония), Трехстороннее партнерство Австралии, Великобритании и США (AUKUS) и другие механизмы, чтобы сохранить свой контроль в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, НАТО во главе с США укрепила политический диалог и сотрудничество со своими азиатскими партнерами и провела большое количество военных учений в Азии. США и НАТО пытаются расширить свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе [19]. Россия утверждает, что НАТО представляет угрозу для азиатских стран, поэтому Россия считает, что ей необходимо укреплять сотрудничество со странами-партнерами. Россия стремится построить надежную архитектуру безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая будет противодействовать «Индо-Тихоокеанской стратегии» США и Запада. Россия и КНДР готовы выстраивать архитектуру равной и неделимой безопасности в Евразии. Ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН Константин Асмолов подчеркнул, что Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и КНДР является ответом США, Японии и Южной Кореи, которые движутся к созданию «азиатского НАТО» [20]. В то же время Россия и Вьетнам также выразили готовность построить «надежную архитектуру безопасности» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Путин подчеркнул, что Вьетнам является равноправной и неотъемлемой частью структуры безопасности и сотрудничества Азиатско-Тихоокеанского региона [9]. Визит президента РФ Владимира Путина в КНДР стал очередным шагом к трансформации глобальной архитектуры безопасности [21].

Однако стоит отметить, что результаты реализации российской стратегии «поворота на Восток» в КНДР и Вьетнаме могут быть относительно ограниченными. С одной стороны, поддержка КНДР России ограничена с точки зрения общей силы страны и может не оправдать ожиданий России. Неизвестно, будет ли новый союз долгосрочным, так как на отношения двух стран, помимо их интересов и намерений, оказывает влияние и ряд внешних факторов. Но ясно одно – Россия и КНДР постараются извлечь из него максимум пользы для себя. Такой союз может не только открыть новую страницу в отношениях двух стран, но и укрепить позиции России и КНДР и переформатировать баланс сил в регионе [14].

С другой стороны, Вьетнам пытается сохранить относительно нейтральную позицию в российско-украинском конфликте. Поддержание сбалансированной дипло-

матии между крупными державами является основой его нынешней дипломатической стратегии. Так, после визита российского президента Вьетнам с экстренным визитом посетили представители США, а затем лидер Вьетнама посетил Китай. Следовательно, у Вьетнама могут быть оговорки при развитии отношений с Россией. Некоторые эксперты отмечают, что в рамках российского «поворота на Восток» Вьетнам не занимает такого же ключевого положения для политики России в АТР, как Китай и другие страны Северо-Восточной Азии. Российско-вьетнамское сотрудничество имеет серьезный потенциал для развития. Однако Россия не может рассчитывать на прямую поддержку Вьетнама в условиях кризиса в отношениях с Западом [22].

После визитов В.В. Путина в КНДР и Вьетнам 21 августа 2024 года Россию посетил премьер Госсовета КНР Ли Цян. Совместное коммюнике, план российско-китайского инвестиционного сотрудничества и 15 других межправительственных и межведомственных документов были подписаны по итогам 29-й регулярной встречи премьер-министра РФ Михаила Мишустина и премьера Госсовета КНР Ли Цяна [23]. Сотрудник ИМЭМО РАН Сергей Луконин подчеркнул, что данная встреча имеет важное международное значение, отметив, что Россия и Китай продолжают способствовать процессу сотрудничества и развития и в то же время содействуют формированию многополярного мира [24]. Глава подразделения по изучению российской экономики Института России, Восточной Европы и Центральной Азии при Академии общественных наук Китая Сюй Полин отметил, что это представляет собой значительное достижение сотрудничества двух стран в защите экономического суверенитета и совместном продвижении более справедливого и многополярного мирового экономического управления [25].

Таким образом, в рамках российской политики «поворота на Восток» и на фоне специальной военной операции на Украине, хотя в Азии и будет наблюдаться ситуация группового противостояния, китайско-российское сотрудничество обеспечит поддержку российской восточной политики. До сих пор среди азиатских партнеров России доминирующее положение занимает Китай [14]. Китайско-российское сотрудничество, несомненно, является важнейшей частью политики поворота России на Восток и способствует формированию многополярного мира.

Заключение

В будущем Россия продолжит укреплять свое стратегическое развертывание на Восток и добиваться стратегического прорыва в Азии. При углубленном развитии российско-северокорейских отношений Россия может использовать это как путь к укреплению своей геополитической роли и интересов безопасности в Северо-Восточной Азии, а КНДР может стать ключом к изменению баланса сил в регионе.

Под влиянием специальной военной операции на Украине все еще существует неопределенность в отношении стратегического соответствия сотрудничества России и КНДР и сотрудничества России и Вьетнама. Еще неизвестно, станет ли украинский кризис поворотным моментом во внешних стратегических изменениях России, КНДР и Вьетнама.

Геополитические игры между Россией и западными странами во главе с США в Азии будут продолжаться и станут более частыми. Дружественные отношения Китая с КНДР и Вьетнамом выгодны для внешней среды России. Они также предоставляют России больше возможностей для сотрудничества и поддержки в международных делах, помогая справиться с текущими международными вызовами и дилеммами. Китай занимает ключевое положение в рамках российской политики «поворота на Восток».

Список источников

1. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 4. С. 5–16.
2. С начала СВО против россиян и компаний из РФ ввели более 10 тыс. санкций. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17141285>.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.
4. 李勇慧,潘泽心. 普京访问朝鲜、越南, 俄罗斯“向东看”政策添新内涵. 世界知识, 2024. № 14. С. 37–39. Ли Юнхуэй, Пан Цзэсинь. Визит Путина в КНДР и Вьетнам добавляет новые коннотации к российской политике «Взгляд на Восток» // World Knowledge. 2024. № 14. С. 37–39.
5. Республика Корея отметила рекордное число обменов делегациями между РФ и КНДР. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21117201>.
6. Как развивались отношения России и КНДР. URL: <https://tass.ru/info/21127145>.
7. Никифоров А.С. Отношения России и КНДР после начала СВО // Корееведение в России: направление и развитие. 2023. № 4 (4). С. 149–157.
8. 吴彬彬,冷汐. 普京访问朝鲜越南释放哪些信号? 南方日报. 2024. 23 июня, № 005. У Биньбинь, Лин Си. Какие сигналы посылает визит Путина в КНДР и Вьетнам? // Наньфан Дейли. 2024ю 23 июня, № 005.
9. Заявления Владимира Путина и Президента Вьетнама То Лама для СМИ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/74348>.
10. Малайзия и Вьетнам выступили против санкций в отношении РФ. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14144805>.

11. Трофимчук Г. Вьетнам – первый флаг АСЕАН. URL: <https://www.infox.ru/opinion/186/trofimchuk/275794-vietnam-pervyj-flag-asean> (дата обращения: 28.06.2024).
12. По следам визита Путина: Вьетнам не позволит США указывать, как ему дружить с Россией. URL: <https://tass.ru/opinions/21181829>.
13. Заявления для прессы по итогам российско-корейских переговоров. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/74334>.
14. Баранникова А. Партнерство России и КНДР: как изменится баланс сил в регионе. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-kndr-barannikova/>.
15. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/.
16. Moscow, Hanoi deepen ties to Washington's annoyance. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202406/1314549.shtml>.
17. Статья Владимира Путина в газете «Нодон синмун» «Россия и КНДР: традиции дружбы и сотрудничества сквозь года». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/74317>.
18. Joint Statement by Senior Officials of the United States, the Republic of Korea (ROK) and Japan on DPRK – Russia Cooperation. URL: <https://ru.usembassy.gov/joint-statement-by-senior-officials-of-the-united-states-the-republic-of-korea-rok-and-japan-on-dprk-russia-cooperation/>.
19. NATO extending tentacles into Asia-Pacific will only end in failure. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202407/1315705.shtml>.
20. Эксперт назвал новый договор РФ и КНДР ответом на «азиатское НАТО». URL: <https://tass.ru/politika/21128767>.
21. Асмолов К. РФ и КНДР готовы сотрудничать всерьез. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rf-i-kndr-gotovy-sotrudnichat-vserez/> (дата обращения: 29.06.2024).
22. Федоров Н.В. Роль Вьетнама в российском «повороте на Восток» // Азия и Африка сегодня. 2018. № 9. С. 10–17.
23. РФ и КНР подписали план инвестсотрудничества. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21652991>.
24. 俄中进一步深化多领域合作以应对西方不断加大的政治压力. URL: <https://sputniknews.-cn/20240821/1061097175.html>. Россия и Китай продолжают углублять сотрудничество во многих областях, чтобы справиться с растущим политическим давлением со стороны Запада.
25. Эксперт прокомментировал итоги визита премьера Госсовета КНР в Россию. URL: <https://ria.ru/20240822/vizit-1967788620.html>.

References

1. Torkunov A.V., Streltsov D.V. Rossiiskaya politika povorota na Vostok: problemy i riski [Russian policy of turning to East: problems and risks]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2023, vol. 67, no. 4. P. 5–16.
2. Since the beginning of the SMO, more than 10 thousand sanctions have been imposed against Russians and companies from the Russian Federation. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17141285>. (In Russian).
3. The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation. No. 229, March 31, 2023). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>. (In Russian).
4. Li Yonghui, Pan Zexin. Putin visits North Korea and Vietnam, adding new connotations to Russia's "Turn to the East". *World Knowledge*, 2024, no. 14, pp. 37–39. (In Chinese).
5. The Republic of Korea noted a record number of delegation exchanges between the Russian Federation and the DPRK. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21117201>. (In Russian).
6. How relations between Russia and the DPRK developed. URL: <https://tass.ru/info/21127145>. (In Russian).
7. Nikiforov A.S. Otnosheniya Rossii i KNDR posle nachala SVO [Relations between Russia and the DPRK after the beginning of the SMO]. *Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitie*, 2023, no. 4 (4), pp. 149–157.
8. Wu Binbin, Ling Xi. What signals does Putin send during his visit to North Korea and Vietnam? *Nanfang Daily*, 2024, June 23, no. 005. (In Chinese).
9. Statements by Vladimir Putin and Vietnamese President To Lam for the media. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/74348>. (In Russian).
10. Malaysia and Vietnam have spoken out against sanctions against Russia. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14144805>. (In Russian).
11. Trofimchuk G. V'etnam – pervyi flag ASEAN [Vietnam – the first flag of ASEAN]. URL: <https://www.infox.ru/opinion/186/trofimchuk/275794-vetnam-pervyj-flag-asean>.
12. Following Putin's visit: Vietnam will not allow the US to tell it how to be friends with Russia. URL: <https://tass.ru/opinions/21181829>. (In Russian).
13. Press statements following Russian-Korean talks. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/74334>. (In Russian).
14. Barannikova A. Partnerstvo Rossii i KNDR: kak izmenitsya balans sil v regione [Russia-DPRK Partnership: how the balance of power in the region will change]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-kndr-barannikova/>.
15. Treaty on Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/. (In Russian).

16. Moscow, Hanoi deepen ties to Washington's annoyance. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202406/1314549.shtml>. (In Russian).

17. Vladimir Putin's article in the Rodong Sinmun newspaper "Russia and the DPRK: traditions of friendship and cooperation through the years". URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/74317>. (In Russian).

18. Joint Statement by Senior Officials of the United States, the Republic of Korea (ROK) and Japan on DPRK – Russia Cooperation. URL: <https://ru.usembassy.gov/joint-statement-by-senior-officials-of-the-united-states-the-republic-of-korea-rok-and-japan-on-dprk-russia-cooperation/>. (In Russian).

19. NATO extending tentacles into Asia-Pacific will only end in failure. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202407/1315705.shtml>. (In Russian).

20. The expert called the new agreement between Russia and the DPRK a response to the "Asian NATO". URL: <https://tass.ru/politika/21128767>. (In Russian).

21. Asmolov K. RF i KNDR gotovy sotrudnichat' vserez' [Russia and the DPRK are ready to cooperate seriously]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rf-i-kndr-gotovy-sotrudnichat-vserez/>.

22. Fedorov N.V. Rol' V'etnama v rossiiskom «povorote na Vostok» [The Role of Vietnam in Russia's "Pivot to the East"]. *Aziya i Afrika segodnya*, 2018, no. 9, pp. 10–17.

23. Russia and China signed an investment cooperation plan. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21652991>. (In Russian).

24. Russia and China further deepen cooperation in multiple fields to cope with increasing political pressure from the West. URL: <https://sputniknews.cn/20240821/1061097175.html>. (In Chinese).

25. The expert commented on the results of the visit of the Premier of the State Council of the People's Republic of China to Russia. URL: <https://ria.ru/20240822/vizit-1967788620.html>. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the author

Лю Цзинюань – аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация).

✉ liujingyuan@mail.ru

Liu Jingyuan – Postgraduate Student in the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 29.08.2024;
одобрена после рецензирования / revised 06.11.2024;
принята к публикации / accepted 22.11.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 114–125.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 114–125.

Научная статья

УДК 336.711(470+571):338.22

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-4/114-125>

Политические функции Банка России

Кирилл Константинович Киселев^{1, ✉}, Алдар Саналович Бадмаев²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

²Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ kirknstkis@gmail.ru

Аннотация. В данной статье исследуется политическая роль, которую играет Банк России в своей деятельности, и ее влияние на экономику страны и благосостояние населения. Целью работы является анализ политических функций Банка России с акцентом на его ключевую ставку как внутри страны, так и внешне, а также рассмотрение внутривнутриполитических и внешнеполитических ситуаций, связанных с этим вопросом. Для достижения поставленной цели используются аналитический и эмпирический подходы. Анализируются академические исследования, теоретические модели и практические примеры, связанные с политикой Банка России и его воздействием на экономику. Также рассматривается опыт других стран, особенно тех, которые применяют инструменты ключевой ставки в своей политике. Исследование выявляет, что ключевая ставка Банка России имеет важное политическое значение как внутри страны, так и за ее пределами. Как внутривнутриполитический инструмент, ставка используется в качестве инструмента достижения внутривнутриполитических целей, таких как контроль инфляции, стимулирование экономического роста и поддержка финансовой стабильности. Как внешнеполитический инструмент, ставка является средством мягкой силы и политического влияния, особенно в контексте глобальных финансовых рынков, где мировые акторы ориентируются на действия Банка России. Результаты исследования подчеркивают важность понимания политических функций Банка России и его влияния на экономику и благосостояние населения. Это имеет большое значение для разработки эффективной экономической политики и принятия обоснованных решений в сфере монетарной политики. Таким образом,

данная статья способствует расширению знаний о политических функциях Банка России и его роли в экономическом развитии. Она предлагает аналитический взгляд на ключевую ставку и исследует различные сценарии, чтобы более полно охватить вопросы, связанные с политикой Банка России и ее воздействием на различные аспекты общественной жизни.

Ключевые слова: Банк России, политические функции, экономика, ключевая ставка, международное сотрудничество, геополитическое влияние, политическое влияние

Для цитирования: Киселев К.К., Бадмаев А.С. Политические функции Банка России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 114–125.

Original article

Political functions of the Bank of Russia

Kirill K. Kiselev^{1,✉}, Aldar S. Badmaev²

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

²Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation

✉ kirknstkis@gmail.ru

Abstract. This paper examines the political role that the Bank of Russia plays in its activities and its impact on the economy of the country and the welfare of the population. The purpose of the paper is to analyze the political functions of the Bank of Russia with a focus on its key rate, both domestically and externally, and to consider domestic and foreign policy cases related to this issue. An analytical and empirical approach is used to achieve this goal. Academic research, theoretical models and practical examples related to the policy of the Bank of Russia and its impact on the economy are analyzed. The experience of other countries, especially those that apply key rate instruments in their policies, is also considered. The study reveals that the Bank of Russia key rate has an important political importance both inside and outside the country. As a domestic policy instrument, the rate is used as a tool to achieve domestic policy goals, such as controlling inflation, stimulating economic growth, and supporting financial stability. As a foreign policy tool, the rate is a means of soft power and political influence, especially in the context of global financial markets, where global actors are guided by the actions of the Bank of Russia. The results of the study emphasize the importance of understanding the Bank of Russia's political functions and its impact on the economy and public welfare. This is essential for developing effective economic policy and making informed monetary policy decisions. Thus, this ar-

ticle contributes to the expansion of knowledge about the Bank of Russia's political functions and its role in economic development. It offers an analytical view of the key rate and explores domestic and foreign policy cases in order to cover more fully the issues related to the policy of the Bank of Russia and its impact on various aspects of public life.

Keywords: Bank of Russia, political functions, economy, key rate, international cooperation, geopolitical influence, political influence

For citation: Kiselev K.K., Badmaev A.S. Political functions of the Bank of Russia. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 114–125. (In Russ.).

Банк России в качестве независимого регулятора финансового рынка не только выполняет функции в области монетарной политики и банковского надзора, но также играет определенную роль в политической системе страны. В контексте политологии изучение политической роли и влияния Банка России является неотъемлемой частью анализа политических процессов и принятия решений. Центральные банки играют важную роль в политической сфере государств. Одним из ключевых инструментов, которым они оперируют, является политика ключевой ставки. Эта политика определяет процентные ставки, по которым коммерческие банки могут получать финансирование от центрального банка.

В данной статье рассмотрены политические функции Банка России, проанализировано влияние ключевой ставки на внутривнутриполитические процессы, такие как инфляция, инвестиции и уровень жизни населения. Кроме того, исследовано внешнеполитическое влияние ключевой ставки, особенно в контексте политики мягкой силы и международного политического влияния.

Для достижения этой цели в статье использована комплексная методика, включающая анализ официальных документов Банка России, статистических данных и научных публикаций по теме. Кроме того, представлены примеры, иллюстрирующие, как политические механизмы Банка России функционируют как внутривнутриполитический инструмент и внешнеполитическое средство воздействия.

Исследование политических функций Банка России позволяет глубже осмыслить роль и значение этой финансовой институции в формировании политической стратегии.

В данной статье представлен новаторский подход к изучению политических функций Банка России, который вносит значительный вклад в область политической науки. Анализируя политическую роль Банка России и его влияние на экономику и благосостояние населения, исследование уделяет особое внимание ключевой ставке, внутривнутриполитическому воздействию и внешнеполитическому инструментарию банка.

Новизна подхода заключается в интеграции политических и экономических аспектов, позволяющей лучше понять, как политические решения и действия Банка России формируют экономическую среду и влияют на политическую динамику внутри страны и за ее пределами.

Этот гибридный подход открывает новые перспективы для изучения взаимосвязи между политическими процессами и экономическими результатами, а также внедрения политических инструментов в сферу экономики. Это является актуальной и значимой концепцией для современной политической науки, обогащая наше понимание о роли банков в политической сфере и взаимосвязи между экономической и политической сферами.

Таким образом, данный подход к изучению политических функций Банка России представляет собой новое направление исследований в политической науке, расширяющее понимание взаимодействия политики и экономики и вносящее вклад в развитие теории и практики в данной области.

Влияние политики ключевой ставки на экономику и политику страны является предметом обширных исследований и дискуссий. Согласно исследованиям Мишкина и Шмидт–Хеббеля, политика ключевой ставки является одним из важнейших инструментов центральных банков для достижения экономической стабильности [1, с. 1]. Блиндер отмечает, что коммуникация центрального банка и его политика ключевой ставки имеют значительное влияние на ожидания рынка и инвестиционные решения.

Однако политика ключевой ставки имеет еще и геополитическое значение. Роль центрального банка и его политики ключевой ставки во внешнеполитической сфере активно исследуется. Свенссон обращает внимание на важность прозрачности и предсказуемости политики ключевой ставки для укрепления международного доверия и статуса национальной валюты [2, с. 45–56]. Международные организации, такие как Международный валютный фонд (IMF) и Всемирный банк (World Bank), также могут оказывать давление на центральные банки стран для принятия определенных мер, особенно в случае, когда эти организации предоставляют финансовую поддержку или помощь странам в период экономического кризиса. Они могут связывать свои финансовые программы с определенными требованиями и рекомендациями по монетарной политике, включая регулирование ключевой ставки. Таким образом, международные организации могут оказывать непосредственное влияние на принятие решений по ключевой ставке центральными банками.

Ранее исследования в области политики Банка России и его влияния на экономику и политику страны сосредотачивались на анализе политики ключевой ставки, ее роли в контроле инфляции и стабилизации экономики, а также влияния на инвестиционную среду и развитие отраслей.

В данном исследовании выделяется новаторский подход, который интегрирует политические и экономические аспекты, чтобы лучше понять взаимосвязь между политическими решениями Банка России и экономической средой. Подход также уделяет внимание внутривластическому и внешневластическому воздействию Банка России.

Таким образом, новизна данного исследования заключается в его гибридном подходе, который открывает новые перспективы для изучения взаимосвязи между политическими процессами и экономическими результатами. Он предлагает интеграцию политических инструментов в сферу экономики и расширяет понимание взаимодействия политики и экономики. Этот подход может быть актуальным и значимым для современной политической науки и вносит свой вклад в развитие теории и практики в данной области.

Влияние ключевой ставки на внутривластические процессы осуществляется по трем направлениям: влияние на инфляцию и стабильность цен, влияние на инвестиции и экономический рост и влияние на уровень жизни населения. Рассмотрим каждое из них подробнее.

Во-первых, Банк России устанавливает ключевую ставку с целью контроля инфляции и обеспечения стабильности цен. Изменение ключевой ставки оказывает прямое влияние на стоимость заемных ресурсов и уровень процентных ставок в экономике. Высокая ключевая ставка способствует сдерживанию инфляции, тогда как ее снижение может способствовать стимулированию экономической активности и снижению инфляционных ожиданий. Таким образом, политика ключевой ставки Банка России имеет непосредственное влияние на уровень ценовой устойчивости в стране.

Политическое значение ключевой ставки Банка России выражается в нескольких аспектах:

1. Социальная стабильность. Высокий уровень инфляции может негативно сказываться на уровне жизни граждан, особенно на наиболее уязвимых слоях населения. Политика ключевой ставки, направленная на сдерживание инфляции, помогает обеспечить стабильность цен и защитить население от роста стоимости товаров и услуг. Это важный фактор для поддержания социальной устойчивости в стране.

2. Экономическая конкурентоспособность. Стабильность цен и низкая инфляция способствуют поддержанию конкурентоспособности российской экономики. Когда уровень инфляции контролируется, предприниматели и инвесторы могут прогнозировать будущие затраты и планировать долгосрочные инвестиции, что способствует развитию экономики и привлечению иностранных инвестиций.

3. Доверие и репутация. Стабильная политика ключевой ставки, направленная на обеспечение ценовой устойчивости, способствует созданию доверия к российской

экономике и финансовой системе. Это может иметь важное значение для привлечения иностранных инвестиций, укрепления доверия со стороны международных партнеров и создания положительной репутации страны в глобальном контексте.

Для демонстрации влияния ключевой ставки Банка России на политическую ситуацию рассмотрим финансовый кризис 2014–2015 годов. В этот период Россия столкнулась с ухудшением условий внешней торговли, увеличением темпов прироста цен, снижением покупательной способности национальной валюты, а также выводом иностранного капитала, что серьезно подорвало доверие к российской экономике.

В ответ на кризис Банк России принял решение повысить ключевую ставку, чтобы сдержать инфляцию и восстановить доверие к рублю и финансовой системе¹. Высокая ключевая ставка способствовала притоку новых иностранных инвестиций, так как обеспечивала высокую доходность вложений в российские финансовые активы. Это продемонстрировано.

Рис. 1. Ключевая ставка Банка России и инфляция

Источник: официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс].
https://www.cbr.ru/hd_base/infl/

Анализируя данные за этот период, можно отметить, что Банк России был вынужден повышать ключевую ставку в ответ на изменение конъюнктуры и преследуя цели по сохранению макроэкономической стабильности. Взаимосвязь между повышением ставки и экономическими событиями, такими как санкции и снижение цен на нефть, показывает, что политические решения и действия Банка России непосредственно связаны с экономической средой и политической динамикой страны.

Повышения ключевой ставки сопровождались существенными последствиями для экономики России, хотя они и включали снижение инвестиций и замедление экономического роста, но были направлены на сдерживание инфляции, защиту национальной валюты и обеспечение финансовой стабильности. Повышение ключевой

¹Банк России. Динамика ключевой ставки. [Электронный ресурс]. URL: https://www.-cbr.ru/dkp/-w_infl/ (дата обращения: 28.05.2023).

ставки вызывало увеличение затрат на заемный капитал, что затрудняло доступ кредитования для предприятий и потребителей.

В целом, анализ статистики показывает, что повышение ключевой ставки Банка России в период с 2014 по 2015 год позволило снизить последствия для экономики страны, которой угрожало неконтролируемое повышение уровня инфляции и снижение покупательной способности населения. Однако это также имело отрицательное влияние на инвестиции и экономический рост.

Этот пример демонстрирует, как политика ключевой ставки Банка России влияла на политические процессы. Повышение ключевой ставки помогло снизить инфляцию, обеспечить стабильность цен и восстановить доверие к российской экономике. Что, в свою очередь, повлияло на укрепление политической стабильности и улучшение общего экономического положения в стране.

Во-вторых, уровень ключевой ставки влияет на инвестиционные решения предприятий и инвесторов, домашних потребителей, на сектор финансов. Повышение ключевой ставки может сдерживать инвестиции и замедлять экономический рост, поскольку высокие процентные ставки делают кредиты и заемные ресурсы менее доступными для предприятий и домохозяйств. Снижение ключевой ставки, напротив, может стимулировать инвестиции и способствовать развитию экономики, поскольку это уменьшает затраты на заемный капитал и повышает спрос на инвестиционные проекты. Влияние ключевой ставки на инвестиции и экономический рост также связано с механизмом передачи денежной политики. Понижение ключевой ставки снижает стоимость заемных ресурсов для банков, что позволяет им предоставлять более выгодные условия кредитования для предприятий и потребителей. Это способствует увеличению объема инвестиций и стимулирует экономический рост.

Высокая или низкая ключевая ставка Банка России имеет важное политическое содержание, поскольку она влияет на экономику и благосостояние населения. Выбор оптимального уровня ключевой ставки является сложным балансом между поддержанием стабильности цен и стимулированием экономического роста.

Изменение ключевой ставки может иметь важные индикаторы, такие как инвестиционная активность предприятий, объемы кредитования, уровень потребительского спроса и финансовый сектор. Динамика этих индикаторов связана с решениями Банка России относительно ключевой ставки.

Повышение ключевой ставки может сдерживать инвестиции и замедлять экономический рост. Это может быть вызвано увеличением затрат на кредиты и заемные ресурсы для предприятий и домашних потребителей. В результате снижается спрос на инвестиционные проекты и возможность предприятий расширять свою деятель-

ность. Однако повышение ключевой ставки также может помочь сдерживать инфляцию и укреплять стабильность цен¹.

Снижение ключевой ставки, напротив, может стимулировать инвестиции и способствовать развитию экономики. Уменьшение затрат на заемный капитал делает кредиты и заемные ресурсы более доступными для предприятий и домохозяйств, что способствует росту инвестиций. Это может привести к расширению производства и увеличению экономического роста.

Однако политика изменения ключевой ставки также сопряжена с определенными рисками и возможностями для России. Возможные риски включают повышение инфляционных ожиданий, снижение стоимости национальной валюты, увеличение внешнего долга и потерю доверия со стороны международных инвесторов. Низкие процентные ставки могут также способствовать накоплению долговой нагрузки и возникновению финансовых пузырей.

С другой стороны, правильное управление политикой ключевой ставки может предоставить возможности для России. Это может включать привлечение инвестиций, стимулирование экспорта, снижение доли неплатежеспособных долгов и повышение финансовой устойчивости.

В целом, политика ключевой ставки Банка России имеет важное политическое содержание и существенное влияние на экономику и политику страны. Ее эффективное управление требует балансирования различных факторов и учета возможных рисков и возможностей для России.

В-третьих, политика ключевой ставки Банка России имеет прямое отражение на уровень жизни населения. Стабильность цен, доступность кредитования и экономический рост, связанные с политикой ключевой ставки, имеют непосредственное влияние на доходы и благосостояние граждан. Низкие процентные ставки могут способствовать росту располагаемого дохода населения, снижению затрат на кредиты и улучшению доступности жилищного и потребительского кредитования. Это может повысить уровень потребления и улучшить качество жизни населения. Несколько аспектов, которые подчеркивают политическую значимость политики ключевой ставки:

1. Стабильность финансовой системы. Эффективная политика ключевой ставки способствует созданию стабильной финансовой системы, что является важным политическим фактором. Устойчивая и надежная финансовая система способна привлекать инвестиции, обеспечивать финансовую безопасность и поддерживать экономический рост, что, в свою очередь, способствует политической стабильности страны.

¹Банк России. Как принимаются решения о величине ключевой ставки. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/dkp/how_dec/ (дата обращения: 28.05.2023).

2. Влияние на бюджетную политику. Уровень ключевой ставки оказывает влияние на бюджетные расходы и доходы государства. Низкая ключевая ставка может способствовать сокращению расходов на обслуживание государственного долга и обеспечению бюджетного равновесия. Это позволяет правительству иметь больше ресурсов для реализации своих политических программ и социальных инициатив.

Банк России регулярно проводит изменения ключевой ставки в рамках своей денежно-кредитной политики. Например, в условиях инфляционных давлений Банк России повышает ключевую ставку для сдерживания роста цен и стабилизации экономики. Снижение ключевой ставки, в свою очередь, способствует стимулированию экономической активности и росту кредитования.

Политика ключевой ставки Банка России оказывает влияние на политические процессы и стабильность страны. Уровень ключевой ставки влияет на доступность кредитования, инвестиционные решения и экономический рост. Более низкие процентные ставки способствуют росту располагаемого дохода населения, снижению затрат на кредиты и улучшению доступности жилищного и потребительского кредитования, что положительно сказывается на политической стабильности и благосостоянии населения.

Кроме того, *деятельность Банка России по регулированию ключевой ставки имеет определенное внешнеполитическое значение*. Оно выражается в реализации политики мягкой силы и геополитическом влиянии страны за рубежом.

Политика ключевой ставки Банка России влияет на взаимодействие с другими центральными банками. Это позволяет России активно участвовать в формировании международных финансовых стандартов и нормативных рамок, а также влиять на глобальные финансовые течения. В условиях санкционного давления со стороны западных стран Банк России работает над укреплением взаимодействия со странами Азии, Латинской Америки и Африки. Одновременно Банк России осуществляет диверсификацию валютных резервов, снижая долю доллара США и увеличивая долю других валют, таких как китайский юань, евро и другие валюты новых партнеров.

Учитывая долю России в мировой торговле и ее роль как одного из крупнейших экспортеров энергетических ресурсов, политика ключевой ставки Банка России оказывает значительное влияние на внешнеэкономическую ситуацию. Изменения в ключевой ставке могут повлиять на стоимость кредитования и финансовые условия для предприятий, влияя на их решения о расширении производства, инвестициях и экспорте. Более низкие процентные ставки способствуют стимулированию экономической активности и повышению конкурентоспособности российских товаров и услуг на мировых рынках.

В свете политики контрсанкций Банк России стал активно работать над укреплением финансовой стабильности и независимости. Введение западных санкций

привело к заморозке активов Банка России и ограничению доступа к международным финансовым институтам. В связи с этим Банк России разрабатывает меры по развитию внутренних финансовых инструментов, обеспечивающих альтернативные каналы международных расчетов, минуя существующие системы, такие как SWIFT.

Внедрение системы международных расчетов в национальной валюте: Банк России активно продвигает использование российского рубля в международных расчетах. Это включает поддержку развития системы клиринговых платежей в рублях с другими странами и установление валютных своповых линий для обеспечения ликвидности в рублевом сегменте международных финансовых рынков.

Сотрудничество с другими странами и региональными блоками: Банк России активно развивает сотрудничество с другими странами и региональными блоками для создания альтернативных финансовых механизмов и инфраструктуры. Например, Банк России активно участвует в работе БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) и других региональных инициатив, которые способствуют развитию альтернативных финансовых инструментов и сотрудничеству в области международных расчетов, имеет представительство в Китайской Народной Республике.

Ключевая ставка Банка России играет роль внешнеполитического инструмента, который может быть использован для достижения политических целей и воздействия на международную арену. Изменение ключевой ставки может оказывать влияние на международные финансовые потоки, привлекая иностранные инвестиции, тем самым укрепляя экономическое сотрудничество с другими странами.

Геополитическое влияние политики ключевой ставки Банка России является важным аспектом его деятельности. Геополитика относится к стратегическому воздействию государства на международные отношения с целью достижения своих интересов и обеспечения национальной безопасности. В контексте политики ключевой ставки геополитическое влияние может проявляться следующим образом:

1. Изменение ключевой ставки оказывает влияние на курс рубля относительно других валют. Повышение ключевой ставки приводит к укреплению рубля, что снижает стоимость импорта и делает экспорт товаров и услуг менее конкурентоспособным. Снижение ключевой ставки, напротив, способствует ослаблению рубля и повышению конкурентоспособности экспорта. Таким образом, политика ключевой ставки Банка России используется в геополитических целях для регулирования внешней торговли и поддержки экспортно-ориентированной политики.

2. Банк России использует политику ключевой ставки для привлечения и удержания иностранных инвестиций: высокая ключевая ставка, применяемая Банком России, создает привлекательные условия для иностранных инвесторов, так как доходность российских облигаций и других инвестиционных инструментов повыша-

ется. В следствие чего поступление иностранных инвестиций в Россию увеличивается, что способствует укреплению финансовой стабильности страны и поддержанию рубля. Финансовая стабильность является важным аспектом геополитической позиции страны и может влиять на ее отношения с другими государствами, включая политический и экономический союзы, инвестиции и торговлю.

Политика ключевой ставки Банка России играет важную роль в политической сфере. Она влияет на экономическую стабильность, инфляцию, инвестиции и уровень жизни населения внутри страны. Кроме того, она имеет геополитическое значение и способна формировать образ России на международной арене, влиять на ее отношения с другими странами, частными и институциональными инвесторами и международными организациями.

Список источников

1. Mishkin F.S., Schmidt-Hebbel K. Does inflation targeting make a difference? Cambridge, 2007. 66 p.

2. Svensson L.E.O. Monetary policy and macroprudential policy: different and separate? // *Journal of Monetary Economics*. 2019. No. 106. P. 45–56.

Библиографический список

1. Байгулов Р.М., Шарипов М.А. Антикризисная политика Российского правительства и банка России // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2010. № 2. С. 126–128.

2. Зиниша О.С., Брус В.В. Роль ключевой ставки в денежно-кредитной политике Центрального банка // *Экономика и социум*. 2017. № 1-1(32). С. 699–704.

3. Кузнецов А.В. Влияние геополитической ситуации на формирование новой мировой финансовой архитектуры: Вызовы и возможности для России // *Экономика. Налоги. Право*. 2022. № 4. С. 17–29.

4. Попова И.В., Никитина И.П., Матюшенко Е.С. Направления взаимодействия центрального банка с правительством // *Финансовые исследования*. 2016. № 4 (53). С. 69–75.

5. Рамазанов Д.И. Инфляция: политический аспект // *Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики*. 2011. № 1. С. 362–371.

6. Gertler M., Karadi P. Monetary policy surprises, credit costs, and economic activity // *Journal of Monetary Economics*. 2018. No. 100. P. 51–68.

7. Taylor J.B. The staying power of staggered wage and price setting models in macroeconomics // *Journal of Monetary Economics*. 2019. No. 105. P. 1–11.

8. Woodford M. *Interest and prices: Foundations of a theory of monetary policy*. Princeton: Princeton University Press, 2003. 785 p.

References

1. Mishkin F.S., Schmidt-Hebbel K. Does inflation targeting make a difference? Cambridge, 2007. 66 p.
2. Svensson L.E.O. Monetary policy and macroprudential policy: different and separate? *Journal of Monetary Economics*, 2019, no. 106, pp. 45–56.

Информация об авторах / Information about the author

К.К. Киселев – аспирант кафедры политологии Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

✉ kirknstkis@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-2722-5509>

К.К. Kiselev – Postgraduate Student of the Department of Political Science, Institute of Social Sciences, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation).

А.С. Бадмаев – магистрант Международного института энергетической политики и дипломатии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, экономист Банка России (Москва, Российская Федерация).

✉ badmaev.a.s@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7075-1239>

A.S. Badmaev – Master’s Student of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations, economist at Central Bank of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 08.06.2024;

одобрена после рецензирования / revised 12.11.2024;

принята к публикации / accepted 22.11.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 126–138.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 126–138.

ПРАВО / LAW

Научная статья

УДК 343.337.4.06(470+571):341.322.5

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-4/126-138>

Имплементация международных норм, устанавливающих ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, в уголовное законодательство Российской Федерации

Сергей Юрьевич Мироненко ✉

Донбасский государственный университет юстиции

Донецк, Российская Федерация

✉ mironenko-2009@mail.ru

Аннотация. При исследовании состава преступления применения запрещенных средств и методов ведения войны особое значение имеет вопрос имплементации международных норм в этой области в национальное уголовное законодательство Российской Федерации. Определение порядка реализации международных обязательств является проявлением национального суверенитета и относится к внутренней компетенции самого государства. Имплементация международных норм, устанавливающих ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, в уголовное законодательство Российской Федерации представляет собой фактическое воплощение международных обязательств на национальном уровне. Анализ редакции статьи 356 УК РФ позволяет сделать вывод, что в данном случае была проведена специальная рецепция международно-правовых положений об ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны. Российская Федерация имплементирует международные нормы в сфере противодействия военным преступлениям путем их непосредственного включения в национальное уголовное законодательство.

Ключевые слова: военные преступления, применение запрещенных средств и методов ведения войны, международные нормы, имплементация

Для цитирования: Мироненко С.Ю. Имплементация международных норм, устанавливающих ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, в уголовное законодательство Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 126–138.

Original article

Implementation of international norms establishing responsibility for the use of prohibited means and methods of warfare into the criminal legislation of the Russian Federation

Sergey Yu. Mironenko

Donbass State University of Justice

Donetsk, Russian Federation

✉ mironenko-2009@mail.ru

Abstract. When studying the corpus delicti of the use of prohibited means and methods of warfare, the issue of the implementation of international norms in this area into the national criminal legislation of the Russian Federation is of particular importance. Determining the procedure for the implementation of international obligations is a manifestation of national sovereignty and relates to the internal competence of the State itself. The implementation of international norms establishing responsibility for the use of prohibited means and methods of warfare into the criminal legislation of the Russian Federation represents the actual embodiment of international obligations at the national level. An analysis of the wording of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation allows us to conclude that in this case a special reception of international legal provisions on responsibility for the use of prohibited means and methods of warfare was carried out. The Russian Federation implements international norms in the field of countering war crimes by directly incorporating them into national criminal legislation.

Keywords: war crimes, the use of prohibited means and methods of warfare, international norms, implementation

For citation: Mironenko S. Yu. Implementation of international norms establishing responsibility for the use of prohibited means and methods of warfare into the criminal legislation of the Russian Federation. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 126–138. (In Russ.).

Введение

Являясь участником международных договоров, регулирующих борьбу с международными преступлениями, Российская Федерация должна добросовестно выполнять свои обязательства по этим договорам в соответствии с принципом «*raста sunt servanda*». Этот принцип изначально возник в обычном праве и был юридически закреплен в Венской конвенции о праве международных договоров в 1969 году. Согласно статье 26 этой Конвенции, «каждый действующий договор обязателен для его

участников и должен ими добросовестно выполняться» [1]. Аналогичная позиция закреплена в статье 26 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 мая 1986 года [2].

Однако принцип «*facta sunt servanda*» говорит о том, что государства в полном объеме и добросовестно должны выполнять международные обязательства, которые вытекают из признанных международных договоров. Поэтому необходимо обеспечить имплементацию таких норм во внутреннее законодательство государства.

Таким образом, при исследовании состава преступления применения запрещенных средств и методов ведения войны особое значение имеет вопрос имплементации международных норм в этой области в национальное уголовное законодательство Российской Федерации.

Считаем, что прежде всего необходимо более подробно изучить теоретические вопросы соотношения международного и национального уголовного права. Такой анализ поможет лучше понять содержание имплементации в национальное уголовное законодательство Российской Федерации международных норм, которые регламентируют ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны. Кроме того, такой анализ необходим еще и потому, что международные договоры обязывают государства принимать на национальном уровне соответствующие меры по адаптации своего внутреннего законодательства к выполнению международных договоров.

Основная часть

На основе анализа большого количества научной литературы, в которой рассматриваются вопросы соотношения международного и национального права, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, внутреннее уголовное право государства оказывает непосредственное влияние на формирование и развитие принципов и норм международного права в сфере борьбы с международными преступлениями. Это связано с тем, что, вступая в определенные договорно-правовые отношения, государства в первую очередь руководствуются и действуют исходя из содержания своей национальной уголовной политики и собственного законодательства [3, с. 201–209]. Иными словами, если вновь введенная международно-правовая норма противоречит содержанию национальной уголовной политики или законодательства, государство не может принять на себя вытекающие из нее международные обязательства. В этом случае принуждение со стороны другого субъекта договорного правоотношения делает норму недействительной для принуждаемого государства. Это положение основано на положениях Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 мая 1986 года и Вен-

ской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Согласно ст. 52 настоящих конвенций, «договор является недействительным, если его заключение стало результатом угрозы силой или ее применения на нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций» [2].

С другой стороны, нельзя отрицать влияние международного уголовного права на национальное уголовное право. В принципе, международное уголовное право и национальное уголовное право неразрывно связаны и взаимодействуют друг с другом. Так, согласно ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), «настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права» [4, с. 4].

Во-вторых, отдельные нормы международного уголовного права обладают особым правовым статусом по отношению к внутригосударственному правовому регулированию тех отношений, которые складываются внутри государства.

В-третьих, международное право и национальное законодательство являются неразрывными, но в то же время независимыми правовыми системами. Согласно ст. 11 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, согласие государств, связанных договором, может быть выражено путем подписания договора, обмена документами, составляющими договор, ратификации, принятия или признания договора, присоединения к договору или любым другим согласованным способом [1]. Конституция Российской Федерации в ч. 4 ст. 15 установила: «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [5].

Иные положения можно найти в конституциях других стран. Например, статья 151 Конституции Азербайджанской Республики 1995 года признает юридическую силу международных актов только для некоторых нормативно-правовых актов: «при возникновении противоречия между нормативными правовыми актами, входящими в систему законодательства Азербайджанской Республики (исключая Конституцию Азербайджанской Республики и акты, принятые путем референдума), и межгосударственными договорами, участницей которых является Азербайджанская Республика, применяются международные договоры» [6]. Иными словами, содержание данной нормы означает, что в случае коллизии между международным правовым актом и законом, принятым на референдуме или Конституцией, применяются положения последних.

Конституция Республики Беларусь 1994 года ограничивается только признанием приоритета общепризнанных принципов международного права и обеспечением соответствия им законодательства и не допускает заключения международных договоров, противоречащих Конституции (ст. 8 Конституции Республики Беларусь) [7].

В статье 6 Конституции Республики Армения 1995 года установлено, что заключенные от имени Республики Армения международные договоры применяются только после ратификации. Ратифицированные международные договоры являются составной частью правовой системы Республики. Если в них установлены иные нормы, чем предусмотренные в законах, то применяются нормы договора [8].

В соответствии с § 25 Основного закона Федеративной Республики Германия 1949 года общепризнанные нормы международного права являются неотъемлемой частью федерального законодательства. Они имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории [9].

Во Франции, согласно ст. 55 Конституции 1958 года, официально ратифицированные или одобренные договоры или соглашения имеют большую силу, чем национальные законы при условии применения такого договора другой стороной, с момента их обнародования [10].

Таким образом, можно констатировать, что государства, в соответствии с положениями своих «основных законов», обязуются выполнять свои международные обязательства.

Следует отметить, что определение порядка реализации международных обязательств является проявлением национального суверенитета и относится к внутренней компетенции самого государства. Таким образом, можно считать, что международное право требует его введения в национальное законодательство, но выбор законодательной техники для его введения находится в компетенции национального права каждого государства.

В международной практике существуют три основных механизма внедрения (введения в действие) норм международного права в рамках национального правопорядка: отсылка к международным актам, трансформация (имплементация) и рецепция. При этом нет необходимости утверждать превосходство или преимущество какого-либо из перечисленных способов инкорпорации международно-правовых норм во внутригосударственное право. Их использование определяется конкретными условиями правовой системы каждого государства и особенностями имплементируемых международных норм. Важно, чтобы государство применяло наиболее эффективные и соответствующие механизмы, обеспечивающие действенную реализацию международно-правовых обязательств на национальном уровне.

Механизм отсылки к нормам международного права используется в ситуациях, когда внутригосударственные законы или иные нормативные правовые акты при определении правового статуса, полномочий и поведения органов государственной власти, должностных лиц или граждан исходят из положений или отдельных норм международного права, рассматривая их в качестве уже установленных и обязатель-

ных предпосылок. Другими словами, национальное законодательство в своем содержании и регулировании соответствующих вопросов ориентируется, опирается или основывается на соответствующих нормах международного права. Таким образом, международно-правовые нормы выступают в качестве исходных, базовых положений, на которые непосредственно ссылается национальное законодательство при регламентации определенных общественных отношений [11].

Трансформация представляет собой процесс преобразования международно-правовой нормы в национальную правовую норму. Это достигается путем принятия специального закона или иного нормативно-правового акта национального законодательства, который регулирует те же вопросы, что и соответствующая норма международного права. В результате такой трансформации создается новая государственно-правовая норма, которая конкретизирует и адаптирует содержание исходной международно-правовой нормы к особенностям и специфике национального правопорядка [11, с. 228]. Таким образом, трансформация представляет собой механизм имплементации (реализации) норм международного права в национальное законодательство и правоприменительную практику, обеспечивая их действие на территории конкретного государства в соответствии с его правовыми традициями и потребностями.

Необходимо отметить, что в теоретических исследованиях недостаточно изучен вопрос трансформации международно-правовых норм. Данный вопрос является одним из наиболее дискуссионных в общей теории права.

Особенно спорным является вопрос о точном содержании понятия «трансформация». Так, ряд юристов (Д.Б. Левин, Л.Х. Мингазов, Ю.Г. Ткаченко и др.) рассматривают трансформацию как средство приведения в действие норм международного права наряду с отсылкой и инкорпорацией. Л.Х. Мингазов устанавливает различные способы и средства имплементации в форме «отсылки, инкорпорации, трансформации» [12, с. 188]. Е.Т. Усенко характеризует трансформацию в широком смысле, как «объективное явление, выражающееся в различных способах выполнения государствами своих международных обязательств путем издания национальных правовых актов» [13, с. 16]. В то же время он трактует рецепцию и отсылку как один из видов трансформации. С.В. Черниченко определяет трансформацию как «способ применения норм международного права, обязательных для любого государства, в сфере его внутренней юрисдикции» [14, с. 48–52].

Непосредственная имплементация норм международного права на национальном уровне не может быть достигнута исключительно за счет усилий самого государства. Это обеспечивается комплексной и согласованной деятельностью различных субъектов национального правопорядка, организованной и регламентированной соответствующими властными актами и решениями государственных органов.

Иными словами, эффективная реализация международно-правовых норм на внутригосударственном уровне требует скоординированных действий целого ряда уполномоченных государственных институтов и должностных лиц, каждый из которых выполняет свою роль в процессе имплементации в соответствии с установленными процедурами и полномочиями. Только комплексный подход, сбалансированный механизм взаимодействия различных субъектов национального права, регулируемый и контролируемый государством, способен обеспечить надлежащее внедрение норм международного права в рамках внутригосударственного правопорядка.

В связи с этим наибольший интерес при рассмотрении вопросов имплементации договорных норм в сфере противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества в уголовное законодательство Российской Федерации представляет рецепция. Преступления против мира и безопасности человечества появились в уголовном праве не путем отсылки или трансформации, а именно путем рецепции соответствующих международно-правовых норм. Рецепция представляет собой механизм непосредственного включения норм международного права в национальное законодательство без изменения их первоначального содержания. Этот процесс может происходить как в общей форме, применительно ко всему массиву международного права, так и в специальной форме, в отношении конкретных международно-правовых норм. Общая рецепция международного права нередко находит свое закрепление непосредственно в Конституции государства, где содержится положение о том, что нормы международного права являются неотъемлемой частью национального правопорядка.

Специальная рецепция происходит в случае, когда государство принимает специальный закон, вводящий в действие конкретный международный правовой акт. В результате такой процедуры нормы этого международно-правового акта становятся неотъемлемой частью внутригосударственного права государства, принявшего данный закон. Помимо этого, некоторые международные договоры могут действовать на территории государства автоматически, с момента их вступления в силу на международном уровне, то есть сразу после ратификации или подписания. Такие международные договоры принято называть «самоосуществимыми» [11, с. 227].

Чтобы положения международного договора были признаны «самоосуществимыми» нормами, их формулировки должны быть достаточно четкими и полными. Это означает, что положения международного договора должны непосредственно наделять правами и обязанностями государственные органы, юридических и физических лиц, участвующих в договоре, без необходимости вмешательства национального законодателя. Иными словами, для применения таких положений на национальном уровне не требуется дополнительного имплементирующего законодательства.

Возможность прямого применения международных норм внутри государства санкционируется национальным правом посредством актов, выражающих согласие

государства на обязательность для него международных договоров (например, ратификация, присоединение, утверждение и т.п.). Такие «самоосуществимые» международные акты не только санкционируют реализацию международно-правовых норм в межгосударственных отношениях, но и обеспечивают их непосредственное действие внутри государства. Тем не менее выражение согласия государства на обязательность международного договора не меняет основополагающую юридическую природу этих «самоосуществимых» международно-правовых норм. Такие нормы могут напрямую наделять государственные органы, юридических и физических лиц – участников договора соответствующими правами и обязанностями, без необходимости какого-либо дополнительного внутреннего нормотворчества со стороны государства. Таким образом, «самоосуществимые» международные договоры обеспечивают непосредственную реализацию международно-правовых предписаний в рамках национального правопорядка, минуя процедуру их имплементации путем принятия внутригосударственных нормативных актов.

Большая часть норм международного гуманитарного права являются «самоосуществимыми». Основные документы международного гуманитарного права, такие как Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним 1977 года, содержат достаточно детализированные и точные положения (около 600 статей), которые могут быть непосредственно применены государственными органами и отдельными лицами. Это означает, что нормы международного гуманитарного права сформулированы настолько конкретно и детально, что их можно напрямую использовать в практической деятельности, без необходимости принятия дополнительного внутригосударственного законодательства для их реализации. Они являются готовыми к применению правилами, которые могут быть непосредственно использованы соответствующими субъектами (государственными органами, должностными лицами, военнослужащими и т.д.) в ходе вооруженных конфликтов.

Существуют также другие нормы международного гуманитарного права, реализация которых зависит от содействия со стороны национального законодательства и принятия соответствующих организационных мер государствами – участниками международных договоров. Этот принцип особенно четко выражен в статье 1, общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 года о защите жертв войны, которая устанавливает, что Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать и обеспечивать соблюдение данной Конвенции при любых обстоятельствах. Таким образом, наряду с «самоосуществимыми» нормами международного гуманитарного права существуют также положения, которые требуют принятия дополнительных мер национального уровня для их реализации. Государства – участники Женевских конвенций несут ответственность за обеспечение соблюдения этих норм международного гуманитарного права на своей территории и в рамках своей юрисдикции. Это обязательство значительно расширено статьей 80 Дополнительного протокола I:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны и стороны, находящиеся в конфликте, без промедления принимают все необходимые меры по выполнению обязательств, возлагаемых на них Конвенциями и настоящим Протоколом.

2. Высокие Договаривающиеся Стороны и стороны, находящиеся в конфликте, отдают приказы и распоряжения с целью обеспечения соблюдения Конвенций и настоящего Протокола и осуществляют контроль за их выполнением» [15, с. 259].

Подобные нормы содержатся и в статье 28 Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года и в статье 14 Протокола II к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, от 10 октября 1980 года.

Внутригосударственная система нормативного обеспечения имплементации (реализации) норм международного права в сфере противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества включает в себя правовую основу для превращения в жизнь положений международного права на национальном уровне. Эта система включает в себя, во-первых, нормативно-правовые акты общего характера, регулирующие соотношение международного и внутригосударственного права Российской Федерации, порядок принятия, исполнения и денонсации международных договоров. Во-вторых, она включает в себя национальные правовые акты, специально принятые с целью обеспечения реализации конкретных международных обязательств, вытекающих из международных договоров в сфере противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества. Таким образом, данная система нормативного обеспечения представляет собой правовую базу для воплощения в жизнь на территории Российской Федерации международно-правовых норм, направленных на борьбу с наиболее тяжкими преступлениями, затрагивающими основы мирового порядка.

В этой связи следует указать на Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020), который устанавливает порядок заключения, исполнения и прекращения действия международных договоров Российской Федерации с целью надлежащего обеспечения национальных интересов, осуществления целей, задач и принципов внешней политики Российской Федерации, закрепленных в Конституции и законодательстве Российской Федерации [16]. Настоящий Федеральный закон применяется в отношении международных договоров Российской Федерации (межгосударственных, межправительственных договоров и договоров межведомственного характера) независимо от их вида и наименования (договор, соглашение, конвенция, протокол, обмен письмами или нотами, иные виды и наименования международных договоров) (ч. 2 ст. 1).

Полномочия на ведение переговоров и на подписание международных договоров Российской Федерации предоставляются:

а) в отношении договоров, заключаемых от имени Российской Федерации, – Президентом Российской Федерации, а в отношении договоров, заключаемых от имени Российской Федерации, по вопросам, относящимся к ведению Правительства Российской Федерации, – Правительством Российской Федерации. Полномочия на ведение переговоров и на подписание указанных договоров оформляются от имени Президента Российской Федерации либо от имени Правительства Российской Федерации Министерством иностранных дел Российской Федерации;

б) в отношении договоров, заключаемых от имени Правительства Российской Федерации, – Правительством Российской Федерации. Полномочия на ведение переговоров и на подписание указанных договоров оформляются от имени Правительства Российской Федерации Министерством иностранных дел Российской Федерации;

в) в отношении договоров межведомственного характера – федеральным министром, руководителем иного федерального органа исполнительной власти или уполномоченной организации (ст. 13).

Согласие Российской Федерации на обязательность для нее международного договора может выражаться путем:

- подписания договора;
- обмена документами, образующими договор;
- ратификации договора;
- утверждения договора;
- принятия договора;
- присоединения к договору;
- применения любого другого способа выражения согласия, о котором условились договаривающиеся стороны.

Решения о согласии на обязательность для Российской Федерации международных договоров принимаются органами государственной власти Российской Федерации или уполномоченными организациями в соответствии с их компетенцией, установленной Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, иными актами законодательства Российской Федерации (ст. 6).

Выводы

Таким образом, на основе анализа приведенных положений можно отметить, что имплементация международных норм, устанавливающих ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, в уголовное законодательство Российской Федерации представляет собой фактическое воплощение международных обязательств на национальном уровне. Этот процесс осуществляется путем рецепции соответствующих международно-правовых норм в отечественное уголовное законодательство. Анализ редакции статьи 356 УК РФ позволяет сделать вывод, что в данном случае была проведена специальная рецепция международно-

правовых положений об ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны. Это достигается посредством издания специального закона, вводящего в действие соответствующий международный акт на территории Российской Федерации. Таким образом, Российская Федерация имплементирует международные нормы в сфере противодействия военным преступлениям путем их непосредственного включения в национальное уголовное законодательство.

Наличие внутригосударственных механизмов реализации норм международного права, включая нормы международного гуманитарного права, позволяет Российской Федерации обеспечивать полное, всестороннее и своевременное выполнение международных обязательств, принятых на себя. От эффективности внутригосударственных механизмов имплементации во многом зависит репутация государства, действенность его правовой системы и способность гарантировать защиту прав человека в условиях вооруженных конфликтов как международного, так и немеждународного характера. Таким образом, наличие и надлежащее функционирование внутригосударственных механизмов по реализации норм международного права, в том числе гуманитарного, является ключевым фактором, обеспечивающим для Российской Федерации возможность полноценного выполнения взятых на себя международных обязательств. Это, в свою очередь, способствует укреплению международного авторитета и правовой системы страны, а также гарантии прав человека в ситуациях вооруженных конфликтов.

Список источников

1. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.). URL: <https://base.garant.ru/2540820/>.
2. Венская Конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (Вена, 21 марта 1986). URL: <https://base.garant.ru/2541089/>.
3. Панов В.П. Международное уголовное право: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1997. 320 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации с постатейными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ / отв. ред. А.И. Чучаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. 813 с.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
6. Конституция Азербайджанской Республики 1995 года. URL: <https://mincom.gov.az/ru/view/pages/13/>.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года. URL: <https://pravo.by/pravo-vaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>.

8. Конституция Республики Армения 1995 года.
URL: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf.
9. Основной закон Федеративной Республики Германии 1949 года. URL: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/germany.htm>.
10. Конституция Французской Республики 1958 года. URL: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm>.
11. Курс международного права: Понятие и сущность современного международного права. В 6-ти томах. М.: Наука, 1967. Т. 1. 284 с.
12. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права. Казань: Изд-во КазГУ, 1990. 336 с.
13. Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 11–18.
14. Черниченко С.В. Личность и международное право. М.: Международные отношения, 1974. 168 с.
15. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним. 5-е изд., доп. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. 302 с.
16. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации», от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020). URL: <https://fzrf.su/zakon/o-mezhdunarodnyh-dogovorah-101-fz/>.

References

1. Vienna Convention on the Law of Treaties (Vienna, May 23, 1969). URL: <https://base.garant.ru/2540820/>. (In Russian).
2. Vienna Convention on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations (Vienna, March 21, 1986). URL: <https://base.garant.ru/2541089/>. (In Russian).
3. Panov V.P. Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo: uchebnoe posobie [International Criminal Law: Textbook]. Moscow, 1997. 320 p.
4. Chuchaev A.I. (ed.). Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii s postatejnymi raz'yasneniyami Plenuma Verhovnogo Suda RF [The Criminal Code of the Russian Federation with the article-by-article explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. Chuchaev. 2nd ed., reprint. and add. Moscow: Prospekt Publ., 2022. 813 p.
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (In Russian).
6. The Constitution of the Republic of Azerbaijan of 1995. URL: <https://min-com.gov.az/ru/view/pages/13/>. (In Russian).
7. The Constitution of the Republic of Belarus of 1994. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. (In Russian).

8. The Constitution of the Republic of Armenia of 1995. URL: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf. (In Russian).
9. The Basic Law of the Federal Republic of Germany of 1949. URL: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/germany.htm>. (In Russian).
10. The Constitution of the French Republic of 1958. URL: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm>. (In Russian).
11. Kurs mezhdunarodnogo prava: Ponyatie i sushchnost' sovremennogo mezhdunarodnogo prava [International Law Course: The concept and essence of modern international law]. In 6 volumes. Moscow: Nauka Publ., 1967. Vol. 1. 284 p.
12. Mingazov L.H. Effektivnost' norm mezhdunarodnogo prava [The effectiveness of international law]. Kazan: KazGU Publishing House, 1990. 336 p.
13. Usenko E.T. Sootnoshenie i vzaimodejstvie mezhdunarodnogo i nacional'nogo prava i Rossijskaya Konstituciya [Correlation and interaction of international and national law and the Russian Constitution]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 1995, no. 2, pp. 11–18.
14. Chernichenko S.V. Lichnost' i mezhdunarodnoe pravo [Personality and international law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1974. 168 p.
15. The Geneva Conventions of 12 August 1949 and their Additional Protocols. 5th ed., supplement. 5th ed., add. Moscow: International Committee of the Red Cross Publ., 2011. 302 p. (In Russian).
16. Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation", dated 07/15/1995 N 101-FZ (as amended on 12/8/2020). URL: <https://fzrf.su/zakon/o-mezhdunarodnyh-dogovorah-101-fz/>. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

С.Ю. Мироненко – кандидат юридических наук, доцент, проректор по научной работе Донбасского государственного университета юстиции (Донецк, Российская Федерация).

✉ mirotenko-2009@mail.ru

S.Yu. Mironenko – Candidate of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Donbass State University of Justice (Donetsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 21.10.2024;

одобрена после рецензирования / revised 24.10.2024;

принята к публикации / accepted 22.11.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 139–148.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 139–148.

Научная статья

УДК 346.245(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-4/139-148>

О правовом статусе холдингов в Российской Федерации

Екатерина Владимировна Лебедева

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия,
Челябинск, Российская Федерация

 lebedeva-ekateri@mail.ru

Аннотация. Особенности исторического развития России породили возникновение особых субъектов правоотношений, представляющих собой взаимосвязанных юридически и экономически юридических лиц, контролируемых и управляемых определенным образом. В настоящее время в России большая часть субъектов крупного предпринимательства представлена объединениями юридических лиц, которые именуются как холдинги. Между тем действующее гражданское законодательство напрямую не определяет существование такого субъекта, как холдинг. При этом иные отрасли законодательства (антимонопольное, налоговое, административное и др.) определенные группы субъектов правоотношений именуют (в целях соответствующего регулирования) как группы лиц, взаимосвязанные лица, контролирующие лица и пр. Гражданское законодательство лишь отчасти регулирует статус холдинговых компаний, определяя особенности аффилированных отношений, отношений дочерних и основных обществ, контролируемых лиц. Вместе с тем развивающиеся экономические правоотношения зачастую требуют разрешения споров в судах, которые также неоднозначно подходят к пониманию правового статуса холдинга. В доктрине относительно понимания статуса холдинга также нет единой позиции. В связи с чем имеется необходимость определить сформированные законодателем, правоприменителем и доктриной подходы относительно статуса холдинга, а также разграничения категории «холдинг» со смежными категориями (например, «холдинговая компания», «группа компаний» и пр.).

Ключевые слова: холдинг, холдинговая компания, группа компаний, группа лиц, холдинговая деятельность, взаимосвязанные лица, дочерняя компания, основная компания, взаимосвязанные лица

Для цитирования: Лебедева Е.В. О правовом статусе холдингов в Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 139–148.

Original article

About the legal status of holdings in Russian Federation

Ekaterina V. Lebedeva ✉

Ural branch of the Russian State University of Justice,

Chelyabinsk, Russian Federation

✉ lebedeva-ekateri@mail.ru

Abstract. The peculiarities of the historical development of Russia gave rise to the emergence of special subjects of legal relations, which are interconnected legally and economically legal entities, controlled and managed in a certain way. Currently in Russia, most large businesses are represented by associations of legal entities, which are referred to as holdings. Meanwhile, the current civil legislation does not directly determine the existence of such an entity as a holding. At the same time, other branches of legislation (antimonopoly, tax, administrative, etc.) certain groups of subjects of legal relations are referred to (for the purpose of appropriate regulation) as groups of persons, related persons, controlling persons, etc.

Civil legislation only partly regulates the status of holding companies, defining the features of affiliated relations, relations of subsidiaries and main companies, controlled entities. At the same time, developing economic legal relations often require the resolution of disputes in the courts, which also have an ambiguous approach to understanding the legal status of the ‘holding’. There is also no single position in the doctrine regarding understanding the status of a holding. In this connection, there is a need to determine the approaches formed by the legislator, law enforcer and doctrine regarding the status of the holding, as well as the distinction between the category ‘holding’ and related categories (for example, ‘holding company’, ‘group of companies’, etc.).

Keywords: holding, holding company, group of companies, group of persons, holding activities, related entities, subsidiary, main company, related entities

For citation: Lebedeva E.V. About the legal status of holdings in Russian Federation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 139–148. (In Russ.).

Согласно п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ¹ участниками гражданских правоотношений могут быть граждане, юридические лица, а также РФ, субъекты РФ, муниципальные образования. Законодатель в Гражданском кодексе РФ не указывает на возможность существования такого участника гражданских правоотношений, как холдинг.

Вместе с тем весомая часть субъектов крупного предпринимательства позиционируют себя как холдинги (например, ОАО «РЖД», ПАО «Сбербанк», ПАО «Аэрофлот», ПАО «Газпром» и др.).

В России тенденция к развитию холдингов была положена в начале 1990-х годов. Так, первые холдинги были учреждены вместе с концернами, государственными корпорациями и другими образованиями на базе действующих государственных органов и организаций². Следующим шагом стало принятие Закона РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации», согласно которому допускалась возможность создания холдинговых компаний на основе предприятий, которые входят или находятся в ведении органов государственного управления и местной администрации³. Однако данный нормативный правовой акт не содержал определения терминов «холдинговая компания», «холдинг». В 1999 г. была предпринята попытка устранить данный пробел посредством принятия Федерального закона «О холдингах». Несмотря на то что данный закон так и не был принят, в нем раскрывалось понятие холдинга как совокупности двух или более юридических лиц (участников холдинга), связанных между собой отношениями (холдинговые отношения), позволяющими одному из них (головная компания) определять решения, принимаемые другими участниками⁴.

Единственным действующим в настоящее время нормативным правовым актом, в котором раскрывается понятие холдинга, является Федеральный закон «О банках и банковской деятельности». Однако указанный закон оперирует определением конкретного вида холдинга: а именно банковского холдинга⁵.

¹ Гражданский кодекс РФ (часть 1) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

² Постановление Верховного Совета СССР от 01.04.1991 № 2074-1 «О введении в действие Закона СССР «О перечне министерств и других центральных органов государственного управления СССР»» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 10.04.1991. № 15. Ст. 420.

³ Закон РСФСР от 03.07.1991 № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. 1991. № 27. Ст. 927. (утратил силу)

⁴ Проект № 99049555-2 Федерального закона «О холдингах» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901811275>.

⁵ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

В связи с отсутствием регулирования правового статуса холдинга на законодательном уровне разрешение данного вопроса пытается быть осуществлено на уровне подзаконных нормативных правовых актов.

Официальное определение холдинговой компании содержится в Указе Президента РФ от 16.11.1992 № 1392¹, согласно которому холдинговой компанией признается предприятие, независимо от его организационно-правовой формы, в состав активов которого входят контрольные пакеты акций других предприятий. В Постановлении Правительства РФ от 26.11.2007 холдинги определяются как крупные и эффективные интегрированные и диверсифицированные структуры, которые способны были бы конкурировать с иностранными компаниями². В письме ФНС России от 08.08.2019 холдинговые компании понимаются как компании, которые специализируются «на владении и управлении принадлежащими им пакетами акций». ФНС России относит к ним как внутригрупповые промежуточные холдинговые компании, так и инвестиционные (портфельные) холдинговые компании³. В Приказе Федеральной службы по труду и занятости от 23.08.2019 фактически также указывается на то, что холдинг является одним из видов группы компании наравне с корпорациями и иными объединениями юридических лиц⁴.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что суды также понимают под холдингом интегрированную предпринимательскую структуру, которая ставит перед собой цели, которые бы соответствовали интересам всех участников. Такими целями Постановления Конституционного Суда РФ от

¹Указ Президента РФ от 16.11.1992 № 1392 «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» (вместе с «Временным положением о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества») // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

²Постановление Правительства РФ от 26.11.2007 № 809 «О федеральной целевой программе «Развитие электронной компонентной базы и радиоэлектроники» на 2008–2015 годы» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 51. Ст. 6361.

³Письмо ФНС России от 08.08.2019 № ЕД-4-13/15696@ «О фактическом праве холдинговых компаний на доход от источников в Российской Федерации» // Официальный сайт ФНС URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/8976163/ (дата обращения: 28.11.2024).

⁴Приказ Федеральной службы по труду и занятости от 23.08.2019 № 232 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по труду и занятости государственной услуги по осуществлению государственной экспертизы условий труда в целях оценки правильности предоставления гарантий и компенсаций за работу с вредными и (или) опасными условиями труда работникам организаций, входящих в группы компаний (корпорации, холдинги и иные объединения юридических лиц), имеющих филиалы, представительства и (или) дочерние общества, действующие на постоянной основе на территории нескольких субъектов Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант».

24.02.2004 № 3-П являются: создание единого центра прибыли, улучшение управления дочерними обществами, повышение стоимости акций основного общества, повышение инвестиционной привлекательности и, в конечном счете, приобретение конкурентных преимуществ как на внутреннем, так и на международном рынке¹. Кроме того, суды рассматривают холдинг как «единый хозяйствующий субъект»². При этом под холдинговой компанией суды понимают фактически центр управления несколькими организациями, где холдинговая компания «является некой структурой, которая создается для управления и имеет реальную возможность влиять на решения юридических лиц, связанных каким-либо единым критерием и объединенных единой целью»³.

Отсутствие четкого понятийного аппарата в законодательстве и практике стало причиной того, что в научной доктрине также не существует единообразия относительно толкования категорий «холдинг», «холдинговая компания». Так, Е.А. Суханов отмечает, что холдинг, являясь неправосубъектным объединением, представляет собой совокупность основного и дочернего (дочерних) обществ [1, с. 148]. Н.Ю. Коваленко полагает, что холдинг является более широкой конструкцией, чем «основное (преобладающее) общество – дочернее (зависимое) общество» [2, с. 8]. А.В. Иванюк указывает, что холдинг представляет собой «объединение юридических лиц, в котором холдинговая компания в силу участия в уставном (складочном) капитале хозяйственного общества или в силу учреждения некоммерческой организации осуществляет контроль над другими участниками холдинга в целях проведения единой экономической политики для достижения одной или нескольких целей, общих для всего холдинга» [3, с. 14]. Данный автор в своей работе подчеркивает, что исходя из представленных в научной литературе определений понятия «холдинг» можно сделать вывод о том, что в действительности отношения, возникающие в холдинге, и отношения между основным и дочерним обществами являются тождественными по своей сущности. Следовательно, не появляется какое-то новое отличительно понятие, поскольку происходит лишь перефразирование положений ст. 105 и 106 Гражданского кодекса РФ. Стоит отметить, что указанные статьи утратили силу с 1 сентября 2014 г.

¹Постановление Конституционного суда РФ от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 2.

²Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014 // Справочно-правовая система «Гарант».

³Постановление ФАС Поволжского округа от 25.05.2006 по делу № А65-15394\05-СГ1 // Справочно-правовая система «Гарант».

В то же время законодатель Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ вносит изменения в Гражданский кодекс РФ, согласно которым вводится ст. 67.3, в которой раскрывается понятие дочернего хозяйственного общества¹. Также определение дочернего общества содержится в Федеральном законе «Об акционерных обществах»² и Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью»³.

Вместе с тем возникает вопрос: понятия «холдинг» и «холдинговая компания» являются ли тождественными? Первая группа ученых (Ю.Б. Винслав, В.А. Рахмилович, Ю.В. Якутин и др.) не выделяет различия между понятиями «холдинг» и «холдинговая компания», понимая, что в каждом случае имеется объединение юридических лиц. Вторая группа исследователей (В.В. Лаптев, Е.В. Рузакова, К.Я. Портной, И.С. Шиткина и др.) холдинг понимают как объединение лиц, а холдинговую компанию – как контролирующее юридическое лицо в указанном объединении [4, с. 157].

Более того, некоторые авторы выделяют не только «реальный холдинг» (т.е. модель, при которой хозяйствующие субъекты взаимосвязаны между собой юридически и экономически), но и «виртуальный холдинг» (модель, при которой фактически существует взаимосвязь друг с другом хозяйствующих субъектов, но с правовой стороны они независимы и самостоятельны) [5, с. 118–130].

Определенную сложность вызывает разграничение понятия «холдинг» с термином «группа компаний». Согласно приложению «А» Международного стандарта финансовой отчетности (IFRS) 10 «консолидированная финансовая отчетность» под группой лиц понимается материнская организация и ее дочерние организации⁴. При этом, к примеру, О.В. Осипенко считает, что холдинг – это и есть группа компаний, которая связана отношениями, основанными на экономическом контроле [1, с. 8]. Данной позиции придерживаются и некоторые суды. Так, при разрешении одной спорной ситуации суд подчеркивает, что холдинг или группа компаний в гражданском обороте представляют собой «структуру коммерческих организаций, включа-

¹Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившим силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

²Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.01.1996. № 1. Ст. 1.

³Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.

⁴Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 10 «Консолидированная финансовая отчетность» (введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 28.12.2015 № 217н) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

ющих в себя материнскую компанию и ряд более мелких дочерних компаний, которые она контролирует»¹. При разрешении другой спорной ситуации суд использует как понятие «группа компаний», так и понятие «холдинг», однако также отождествляет данные термины, поскольку относит участников холдинга к участникам группы компаний².

Другой подход выдвигает П.С. Семенюта, понимая под группой компаний различные интеграционные объединения, дифференцировать которые можно исходя из целей создания групп, принципа интеграции, механизма конструкции групп [6, с. 61].

Авторы, которые разграничивают данные понятия, считают, что обязательным условием существования холдинга является наличие контролирующей компании, которая руководила бы всей деятельностью объединения, а для группы компаний данный признак не является обязательным, поскольку их взаимодействие связано с целью достичь определенных результатов.

И.А. Чумичев отделяет холдинги от других объединений субъектов (таких как картели, финансово-промышленные группы, ассоциации и пр.). В качестве характерных признаков холдинга данный автор отмечает следующие: выраженный корпоративный центр, сохранение юридической самостоятельности объединяемых юридических лиц, преобладание вертикальных связей управления (по модели «основное общество – дочернее общество») [7, с. 6–7].

Неоднозначность в понимании правового статуса холдинга порождает также и вопрос: а какие субъекты могут входить в состав холдинга? Так, Н.Ю. Коваленко отмечает, что в состав холдинга могут быть включены как коммерческие лица, так и некоммерческие лица, а также индивидуальные предприниматели [2, с. 8]. Между тем в России в настоящее время существуют также и так называемые «самозанятые граждане» (лица, обязанные платить налог на профессиональный доход). Вопрос о вхождении в состав холдинга данных субъектов остается неразрешенным. Кроме того, остается недостаточно четко урегулированным аспект о конкретных организационно-правовых формах основных юридических лиц и подконтрольных (или дочерних) в рамках холдинга.

Следует иметь в виду, что законодатель в различных отраслях законодательства, так или иначе, регулирует правоотношения с участием консолидированных, связанных между собой субъектов. Так, к примеру, регулируется деятельность группы

¹Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.01.2022 № 13АП-39299/21 по делу № А56-91604/2020 // Справочно-правовая система «Гарант».

²Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.12.2021 № Ф09-3789/19 по делу № А50-36584/2017 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

лиц¹, контролирующих лиц², взаимозависимых лиц³, аффилированные и дочерние лица⁴.

Таким образом, отсутствие официального закрепления определения понятия «холдинг» приводит к неопределенности в толковании данной правовой категории, разрозненности мнений в рамках правоприменения и научного исследования. В связи с этим также возникают сложности в понимании правового статуса самого объединения, его состава, контроля за его деятельностью со стороны различных органов (антимонопольных, налоговых и пр.), ответственности субъектов, входящих в состав холдинга, и др. Для решения данной проблемы необходимо зафиксировать в законодательстве разработанное наукой единое определение, которое бы отражало весь экономический и правовой аспект холдинга. Представляется возможным согласиться с определением, которое предложено И.С. Шиткиной, согласно которому «холдинг – форма предпринимательского объединения, представляющая собой группу организаций (участников), основанную на отношениях экономического контроля, участники которой, сохраняя формальную юридическую самостоятельность, в своей предпринимательской деятельности подчиняются одному из участников группы – холдинговой компании (головной организации холдинга)» [8, с. 121], но с дополнением в виде указания на цель данного подчинения – для выполнения общей экономической политики с последующим достижением определенных общих результатов для всех участников холдинга. Закрепление определения приведет не только к стабильности в понятийном аппарате, но и выявлению «прозрачных» признаков разграничения терминов «холдинг», «холдинговая компания», «группа компаний» и т.д.

Список источников

1. Суханов Е.А. Акционерные общества и другие юридические лица в новом гражданском законодательстве // *Хозяйство и право*. 1997. № 1. С. 147–159.
2. Коваленко Н.Ю. Холдинг как гражданско-правовая модель взаимодействия хозяйствующих субъектов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 31 с.

¹Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // *Собрание законодательства РФ*. 31.07.2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

²Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // *Собрание законодательства РФ*. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

³ Налоговый кодекс РФ (часть 1) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 03.08.1998. № 31. Ст. 3824.

⁴ Гражданский кодекс РФ (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

3. Иванюк А.В. Правовые проблемы создания холдинга: на примере железнодорожного транспорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.
4. Ревинская Л.Ю. О различиях понятий «холдинг», «холдинговая компания», «холдинг-компания» // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 4 (13). С. 156–158.
5. Власов Ю.Н., Жуков А.П. Виртуальные холдинги: вчера, сегодня, завтра // Вестник МГЭИ. 2022. № 1. С. 118–130.
6. Настенко Д.А. К вопросу определения понятия «группа компаний» // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 20 (266). С. 60–64.
7. Чумичев И.А. Холдинг как объект управления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 32 с.
8. Корпоративное право: учебный курс / отв. ред. И.С. Шиткина. Специально для системы Гарант, 2011 // Справочно-правовая система «Гарант».

References

1. Sukhanov E.A. Aktsionernye obshchestva i drugie yuridicheskie litsa v novom grazhdanskom zakonodatel'stve [Joint-stock companies and other legal entities in the new civil legislation]. *Khozyaistvo i pravo*, 1997, no. 1, pp. 147–159.
2. Kovalenko N.Y. Kholding kak grazhdansko-pravovaya model' vzaimodeistviya khozyaistvuyushchikh sub"ektov [Holding as a civil-legal model of interaction of economic entities]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Synopsys. Rostov-on-Don, 2010. 31 с.
3. Ivanyuk A.V. Pravovye problemy sozdaniya kholdinga: na primere zheleznodorozhnogo transporta [Legal problems of creating a holding: by the example of railroad transport]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Synopsys. Moscow, 2005. 28 с.
4. Revinskaya L.Y. O razlichiyakh ponyatii «kholding», «kholdingovaya kompaniya», «kholding-kompaniya» [On the differences in the concepts of “holding”, “holding company”, “holding-company”]. *Evraziiskii Soyuz Uchenykh (ESU)*, 2015, no. 4 (13), pp. 156–158.
5. Vlasov Y.N., Zhukov A.P. Virtual'nye kholdingi: vchera, segodnya, zavtra [Virtual holdings: yesterday, today, tomorrow]. *Vestnik MGEI*, 2022, no. 1, pp. 118–130.
6. Nastenko D.A. K voprosu opredeleniya ponyatiya «gruppa kompanii» [To the issue of defining the concept of “group of companies”]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet*, 2013, no. 20 (266), pp. 60–64.
7. Chumichev I.A. Kholding kak ob"ekt upravleniya [Holding as an object of management]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Synopsys. Moscow, 2005. 32 с.
8. Shitkin I.S. (ed.). Corporate Law: a training course. Specifically for the Garant system, 2011. *Reference and legal system “Garant”*. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Е.В. Лебедева – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (Челябинск, Российская Федерация).

✉ lebedeva-ekateri@mail.ru

E.V. Lebedeva – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Ural Branch of the Russian State University of Justice (Chelyabinsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 08.06.2024;
одобрена после рецензирования / revised 23.10.2024;
принята к публикации / accepted 22.11.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 149–156.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 149–156.

Научная статья

УДК 347.26:347.453.031(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-4/149-156>

О некоторых проблемах защиты прав арендатора при установлении публичного сервитута

Айсылу Тагировна Гаймалеева^{1,2✉}, Павел Александрович Ступин¹

¹Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

²Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Российская Федерация

✉ lillas@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье исследуются проблемные вопросы, возникающие при установлении публичного сервитута в отдельных целях на земельный участок, в отношении которого заключен договор аренды. Установление публичного сервитута может влиять на возможность использования арендатором земельного участка по назначению в соответствии с условиями аренды. Действующим законодательством не предусмотрены специальные механизмы защиты прав арендатора в такой ситуации. Авторами анализируется судебная практика, в соответствии с которой суды признают право арендатора на подачу искового заявления об оспаривании установления публичного сервитута в отдельных целях. Отдельное место в исследовании занимают вопросы о внесении платы за публичный сервитут и об уведомлении об установлении такого сервитута арендатора.

Ключевые слова: публичный сервитут, собственник, арендатор, земельный участок, вещное право

Для цитирования: Гаймалеева А.Т., Ступин П.А. О некоторых проблемах защиты прав арендатора при установлении публичного сервитута // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 149–156.

About some problems of protecting the rights of the tenant when establishing a public easement

Aisylu T. Gaimaleeva^{1,2,✉}, Pavel A. Stupin²

¹Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

²Bashkir Academy of Public Administration and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation

✉ lillas@yandex.ru

Abstract. This article examines the problematic issues that arise when establishing a public easement for a leased land plot. The establishment of a public easement may affect the tenant's ability to use the land for its intended purpose in accordance with the terms of the lease. The current legislation does not provide for special mechanisms to protect the rights of the tenant in such a situation. The authors analyze judicial practice in which the courts recognize the tenant's right to file a claim challenging the establishment of a public easement. An individual place in the study is occupied by the issues of payment for a public easement and notification of the establishment of such an easement.

Keywords: public easement, owner, tenant, land plot, property law

For citation: Gaimaleeva A.T., Stupin P.A. About some problems of protecting the rights of the tenant when establishing a public easement. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 149–156. (In Russ.).

Исходя из положений п. 2 ст. 23 Земельного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ЗК РФ), публичный сервитут устанавливается на земельный участок в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд, а также нужд местного населения без изъятия земельных участков. В 2018 году в ЗК РФ была введена глава об установлении публичного сервитута в отдельных целях (в рамках настоящей статьи авторы под публичным сервитутом понимают публичный сервитут в отдельных целях). Включение в российское законодательство норм о публичном сервитуте вызвало разные реакции. Представители юридического научного сообщества в основном негативно восприняли новые положения, в частности указывая на их противоречие нормам Конституции РФ и ЗК РФ. В то время как представители органов государственной власти положительно оценили введенные изменения [1].

Специальное правовое регулирование публичного сервитута в отдельных целях приводит к ряду практических и теоретических проблем, в частности к определению возможностей арендатора земельного участка защищать свои права в отношении

арендуемого участка. В рамках настоящей работы под публичным сервитутом авторы будут понимать публичный сервитут, установленный в отдельных целях и регулируемый главой V.7 ЗК РФ.

В первую очередь, необходимо отметить, что сервитут является ограниченным вещным правом. Согласно п. 2 ст. 274 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) сервитут является обременением недвижимого имущества. В отношении публичного сервитута Е.А. Суханов указывает, что данная правовая конструкция представляет собой не сервитут, а ограничение права собственности на земельный участок [2, с. 124]. Схожей точки зрения придерживается А.В. Копылов, который указывает, что публичный сервитут не относится к категории прав на чужие вещи, а составляет только пределы реализации права собственности [3, с. 61–62].

В противовес позиции, изложенной выше, М.Н. Малейна указывает, что частный и публичный сервитуты характеризуются как вещное право на чужое имущество [4, с. 30–37]. В судебной практике не исследуется вопрос о том, является ли публичный сервитут сервитутом в вещно-правовом смысле, как правило, суды ограничиваются ссылками о том, что требование об оспаривании публичного сервитута подразумевает спор о праве [5].

Также хотелось бы отметить, что в «Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации» (далее по тексту – Концепция) предлагается закрепить перечень сервитутов. Среди предполагаемых сервитутов имеется предложение о коммунальном сервитуте [6]. Полагаем, что коммунальный сервитут и публичный сервитут, установленный в интересах, например, единого оператора газификации для строительства, реконструкции, капитального ремонта и (или) эксплуатации линейных объектов систем газоснабжения, имеют много общего.

И.В. Афанасьев указывает, что имеются следующие основания, в связи с чем публичный сервитут является ограничением права собственности: 1) публичный сервитут не является чьим-то субъектным правом; 2) отсутствие господствующей вещи; 3) императивность публичного сервитута и практически независимость от воли собственника земельного участка, в отношении которого он устанавливается; 4) установление на основании норм публичного права [7, с. 111–112]. Если брать пример с публичным сервитутом, установленным в интересах оператора газификации для эксплуатации линейных объектов, то данный сервитут является субъективным правом такого оператора газификации, а также имеется господствующая вещь – линейный объект газоснабжения. Однако стоит отметить, что зачастую на момент установления публичного сервитута господствующая вещь еще не создана и имеется только намерение по ее строительству, для чего и устанавливается публичный сервитут. Относительно императивности публичного сервитута следует отметить, что в ст. 39.44 ЗК РФ имеются основания для отказа в установлении публичного сервитута. В частности, одним из оснований является невозможность использования земельного

участка и (или) расположенного на нем объекта недвижимого имущества. Также стоит отметить, что и при частном сервитуте собственник земельного участка не всегда согласен на установление такого сервитута. Довод о том, что публичный сервитут устанавливается на основании норм публичного права, сложно опровергнуть, но полагаем, что, исходя из наименования сервитута и его целей, возникновение его из норм ЗК РФ обосновано.

В рамках настоящей работы авторы не ставили перед собой цель определить правовую природу публичного сервитута, однако полагают необходимым отметить о наличии в теории права разных точек зрения о том, является ли публичный сервитут фактически сервитутом или нет, поскольку это может влиять на способы защиты прав арендатора земельного участка, на который устанавливается сервитут.

Исходя из действующего законодательства публичный сервитут устанавливается решением уполномоченного органа на основании ходатайства об установлении публичного сервитута. Все основания для отказа в установлении публичного сервитута перечислены в ЗК РФ. Несмотря на тот факт, что публичный сервитут устанавливается на основании решения уполномоченного органа, законом предусмотрено обязательное заключение соглашения об осуществлении сервитута земельного участка. Сторонами такого соглашения являются обладатель публичного сервитута и собственник земельного участка, находящегося в частной собственности, или арендатор, землепользователь, землевладелец земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

С учетом вышеизложенного арендатор земельного участка, находящегося в частной собственности, не может влиять на заключение соглашения об осуществлении сервитута. Установление публичного сервитута в отношении земельного участка, находящегося в частной собственности и переданного по договору в аренду, затрагивает права арендатора. В связи с тем, что арендатор такого земельного участка в силу закона не указан как сторона соглашения об осуществлении сервитута, то договорные способы защиты своего права на стадии заключения соглашения об осуществлении сервитута ему недоступны.

Одним из традиционных признаков вещных прав является признак приоритета. Как отмечает Е.А. Суханов, арендатор вещи как субъект обязательственного права не может противопоставлять свое право ее сервитуарию – субъекту вещного сервитута [2, с. 26]. Исходя из данного умозаключения можно ошибочно предположить, что арендатор не вправе оспаривать само наличие публичного сервитута, но это неверно.

Во-первых, по общему правилу любое лицо, чьи права и законные интересы нарушаются, имеет право на судебную защиту, во-вторых, в ЗК РФ указывается, что правообладатель земельного участка имеет право на оспаривание решения в суде в течение 30 дней с момента получения соглашения об осуществлении публичного

сервитута. В соответствии с официальной дефиницией, данной в самом ЗК РФ, арендатор земельного участка входит в число правообладателей.

Возможность оспаривания арендатором самого решения об установлении публичного сервитута связано со следующей сложностью. Законодатель устанавливает срок на обжалование решения об установлении публичного сервитута в 30 дней с момента получения соглашения об осуществлении сервитута, но, как было указано выше, не каждый арендатор является стороной такого соглашения. Таким образом, на практике возможна ситуация, при которой сложно будет определить, в какой срок арендатору необходимо обратиться в суд за защитой. Исходя из формулировки закона относительно срока обжалования можно предположить, что он является пресекательным, что порождает массу проблем.

Законодатель не указывает, что собственник земельного участка, в отношении которого устанавливается публичный сервитут, обязан уведомить об этом арендатора. Как правило, только при заключении договора собственник гарантирует свободу передаваемого имущества от прав третьих лиц. Исходя из закона и положений ст. 10 ГК РФ полагаем, что собственник обязан уведомить арендатора о появлении публичного сервитута. Стоит отметить, что проблематично установить момент, когда у собственника возникает обязанность сообщить о сервитуте: в момент, когда собственнику становится известно о намерении установить публичный сервитут, или в момент получения соглашения об осуществлении сервитута.

Открытым остается вопрос о способе защиты прав арендатора. В случае если арендатор не может использовать земельный участок (например, арендуется часть земельного участка, попадающая под действия публичного сервитута), арендатор обладает правом на расторжение договора аренды по причине невозможности использования имущества или правом на оспаривание решения об осуществлении сервитута, а возможно, ему доступны оба способа защиты. Кроме того, статья 39.48 Земельного кодекса РФ предусматривает возможность арендатору, землепользователю, землевладельцу земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, возместить убытки, причиненные невозможностью исполнения договора аренды земельного участка, договора безвозмездного пользования земельным участком, прекращением прав на земельный участок в случае невозможности или существенного затруднения использования земельного участка и (или) расположенного на таком земельном участке объекта недвижимого имущества в течение срока осуществления сервитута.

Авторы считают разумным возможность защищать свои права договорными способами в рамках заключенного договора аренды от уменьшения арендной платы вплоть до досрочного расторжения такого договора, а также взыскания убытков. В то же время не видится формальных препятствий для оспаривания арендатором установления публичного сервитута в отношении арендуемого земельного участка.

Напротив, ст. 305 ГК РФ предоставляет арендатору право защищать свое владение виндикационным и негаторным исками, при наличии такой возможности, предоставленной законодателем, с учетом этого видится, что арендатор может оспаривать сам факт установления публичного сервитута и доказывать, что его установление нарушает его права. Указанная позиция подтверждается Постановлением Третьего арбитражного апелляционного суда от 28.09.2021 по делу № А33-5744/2021, где истец ФГУП «РТРС» в лице филиала «Красноярский краевой радиотелевизионный передающий центр» обратился в суд с заявлением о признании незаконным распоряжение администрации города Красноярска в части установления публичного сервитута, указывая на нарушение своих прав и законных интересов как арендатора земельного участка, в отношении которого установлен публичный сервитут. Судом установлено, что ПАО «Россети Сибирь» обосновало необходимость установления публичного сервитута. При этом суд указал, что принадлежность испрашиваемого земельного участка на праве аренды не является основанием для отказа в установлении сервитута. Доказательств того, что установление публичного сервитута в границах, указанных в ходатайстве, повлечет невозможность использования заявителем земельного участка согласно его назначению и разрешенному использованию «для обеспечения деятельности организации объектов связи», в материалы дела не представлено, а также не представлены доказательства невозможности использования или существенного затруднения в использовании указанного земельного участка для осуществления деятельности, для обеспечения которой установлен публичный сервитут. Указанное повлекло за собой отказ в удовлетворении кассационной жалобы арендатора земельного участка, на который был установлен публичный сервитут.

Аналогично дело было решено и в постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2022 № 07АП-5512/2022(2) по делу № А03-6391/2022, где суд указал на отсутствие доказательств у истца – арендатора земельного участка того, что публичный сервитут создает препятствия в использовании земельного участка. При этом публичный сервитут был установлен на часть земельного участка, что свидетельствует о том, что подобный способ защиты может быть использован арендатором и в отношении части занимаемого им земельного участка.

Еще одним проблемным вопросом является определение того, кому должна вноситься плата за публичный сервитут в отношении земельного участка, находящегося в частной собственности, переданного в аренду. В таком случае арендатор платит собственнику арендную плату. В соответствии с положениями закона пользователь сервитута также платит собственнику за сервитут. Соответственно, собственник земельного участка получает два платежа, в то время как арендатор не может использовать земельный участок в соответствии с условиями аренды. Полагаем, что в ситуации, при которой собственник получает арендные платежи и плату за сервитут, без изменений условий договора аренды, на стороне собственника земельного

участка будет возникать неосновательное обогащение. Арендатор, в случае сохранения арендных правоотношений, на наш взгляд, имеет право на уменьшение размера арендной платы. Требовать передачи платы за осуществление сервитута арендатор, на наш взгляд, не может. Данное предположение является неверным, поскольку арендатор не является стороной соглашения об осуществлении сервитута.

Подводя итог, необходимо отметить, что судебная практика подтверждает право арендатора на подачу иска об оспаривании установления публичного сервитута. Вопрос внесения платы за публичный сервитут в отношении земельного участка, находящегося в аренде, должен решаться договорными способами, с учетом недопустимости неосновательного обогащения одной из сторон договора и с учетом фактической возможности по использованию земельного участка арендатором. В случае невозможности использования арендованного имущества по назначению в связи с установлением публичного сервитута арендатор имеет право на досрочное расторжение договора аренды по общему правилу, предусмотренному в ст. 620 ГК РФ.

Список источников

1. Новая жизнь публичных сервитутов / А. Иванов, М. Бочаров, Е. Суханов, А. Завьялов, А. Рыбалов, Г. Землякова, Е. Поветкина, М. Церковников, О. Жаркова, Д. Некрестьянов, Р. Бевзенко // Закон. 2018. № 10. С. 17–37.
2. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. М.: Статут, 2019. 508 с.
3. Копылов А.В. Вещные права на землю. М.: Статут, 2000. 255 с.
4. Маленина М.Н. Публичный лесной сервитут // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 6. С. 30–37.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа. Дело № А41-18923/20 от 31 мая 2021 г. URL: <https://base.garant.ru>.
6. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07 октября 2009 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/.
7. Афанасьев И.В. Сервитут в гражданском праве: монография. М.: Юрайт, 2023. 154 с.

References

1. Ivanov A., Bocharov M., Sukhanov E., Zavyalov A., Rybalov A., Zemlyakova G., Povetkina E., Tserkovnikov M., Zharkova O., Nekrestyanov D., Bevenko R. Novaya zhizn' publichnyh servitutov [New life of public easements]. *Zakon*, 2018, no. 10, pp. 17–37.

2. Sukhanov E.A. Grazhdanskoye pravo: uchebnik: v 4 t. T. 2: Veshchnoye pravo. Nasledstvennoye pravo. Intellektual'nyye prava. Lichnyye neimushchestvennyye prava. [Civil law: textbook: in 4 volumes. Vol. 2: Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights]. Moscow, 2019. 508 p.

3. Kopylov A.V. Veshchnyye prava na zemlyu [Property rights to land]. Moscow, 2000. 255 p.

4. Malenina M.N. Publichnyy lesnoy servitut [Public forest easement]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2011, no. 6, pp. 30–37.

5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District Case No. A41-18923/20 dated May 31, 2021. URL: <https://base.garant.ru>. (In Russian).

6. Concept for the development of civil legislation of the Russian Federation. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/. (In Russian).

7. Afanasiev I.V. Servitut v grazhdanskom prave [Servitude in civil law: monograph]. Moscow, 2023. 154 p.

Информация об авторах / Information about the authors

А.Т. Гаймалеева – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий, декан юридического факультета Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (Уфа, Российская Федерация).

✉ lillas@yandex.ru

A.T. Gaimaleeva – Candidate of Law Sciences Associate Professor of the Department of Civil Law at the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Dean of the Faculty of Law of the Bashkir Academy of Public Administration and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation).

П.А. Ступин – аспирант кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация).

✉ stupin-pavel@mail.ru

P.A. Stupin – Postgraduate student of the Chair of Civil Law at the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technologies (Ufa, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 21.06.2024;

одобрена после рецензирования / revised 23.10.2024;

принята к публикации / accepted 22.11.2024

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 157–169.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 157–169.

Научная статья

УДК 342.732.037:343.096(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-4/157-169>

**Воспрепятствование
законной профессиональной деятельности журналистов
(ст. 144 УК РФ): ограничение рассматриваемого состава
от смежных составов преступлений**

Юлия Владимировна Каримова✉

Тихоокеанский государственный медицинский университет,

Владивосток, Российская Федерация

✉ karimovayv@mail.ru

Аннотация. В науке уголовного права и в правоприменительной практике компетентных органов большое внимание уделяется правилам квалификации преступления. И теоретики, и правоприменители обращаются к правилам квалификации преступлений. Ст.17 Уголовного кодекса Российской Федерации гласит: «если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме». При конкуренции норм одно и то же деяние подпадает под признаки различных составов преступлений. Преодоление конкуренции норм правоприменителями влияет на правильное применение уголовно-правовых норм, а следовательно, реализуется принцип законности при применении права. Анализ же правоприменительной практики за преступления, направленные на воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, показывает, что в настоящее время, несмотря на закрепление на законодательном уровне нормы, служащей гарантией свободы слова, свободы массовой информации, прямо охраняющей законную профессиональную деятельность представителей средств массовой информации, зачастую преступные посяательства квалифицируются по смежным составам преступлений. Редкое применение в судебной практике ст. 144 УК РФ (при наличии всех предусмотренных уголовным законом оснований для этого) в определенной мере обусловлено несовершенствами законодательной конструкции нормы, что, в свою очередь, обуславливает необходимость ее совершенствования.

Ключевые слова: воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста, журналист, преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина, защита прав журналиста, средства массовой информации, свобода слова

Для цитирования: Каримова Ю.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): отграничение рассматриваемого состава от смежных составов преступлений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 157–169.

Original article

Obstruction of the legitimate professional activities of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation): delimitation of the considered composition from related crimes

Yulia V. Karimova ✉

Pacific State Medical University of the Ministry of the Health of Russia,
Vladivostok, Russian Federation

✉ karimovayv@mail.ru

Abstract. In the science of criminal law and in the law enforcement practice of competent authorities, much attention is paid to the rules of qualification of crime. Both theorists and law enforcement officers refer to the rules of qualification of crimes. Article 17 of the Criminal Code of the Russian Federation states: "if a crime is provided for by general and special norms, there is no combination of crimes and criminal liability occurs under a special norm." In the event of competition of norms, the same act falls under the signs of different crimes. Overcoming the competition of norms by law enforcement officers affects the correct application of criminal law norms, and therefore the principle of legality in the application of law is realized. Analysis of law enforcement practice for crimes aimed at obstructing the legitimate professional activities of journalists shows that at present, despite the enshrining at the legislative level of the norm serving as a guarantee of freedom of speech, freedom of the mass media, directly protecting the legitimate professional activities of media representatives, criminal attacks are often qualified under related crimes. Rare application in judicial practice of Art. 144 of the Criminal Code of the Russian Federation (in the presence of all the grounds for this provided by the criminal law) is to a certain extent due to the imperfections of the legislative design of the norm, which in turn determines the need to improve it.

Keywords: obstruction of the legitimate professional activities of a journalist, journalist, crime against the constitutional rights and freedoms of man and citizen, protection of the rights of a journalist, mass media, freedom of speech

For citation: Karimova Yu.V. Obstruction of the legitimate professional activities of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation): delimitation of the considered composition from related crimes. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 157–169. (In Russ.).

Смежные составы преступлений зачастую имеют значительное число одинаковых признаков. Квалификация преступлений практически невозможна без разграничения по объективным и субъективным признакам. По существу, квалификация состоит в последовательном отграничении совершенного деяния от других преступлений, имеющих с ним общие признаки [1, с. 24]. Как отмечает Н.К. Семернева, для правильной квалификации преступления необходимо наличие субъективной и объективной предпосылок. Субъективная предпосылка проявляется в том, что все события, произошедшие в мире, пропускаются через сознание лица, их изучающего. К объективной предпосылке относят две группы факторов, существующих в реальном мире независимо от сознания и воли правоприменителя: наличие уголовно-правовой нормы и общественно опасного деяния [2, с. 17].

Большинство преступлений, связанных с воспрепятствованием законной профессиональной деятельности журналистов, не квалифицируются уполномоченными органами как противоправное общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 144 УК РФ. Зачастую действия, связанные с принуждением представителей СМИ к распространению или отказу от распространения информации, расцениваются как иные преступления. Нередко такие деяния рассматриваются как совокупность преступлений. Так, многие исследователи отмечают, что нападения на журналистов после выхода в эфир или опубликования в СМИ подготовленных ими материалов, вызванное желанием отомстить или по иным мотивам, нельзя квалифицировать по ст. 144 УК РФ, так как при узком толковании речь о воспрепятствовании может идти только до этапа, когда информация становится общедоступной. В то же время очевидно, что готовившееся и предотвращенное в апреле 2022 г. покушение на Владимира Соловьева и других известных журналистов (Ольги Скабеевой, Маргариты Симонян, Дмитрия Кисилева), скорее всего, в целом было связано с их журналистской деятельностью, а не с готовящимся выходом какой-либо статьи или программы. Стоит отметить, что изначально дело было возбуждено по заявлению самого Владимира Соловьева по ч. 3 ст. 144 УК РФ, позже к ней присоединились п. «б», «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ [3].

Если при совершении преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, наступят такие последствия, как убийство, причинение различной степени тяжести вреда здоровью и т.д., то в таком случае мы можем говорить о совокупности преступлений. Совершение преступления, сопряженного с иным преступлением, когда это обстоятельство предусмотрено в качестве квалифицирующего признака, в сложившейся практике квалифицируется по правилам о совокупности преступлений [4, с. 122]. Совокупность преступлений, в свою очередь, представляет собой одну из форм множественности, которая заключается в совершении одним лицом двух и более преступлений.

В качестве примера можно рассмотреть инцидент, произошедший 28 июля 2016 г. в г. Екатеринбурге. Журналист окружной телекомпании «Ермак» совместно с оператором на основании редакционного задания прибыл к помещению автосервиса для подготовки репортажа о неудовлетворительной работе автосервиса «АвтоMaster». В ходе проведения видеосъемки несколько работников автосервиса, в том числе и директор, отобрали у представителей СМИ видеокамеру с носителем информации, а также причинили телесные повреждения корреспонденту и оператору. 12 июля 2017 г. Орджоникидзевский районный суд признал виновными Б. и К. и приговорил их в соответствии с ч. 3 ст. 144, ст. 112 УК РФ к лишению свободы с отбыванием в колонии общего режима на 1 год и 9 месяцев [5].

В качестве смежных составов, на наш взгляд, стоит рассматривать следующие составы:

- убийство (ст. 105 УК РФ);
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ);
- умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести (ст. 112 УК РФ);
- умышленное причинение вреда здоровью легкой тяжести (ст. 115 УК РФ);
- побои (ст. 116 УК РФ);
- угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ);
- умышленное уничтожение или повреждение имущества (ч. 1 ст. 167 УК РФ).

Большинство указанных составов преступлений относится к категории преступлений против личности, а именно против жизни и здоровья. Основной закон РФ гарантирует каждому индивидууму право на жизнь, охрану достоинства личности, личную неприкосновенность и т.д. В свою очередь, как мы уже отмечали, ст. 2 УК РФ в качестве одной из важнейших задач обозначает охрану прав и свобод человека и гражданина. Преступления против личности представляют собой противоправные, общественно опасные, виновно совершенные деяния (действия / бездействия), направленные против жизни, здоровья, личной неприкосновенности человека и т.д.

Первым рассматриваемым нами преступлением, смежным с изучаемым составом, является убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Жизнь человека есть важнейшая соци-

альная ценность. Убийство представляет собой общественно опасное противоправное умышленное посягательство на жизнь человека, которое выражается в причинение этому человеку смерти.

Объектом данного преступления выступает непосредственно жизнь человека. Жизнь человека с точки зрения уголовного права начинается в момент начала физиологических родов и длится до момента смерти (момент смерти означает смерть мозга при неэффективности проводимых реанимационных мероприятий или непосредственно наступление биологической смерти).

Объективная сторона убийства проявляется в совершении субъектом преступления как активных действий, так и бездействия. Состав рассматриваемого преступления материальный: в качестве обязательных признаков объективной стороны должны быть установлены и доказаны не только само деяние, но и последствия в виде смерти потерпевшего, а также причинно-следственная связь между ними.

Так, 7 октября 2006 г. была застрелена Анна Политковская, журналист «Новой газеты». Ни у кого не возникло сомнений, что убийство произошло именно из-за ее профессиональной деятельности. Расследование длилось два года, было задержано десять человек. В ноябре 2008 г. в Москве начался суд над обвиняемыми, причастными к ее убийству. Предполагаемый исполнитель выехал из страны и был объявлен в розыск, а заказчик так и не был установлен. Также в содействии организации убийства обвинялись два брата и бывший офицер отдела по борьбе с организованной преступностью. 19 февраля 2009 г. суд присяжных вынес решение, что обвинение по делу об организации убийства не доказано. Только 9 июня 2014 г. суд вынес обвинительный приговор организатору преступления Лом-Али Гайтукаеву, Джабраилу, Ибрагиму и Рустаму Махмудовым и Сергею Хаджикурбанову. Подсудимым вменялось убийство лица в связи с выполнением им общественного долга организованной группой лиц по найму (п. «б», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и незаконный оборот оружия (ч. 3 ст. 222 УК РФ). По версии следствия исполнителем преступления был Рустам Махмудов, он (как и Лом-Али Гайтукаев) приговорен судом к пожизненному лишению свободы. Остальные соучастники преступления получили в качестве наказания длительные сроки лишения свободы. Заказчик преступления следствием так и не был установлен [6].

Еще одним громким убийством журналиста стало дело Анастасии Бабуровой. 19 января 2009 г. у д. 1 по ул. Пречистенка в г. Москве неизвестный произвел выстрелы из огнестрельного оружия в адвоката С.Ю. Маркелова и внештатного сотрудника «Новой газеты» А.Э. Бабуровой. Как установило следствие, адвокат и журналист возвращались с пресс-конференции, на которой адвокат требовал возобновления уголовного преследования освободившегося Юрия Буданова, который был осужден за убийство чеченской девушки. Преступник выстрелил С.Ю. Маркелову в

затылок, А.Э. Бабурова сделала несколько шагов за убийцей, он повернулся и выстрелил ей в голову, а затем скрылся. Одна из версий следствия сводилась к мести адвокату со стороны националистов за его антифашистскую деятельность, а журналисту – за ее публикации о фашистских группировках. Уголовное дело было возбуждено по ч. 1 ст. 105, ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Обвинения в убийстве были предъявлены Никите Тихонову и Евгении Хасис, которые придерживались праворадикальных взглядов. 14 сентября 2011 г. Верховный суд РФ признал приговор Мосгорсуда, вынесенный 6 мая 2011 г., законным. В соответствии с данным приговором Н. Тихонов был приговорен к пожизненному сроку, а Е. Хасис – к 18 годам лишения свободы [7].

Следующей категорией смежных составов преступлений являются преступления, направленные против здоровья. В целом объектом этой категории преступлений является непосредственно здоровье человека как определенное физиологическое состояние. Здоровье человека – это благо, которое дается ему от природы и нарушение которого может быть невосполнимым, поэтому государство прилагает массу усилий для обеспечения его защиты [8].

Так, в Самаре было возбуждено уголовное дело по факту нападения 24 сентября 2010 г. на С., местного журналиста. На него напали неизвестные и нанесли ему около 15 колото-резаных ранений. Он был госпитализирован и прооперирован. Известно, что журналист вел телепрограмму на одном из самарских телеканалов, подвергая жесткой критике действующего в то время мэра города Т. Уголовное дело было возбуждено по ч. 3 ст. 111 УК РФ [9].

Следственными органами Главного следственного управления Следственного комитета РФ по городу Москве было предъявлено обвинение Д. по п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ (подстрекательство к умышленному причинению вреда здоровью потерпевшего в связи с осуществлением им своей профессиональной деятельности). В ходе расследования было установлено, что в марте 2000 г. обвиняемый, занимая должность заместителя главы администрации Липецкой области, склонил своего знакомого С. к нападению на журналиста «Новой газеты» И. с целью причинения тяжкого вреда здоровью. Мотивом совершения преступления стала месть за опубликованные Д. критические статьи, в которых высказывалась отрицательная оценка работы Н. в период с 1999 по 2000 г. С. привлек к исполнению преступления своего знакомого Т., который, в свою очередь, поручил исполнение преступления членам своей организованной группы. В результате преступление было совершено 12 мая 2000 г. в подъезде жилого дома по улице Перерва г. Москвы. Выследив журналиста, исполнители нанесли ему множественные удары молотком по голове, от которых потерпевший скончался в одном из медицинских учреждений города [10].

Корреспондент телеканала «СургутИнформ-ТВ» Н. снимал сюжет о работе

штрафстоянки, на которую жаловались горожане, на Нефтеюганском шоссе. Мужчине, который находился в одном из помещений данной организации, не понравились вопросы журналиста, которые он задавал в ходе осуществления им своей профессиональной законной деятельности. Он выбил из рук репортера камеру, затем несколько человек заломили ему руки и положили на пол. Уголовное дело было возбуждено по ст. 112 УК РФ [11].

Примером умышленного причинения легкого вреда здоровью представителю СМИ является нападение на журналиста, произошедшее 12 октября 2011 г. В Михайловском районе Рязанской области корреспондент телекомпании «Вести – Рязань» С. и оператор К. получили задание сделать материал о воровстве чернозема. Инспектор Россельхознадзора должна была показать журналистам место, где уже было зафиксировано нарушение. Добравшись до него, они натолкнулись на технику, а именно машины без регистрационных знаков, ворующих чернозем. Когда началась съемка, к журналистам подошел П. и сначала угрожал им, а затем избил оператора. В результате нападения оператор получил сотрясение мозга. По результатам рассмотрения дела суд признал П. виновным по ч. 1 ст. 115 УК РФ и назначил наказание в виде исправительных работ сроком на 4 месяца и 10% вычета из заработной платы [12].

Примером квалификации воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов по смежному составу преступления может служить случай, произошедший 24 марта 2010 г. в Сыктывкаре. Журналисты телерадиокомпании «Коми гор» К. и Н. вели съемку заснеженного города. Навстречу шла группа студентов колледжа. Они попали в объектив видеокамеры и потребовали не снимать, а после ударили оператора Е. по лицу. К. поспешил на помощь коллеге и попытался разрешить конфликт, но также получил удар в лицо. По факту нападения на журналистов было возбуждено уголовное дело по ст. 116 УК РФ. В результате Сыктывкарский городской суд приговорил М. к 180 часам исправительных работ [13].

22 октября 2011 г. Л., являясь фоторепортером ООО Газеты «...», выполняя поручение главного редактора по сбору информации, прибыл на автомобиле «Лада» под управлением К. по адресу «...». Владя информацией, что по данному адресу расположено заведение общественного питания, осуществляющее свою деятельность без получения разрешения государственных органов в установленном законом порядке, Л. зашел в указанное помещение с целью фиксации обстановки в кафе на фотокамеру. Поднявшись по лестнице на второй этаж, потерпевший достал фотоаппарат и стал фотографировать обстановку внутри помещения. Собственник указанного помещения Е., находясь в кафе и увидев действия журналиста, зная об осуществлении им журналистской деятельности, направленной на сбор информации по поводу незаконной деятельности Е., на почве внезапно возникшей неприязни решил применить к Л. насилие. Реализуя свой преступный умысел, Е. встал из-за стола и

пошел к потерпевшему, выкрикивая фразы на азербайджанском языке. Восприняв их как угрозу, журналист стал выбегать из помещения. Е. последовал за ним и, догнав его во дворе, нанес один удар кулаком по лицу. Продолжая убежать, потерпевший последовал к автомобилю с целью спастись от преследования. Находившиеся на улице У. и неустановленное лицо, увидев убегающего Л. и услышав призыв Е., присоединились к его действиям и последовали за убегающим потерпевшим. В тот момент, когда потерпевший открыл переднюю пассажирскую дверь автомобиля и попытался сесть, к нему подбежали Е., У. и неустановленное лицо и стали совместно вытаскивать его из автомобиля. Совершая совместные действия, Е. нанес потерпевшему не менее трех ударов руками по голове и лицу, а У. нанес не менее двух ударов кулаками по телу, продолжая вытаскивать потерпевшего из автомобиля. Неустановленное лицо нанесло Л. не менее двух ударов по голове и лицу. Находившиеся поблизости сотрудники органов внутренних дел Н. и М. пресекли совершение в отношении потерпевшего противоправных действий. Однако Е., не оставляя цель нанесения побоев, нанес еще удар кулаком по лицу потерпевшего. Ленинским районным судом г. Екатеринбурга 29 мая 2012 г. Е. и У. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ [14].

Еще одним примером является случай, произошедший 26 февраля 2012 г. На пресс-конференции кандидата в мэры Тольятти депутата А. главный редактор газеты «Тольяттинское обозрение» К. задал депутату ряд каверзных вопросов, которые его разозлили. После окончания мероприятия на выходе из зала журналисту преградил дорогу Г. (депутат гордумы Тольятти) и нанес несколько ударов представителю СМИ, в результате чего тот получил сотрясение мозга и травму левого уха. Инцидент заснял оператор тольяттинской телекомпании. Вскоре прибыли сотрудники полиции. В результате всего произошедшего было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 116 УК РФ. Суд вынес решение по делу об избиении К. в феврале 2012 г. и приговорил Г. к штрафу в размере 5000 рублей по ч. 1 ст. 116 УК РФ [15].

В качестве еще одного примера можно привести инцидент, случившийся в Салехарде. Съёмочная группа ООО «...» в составе ведущей Х., операторов У. и О., продюсера Е. производила съемку программы в одном из кафе города. Пытаясь пресечь съемку сюжета, находившийся в помещении кафе заведующий производством Н. стал оскорблять ведущую, закрывать объективы видеокамер, отталкивать членов съёмочной группы, бросил в сторону Х. пакет с одеждой, замахнулся на нее стулом, а пекарь А. вынес из кафе чемодан с журналистским реквизитом.

После того как съёмочная группа ООО «...» для завершения репортажа вышла на улицу, Н. и А. напали на О., сбили его с ног, повалили на землю и нанесли несколько ударов по голове и туловищу, не расценивающиеся как вред здоровью. В это время владелец кафе С. с силой вырвала из рук Е. видеокамеру. После чего Н. под-

бежал к оператору У. и нанес ему один удар кулаком по голове, чем причинил физическую боль. С. проникла в микроавтобус, где находилась Х., и стала высказывать в ее адрес словесные угрозы физической расправой, требуя уничтожить отснятый материал.

Указанные действия С., Н. и А. судом были квалифицированы по ч. 3 ст. 144 УК РФ как воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем принуждения их к отказу от распространения информации, соединенном с насилием над журналистами и с повреждением их имущества [16]. Осужденные подали апелляционную жалобу. Апелляционная инстанция пришла к выводу, что суд первой инстанции неверно применил уголовный закон, квалифицировав преступление по ч. 3 ст. 144 УК РФ. Так как съемочная группа проникла без разрешения собственника кафе в производственные помещения, кухню, то эту журналистскую деятельность нельзя признать законной, согласно ст. 49 ФЗ РФ «О СМИ», ч. 1 ст. 35 Конституции РФ, а также требованиям ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», СП 2.3.6.1079-01, ОСТ 28-1-95 и других. В то же время осуществление съемки мест общего пользования (обеденного зала и туалета) суд признал законным. Суд первой инстанции не учел факт, что весь отснятый материал содержался на одних и тех же информационных носителях, являлся одним целым, воспрепятствовать распространению которого пытались осужденные. Таким образом, посчитала апелляционная инстанция, действия осужденных не могут составлять объективную сторону рассматриваемого преступления. С учетом вышеизложенного приговор в отношении С. был отменен, а действия Н. и А. переqualифицированы с ч. 3 ст. 144 УК РФ на ч. 1 ст. 116 УК РФ [17].

Интерес для нас в ходе исследования смежных составов преступления представляет и ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью). Данное общественно опасное деяние относится к категории преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье человека.

Примером совокупности преступлений может служить случай, произошедший 10 октября 2006 г. Журналисты съемочной группы «Вести – Новосибирск» Д. и М. снимали сюжет об уничтожении лесных массивов под видом санитарной вырубке в заказнике «Успенская лесная дача». Один из лесорубов, К., кинулся с топором на журналистов. Уголовное дело было возбуждено по ч. 1 ст. 144 и 119 УК РФ. 29 ноября 2006 г. Убинский районный суд Новосибирской области приговорил К. к году лишения свободы условно с испытательным сроком на один год по ч. 1 ст. 144 и 119 УК РФ [18].

О сложностях в квалификации рассматриваемого преступления (до введения ч. 3 в ст. 144 УК РФ Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 40-ФЗ) может свидетельствовать следующий факт. 14 августа 2006 г. в Хабаровске съемочная группа «Криминальных новостей» прибыла на место автомобильной аварии. Автомобилист,

пытаясь скрыться от ГАИ, сбил насмерть пешехода. Пока корреспондент Б. брала интервью у очевидца происшедшего, к ней и оператору подошли знакомые автомобилиста и начали избивать журналистов. В ходе ссоры с журналистами один из них, Д., скинул с автомобильного моста на железнодорожные пути видеокамеру «SONY», принадлежащую шеф-редактору отдела криминальных новостей, с находящейся на видеокамере установкой надкамерного света, принадлежащей ООО «ИТА Губерния». На суде подсудимый согласился с обвинением в полном объеме. 2 ноября 2006 г. суд признал Д. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, и назначил наказание в виде 2 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года. Стоит отметить, что руководство «ИТА Губерния» подавало заявление в краевую прокуратуру, указывая в нем, что действия нападавших подпадают под признаки ст. 144 УК РФ, но правоохранительными органами это не было принято во внимание [19].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что, несмотря на наличие в отечественном уголовном законодательстве нормы, защищающей журналистов, осуществляющих свою законную профессиональную деятельность, она применяется далеко не во всех случаях, когда имеются все необходимые основания для ее применения. Неправильное толкование правоприменителями ст. 144 УК РФ ведет к квалификационным ошибкам, под которыми понимаются вызванные заблуждением субъекта правоприменения неправильности в его действиях, заключающиеся в неточном или неполном установлении соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления или иного уголовно-правового деяния [20, с. 92]. Редкое применение в судебной практике ст. 144 УК РФ (при наличии всех предусмотренных уголовным законом оснований для этого) в определенной мере обусловлено дефектами законодательной конструкции нормы, что, в свою очередь, обуславливает необходимость ее совершения в будущем.

Список источников

1. Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Квалификация преступлений: теория и практика: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2017. 232 с.
2. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. М.: Проспект; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2021. 292 с.
3. В Москве арестовали еще одного подозреваемого в подготовке покушения на Соловьева // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/14831457/amp>.
4. Пудовочкин Ю.Е. Вопросы квалификации совокупности преступлений в судебной практике: научно-практическое пособие. М.: РГУП, 2016. 184 с. (Библиотека российского судьи).
5. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 12.07.2017 по делу № 1-193/17 // СудАкт. URL: <https://ordzhonikidzevsky-->

svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=29034742&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

6. База данных «Россия: медиаконфликты». URL: <https://mediac-onflictsinrussia.org/card/2295/>.

7. База данных «Россия: медиаконфликты». URL: <https://mediac-onflictsinrussia.org/base/1424/>.

8. Пантюхина И.В., Ершова А.В. Вопросы совершенствования преступлений против здоровья личности (критический взгляд) // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 57–59.

9. База данных «Россия: медиаконфликты».

URL: <https://mediac-onflictsinrussia.org/conflict/1780/>.

10. База данных «Россия: медиаконфликты».

URL: <https://mediac-onflictsinrussia.org/conflict/2655/>.

11. База данных «Россия: медиаконфликты».

URL: <https://mediac-onflictsinrussia.org/conflict/4815/>.

12. База данных «Россия: медиаконфликты».

URL: <https://mediac-onflictsinrussia.org/conflict/2115/>.

13. База данных «Россия: медиаконфликты».

URL: <https://mediac-onflictsinrussia.org/base/1673/>.

14. База данных «Россия: медиаконфликты».

URL: <https://mediac-onflictsinrussia.org/conflict/2121/>.

15. База данных «Россия: медиаконфликты».

URL: <https://mediac-onflictsinrussia.org/base/2265/>.

16. База данных «Россия: медиаконфликты».

URL: <https://mediac-onflictsinrussia.org/conflict/3276/>.

17. Приговор суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 18.08.2016 по делу № 22-732/2016 // СудАкт. URL: https://oblsud--y-nao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=611557&delo_id=4&new=4&text_number=1.

18. База данных «Россия: медиаконфликты».

URL: <https://mediac-onflictsinrussia.org/base/764/>.

19. База данных «Россия: медиаконфликты».

URL: <https://mediac-onflictsinrussia.org/conflict/722/>.

20. Колосовский В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний: монография. М.: Статут, 2011. 398 с.

References

1. Nazarenko G.V., Sitnikova A.I. Kvalifikatsiya prestuplenii: teoriya i praktika: uchebnoe posobie [Qualification of crimes: theory and practice: textbook]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2017. 232 p.

2. Semerнева N.K. Kvalifikatsiya prestuplenii (chasti Obshchaya i Osoben-naya): nauchno-prakticheskoe posobie [Qualification of crimes (parts General and Special): scientific and practical manual]. Moscow: Prospect Publ.; Yekaterinburg: Publ. House “Ural State Law Academy”, 2021. 292 p.

3. Another suspect in preparation of an attempted assassination attempt on Solovyov was arrested in Moscow. TASS. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/14831457/amp>. (In Russian).

4. Pudovochkin Y.E. Voprosy kvalifikatsii sovokupnosti prestuplenii v sudebnoi praktike: nauchno-prakticheskoe posobie [Issues of qualification of the totality of crimes in judicial practice: scientific and practical manual]. Moscow: RGUP Publ., 2016. 184 p. (Library of the Russian judge).

5. Sentence of Ordzhonikidze district court of Yekaterinburg from 12.07.2017 in case No. 1-193/17. *SudAkt*. URL: https://ordzhonikidzevsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=29034742&delo_id=1540006&new=0&text_number=1. (In Russian).

6. Database “Russia: Media Conflicts”.

URL: <https://mediaconflictsinrussia.org/card/2295/>. (In Russian).

7. Database “Russia: Media Conflicts”.

URL: <https://mediaconflicts.org/base/1424>. (In Russian).

8. Pantyukhina I.V., Ershova A.V. Voprosy sovershenstvovaniya prestuplenii protiv zdorov'ya lichnosti (kriticheskii vzglyad) [Issues of improvement of crimes against personal health (critical view)]. *Juridicheskaya nauka*, 2014, no. 4, pp. 57–59.

9. Database “Russia: Media Conflicts”.

URL: <https://mediaconflicts.org/conflict/1780>. (In Russian).

10. Database “Russia: Media Conflicts”.

URL: <https://mediaconflicts.org/conflict/2655>. (In Russian).

11. Database “Russia: Media Conflicts”.

URL: <https://mediaconflicts.org/conflict/4815>. (In Russian).

12. Database “Russia: Media Conflicts”.

URL: <https://mediaconflicts.org/conflict/2115>. (In Russian).

13. Database “Russia: Media Conflicts”.

URL: <https://mediaconflicts.org/base/1673>. (In Russian).

14. Database “Russia: Media Conflicts”.

URL: <https://mediaconflicts.org/conflict/2121>. (In Russian).

15. Database “Russia: Media Conflicts”.

URL: <https://mediaconflicts.org/base/2265>. (In Russian).

16. Database “Russia: Media Conflicts”.

URL: <https://mediaconflicts.org/conflict/3276>. (In Russian).

17. Verdict of the court of the Yamalo-Nenets Autonomous District of 18.08.2016 in case No. 22-732/2016 // SudAkt. URL: https://oblsud--y nao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=611557&delo_id=4&new=4&text_number=1. (In Russian).

18. Database “Russia: media conflicts”.

URL: <https://mediaconflicts.org/base/764>. (In Russian).

19. Database “Russia: Media Conflicts”.

URL: <https://mediaconflicts.org/conflict/722>. (In Russian).

20. Kolosovsky V.V. Teoreticheskie problemy kvalifikatsii ugovovno-pravovykh deyanii: monografiya [Theoretical problems of qualification of criminal legal acts: a monograph]. Moscow: Statute Publ., 2011. 398 p.

Информация об авторах / Information about the authors

Ю.В. Каримова – старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента Тихоокеанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения России (Владивосток, Российская Федерация).

✉ karimovayv@mail.ru

Yu.V. Karimova – Senior Lecturer, Department of Economics and Management, Pacific State Medical University, Ministry of Health of Russia (Vladivostok, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 24.10.2024;

одобрена после рецензирования / revised 12.11.2024;

принята к публикации / accepted 22.11.2024.

Научная статья

УДК 343.231(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-2/170-181>

Факультативные признаки объекта преступления: место в составе преступного деяния

Илья Николаевич Улитин✉

Кубанский государственный университет,

Краснодар, Российская Федерация

✉ iliaylitin1994@gmail.com

Аннотация. В работе представлены некоторые суждения о месте факультативных признаков объекта преступления в составе преступного посягательства. Автором работы предпринята попытка обосновать правильность сложившегося учения о признаках объекта преступления, а также представить дополнительные новеллы, развивающие соответствующие доктринальные положения. В рамках работы аргументируется, что в структуру объекта преступления входят обязательные и факультативные признаки. В качестве обязательного выступают конкретные общественные отношения, охраняемые УК РФ. При рассмотрении в данном ключе уголовное законодательство представляется в роли юридических средств, направленных на защиту и охрану подобных общественных отношений, в том числе их факультативных составляющих – потерпевшего и предмета преступления. В случае если последние обозначены в диспозиции Особенной части УК РФ, они иерархически приравниваются к общественным отношениям, трансформируясь в обязательные признаки. Кроме того, автором делается вывод, что предмет преступления и потерпевший от преступления в рамках конструирования состава посягательства представляются в виде субстанции общественных отношений, охраняемых УК РФ. В случае если означенные категории являются составообразующими признаками, они наделяются определенными характеристиками (свойствами, качествами). Развивая соответствующие доктринальные положения, факультативные признаки объекта преступления можно систематизировать по определенным признакам (качествам, свойствам) и видам (группам). В статье также утверждается, что предмет преступления может выступать в роли составообразующего признака состава преступления только тогда, когда в совокупности наделен физическими,

экономическими, социальными и правовыми характеристиками. Проведенный автором анализ структуры объекта преступления как элемента состава преступления позволил заключить, что противоправное и аморальное деяние и (или) поведение потерпевшего не относятся к признакам потерпевшего, поскольку выступают таковыми для объективной стороны преступного посягательства.

Ключевые слова: состав преступления, объект преступления, факультативные признаки, потерпевший, предмет преступления

Для цитирования: Улитин И.Н. Факультативные признаки объекта преступления: место в составе преступного деяния // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 170–181.

Original article

Optional signs of the object of a crime: place in the criminal act

Иля Н. Улитин

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 iliaylitin1994@gmail.com

Abstract. The work presents some judgments about the place of optional features of the object of the crime in the criminal offense. The author of the work has made an attempt to substantiate the correctness of the existing doctrine about the signs of the object of a crime, as well as to present additional novelties that develop the corresponding doctrinal provisions. The work argues that the structure of the object of a crime includes mandatory and optional features. Specific social relations protected by the Criminal Code of the Russian Federation are mandatory. When considered in this light, criminal legislation is presented as a legal means aimed at protecting and protecting such social relations, including their optional components – the victim and the subject of the crime. If the latter are designated in the disposition of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, they are hierarchically equated with social relations, transforming into mandatory features. In addition, the author concludes that the subject of the crime and the victim of the crime, within the framework of constructing the offense, are presented in the form of the substance of social relations protected by the Criminal Code of the Russian Federation. If the designated categories are constituent features, they are endowed with certain characteristics (properties, qualities). By developing the corresponding doctrinal provisions, the optional characteristics of the object of a crime can be systematized according to certain characteristics (qualities, properties) and types (groups). The article also argues that the subject of a crime can act as a constituent element of a crime only when it is collectively endowed with physical, economic, social and legal characteristics. The author's analysis of the structure

of the object of the crime as an element of the crime allowed us to conclude that the unlawful and immoral act and (or) behavior of the victim does not belong to the characteristics of the victim, since they act as such for the objective side of the criminal offense.

Keywords: corpus delicti, object of crime, optional features, victim, subject of crime

For citation: Ulitin I.N. Optional signs of the object of a crime: place in the criminal act. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 170–181. (In Russ.).

Введение

Традиционно объект преступления признается ядром состава преступления, так как именно он защищается уголовным законом от посягательства, предопределяя характер его общественной опасности. За всю историю отечественной уголовно-правовой науки накопилось значительное количество работ, посвященных учению об объекте преступления [1; 2; 3]. В целом в доктрине уголовного права разработаны следующие теории: теория объекта как субъективного права; нормативная теория; теория объекта как правового блага; теория объекта как общественного отношения [4, с. 64].

На сегодняшний день концепция объекта преступления как совокупности наиболее важных общественных отношений, охраняемых уголовным законом от причинения им существенного вреда в результате преступных посягательств, в российской теории уголовного права является господствующей. Она поддерживается подавляющим большинством ученых-юристов и представителей правоприменительной практики [5, с. 31–32]. Не углубляясь в полемику интерпретации объекта преступления, следует заметить, что в рамках общепризнанного подхода под ним понимаются общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Данное положение сформулировано еще А.А. Пионтковским в 20-х гг. прошлого столетия [6, с. 165].

В теории в содержании объекта посягательства, как и других элементов состава преступления, принято выделять обязательные и факультативные признаки. Круг последних образуют потерпевший и предмет преступления. Названные категории для уголовного права, наравне с другими факультативными признаками состава общественно опасного деяния, имеют тройное значение: участвуют в конструировании состава преступления, приобретая значение, во-первых, составообразующего или, во-вторых, дифференцирующего признака; в-третьих, выступают в качестве смягчающего или отягчающего обстоятельства, влияя на назначение наказания [7].

В современных учениях высказана критическая оценка общепринятого подхода к факультативным признакам объекта преступления. Так, по мнению Е.Н. Карабановой, отнесение предмета преступления и потерпевшего к признакам объекта преступного посягательства представляется достаточно спорным [8, с. 46]. Автор полагает, что к объекту относится не сам потерпевший, а его личное благо [8, с. 417], а предмет выступает в качестве признака объективной стороны [9, с. 6; 10, с. 119; 11, с. 206].

Сказанное свидетельствует, что даже при наличии устоявшегося, казалось бы, учения вопрос о правовой природе, видах, а также содержании каждого факультативного признака объекта преступления в отдельности является в уголовно-правовой доктрине достаточно дискуссионным. Подобные споры ведутся, пожалуй, с момента начала разработки теорий состава преступления [12, с. 75].

Методы исследования

Для объективного и достоверного исследования необходима выверенная методологическая база. В процессе выполнения работы использован комплекс общенаучных и частно-научных методов, позволяющих обеспечить объективность исследования и выступающих основой для всестороннего изучения избранной темы. В основу исследования положен всеобщий диалектический метод познания, позволяющий изучить объективно существующие закономерности, сущность и содержание факультативных признаков объекта преступного посягательства.

Результаты исследования

Для установления места предмета и потерпевшего в конструкции состава преступления требуется определиться с их пониманием.

Вызывает интерес позиция А.Г. Коргулева, утверждающего, что предмет преступления является основным криминообразующим признаком при формировании уголовно-правовых норм, то есть при определении непосредственного объекта уголовно-правовой охраны в современном его понимании. В рамках конструирования состава преступления названный признак обозначается в качестве материального либо нематериального блага, обладающего количественными и качественными параметрами, которые порождают, изменяют либо прекращают общественные отношения, тем самым имеют связь с этими отношениями (предопределяют, являются их выражением), и посредством преступного воздействия на указанные блага причиняется ущерб этим общественным отношениям [13, с. 9]. Представленное мнение достаточно значимо для уголовного права, так как консолидирует в себе суть признаков предмета преступления, установление которых способно содействовать определению непосредственного объекта преступного посягательства.

Анализ современных исследований свидетельствует, что применительно к конструированию состава преступного деяния потерпевший понимается через призму его личных благ, а предмет – через само благо без субъектной привязки. Подобный подход вызван трансформацией учений, посвященных осмыслению содержания объекта преступного деяния. Представленный вывод вытекает из тезиса о том, что объект уголовно-правовой охраны охватывает правовое благо, поставленное под охрану норм, устанавливающих уголовно-правовые запреты на совершение преступлений.

На наш взгляд, подобная позиция является спорной ввиду ограничительного суждения об объекте правовой охраны. Думается, что представленное суждение вытекает из сложившихся в теории права учений об объекте правоотношений. В целом, несмотря на многообразие точек зрения, можно выделить две основные теории объекта правоотношения: монистическую (ее авторы отстаивают единый объект правоотношения) и плюралистическую (в ее рамках признается множественность объектов правоотношения). Согласно первой объектом правоотношений выступает поведение обязанного лица или то фактическое общественное отношение, на которое правоотношение воздействует. Представители плюралистической теории к объектам правоотношений относят материальные и нематериальные блага.

Не вдаваясь в соответствующий спор, следует согласиться с позицией Е.В. Ермолаевой, указывающей, что объектом правоотношения выступает объективная действительность и ее правовой режим, который представляет собой определенное сочетание юридических средств, определяющих права, обязанности и запреты для всех лиц в отношении явления или предмета, по поводу которого установлены, и создает желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности (неблагоприятности) для удовлетворения интересов субъектов права [14, с. 17; 15, с. 12]. Подобное суждение гармонично соотносится с содержанием ст. 2 УК РФ, перечисляющей задачи уголовного законодательства, которые предполагают охрану определенных общественных отношений. Именно объективная действительность ограничивается правовым режимом, установленным названной статьей.

В рамках описанного подхода объект правоотношений рассматривается как объективное отношение, регламентированное нормами права. Следует заметить, что данное определение объекта правоотношений показывает, что юридические средства всегда направлены в отношении явления или предмета.

С учетом изложенного считаем, что в рамках конструирования состава преступления юридические средства, то есть нормы УК РФ, направлены на охрану общественных отношений, а также их составляющих – предмет и потерпевшего. В данном случае потерпевший выступает определенным явлением, на защиту которого ориентированы правовые средства.

Следует заметить, что предмет и потерпевший в рамках уголовного права имеют различное понимание. Обе правовые категории могут фигурировать в качестве отраслевого явления (категории), а также выступать в качестве признака состава преступления. При рассмотрении их в первой ипостаси необходимо констатировать, что предметом уголовного права как отрасли являются соответствующие уголовно-правовые отношения, а потерпевшим выступает участник подобных отношений, который наделен правами и обязанностями (например, ст. 76 УК РФ). Следует уточнить, что такие отношения намного шире тех, которые образуют объект преступного деяния, так как охватывают не только преступное посягательство (уголовно-правовые отношения

не могут охватывать преступное посягательство, оно – юридический факт, их порождающий). При рассмотрении во втором ракурсе предметом признается определенная сущность внешнего мира и информация, существующие до совершения преступления и удовлетворяющие потребности людей, энергия и объекты экологии, доступные для восприятия и способные подвергаться воздействию, изменению и учету произошедших в них изменений [16, с. 259], а потерпевшим признается лицо, охраняемое уголовным законом, на которое направлено преступное деяние. Дополнительно следует отметить, что при конструировании состава преступления требуется ограничивать предмет преступления от средств и орудий его совершения. Главное отличие в том, что последние причиняют вред объекту преступления.

В случае когда факультативные признаки объекта преступления выступают в качестве составообразующих или дифференцирующих, тем самым трансформируясь в обязательные для основного или квалифицированного состава, они наделяются индивидуальными свойствами и признаками. В науке существует множество подходов к определению их индивидуализированных качеств.

Например, выделяются три группы значимых с уголовно-правовой точки зрения признаков потерпевшего: 1) качества, характеризующие его личность; 2) качества, выражающие особенности поведения; 3) качества, характеризующие состояние потерпевшего.

К первой группе свойств (качеств) потерпевшего следует относить физические и социальные признаки. Вторая группа признаков делится на правомерное (положительное) и отрицательное поведение. Третью группу можно классифицировать на следующие: состояние, отражающее физическое или психическое здоровье; состояние, обусловленное внешними факторами; признаки, выражающие взаимоотношения потерпевшего и субъекта преступления [17, с. 105].

Следует указать, что не все признаки потерпевшего имеют устойчивую связь с объектом преступного посягательства. На наш взгляд, ряд признаков, выражающих особенности поведения потерпевшего, должны находить отражение в рамках объективной стороны преступления. В частности, в ст. 107, 113 УК РФ имеется указание на противоправное и аморальное деяние либо поведение потерпевшего [18, с. 147]. Аргументируя подобную позицию, требуется заметить, что по своей природе объективная сторона преступного деяния характеризует внешнее проявление общественно опасного деяния в реальной действительности, доступное для наблюдения и изучения. Именно негативное поведение либо деяние потерпевшего выступает детерминантом совершения аффектированного преступного посягательства.

Возвращаясь к предмету преступления, выразим согласие с позицией В.В. Хилюты, указывающего, что данный признак обладает совокупностью характеристик и особенностей, многие из которых имеют самостоятельное уголовно-правовое значе-

ние и влияют на квалификацию [19, с. 77]. В науке уголовного права имеется различное понимание признаков предмета преступления. Например, ряд исследователей относят к таковым физический, экономический, социальный и правовой [16, с. 257–261]. В свою очередь, физический признак возможно дифференцировать на материальный и нематериальный [20, с. 45]. Для признания предмета преступления категорией уголовного права, имеющей непосредственное значение для квалификации содеянного, требуется наличие всех обозначенных выше признаков.

Характеризуя факультативные признаки объекта преступления, следует указать, что они классифицируются по определенным группам (видам). Например, потерпевшего можно группировать по следующим основаниям: по субъекту, которому причинен вред (физическое или юридическое лицо); по демографическому признаку (мужчина, женщина); в зависимости от характера причиненного вреда (потерпевший, которому причинен физический вред; потерпевший, которому причинен имущественный (материальный) вред; потерпевший, которому причинен моральный вред; потерпевший, которому причинен психический вред; потерпевший, которому причинен организационный вред и т.д.); в зависимости от признаков потерпевшего (потерпевшие с общими признаками; со специальными признаками) и т.д. [21; 22, с. 23–29].

И.В. Кузнецов, анализируя предмет преступлений в уголовном праве, предлагает классифицировать его по следующим основаниям: имущество; предметы, являющиеся объектами интеллектуальной собственности; природные объекты; предметы, овеществляющие собой установленный государством порядок; предметы и вещества, противоправное воздействие на которые создает угрозу причинения вреда общественной безопасности, здоровью населения и общественной нравственности [23, с. 15]. На наш взгляд, представленная классификация отвечает современным реалиям правовой охраны. Вместе с тем требует корректировки наименование предметов, являющихся объектами интеллектуальной собственности. В современном гражданском праве подобное называется результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации.

Научная дискуссия

Осуществленный анализ позволяет проиллюстрировать структуру объекта преступного посягательства, которая представлена в таблице 1.

Подводя итог анализу факультативных признаков объекта преступления, можно сделать следующее выводы:

1. В структуру объекта преступления входят обязательные и факультативные признаки. В качестве обязательных выступают конкретные общественные отношения, охраняемые УК РФ от определенного вида преступных посягательств.

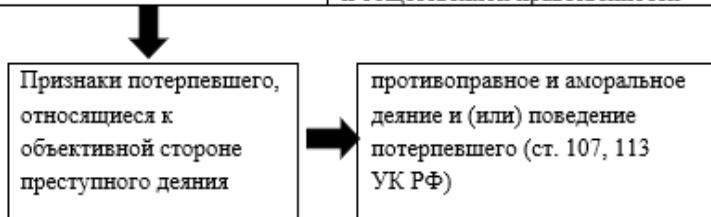
Ведя речь в данном ключе, можно заключить, что уголовное законодательство представлено в роли юридических средств, направленных на защиту и охрану обще-

ственных отношений, в том числе их факультативных составляющих – потерпевшего от преступления и его предмет. В случае если последние обозначены в диспозиции нормы Особенной части УК РФ, они иерархически приравниваются к общественным отношениям, трансформируясь в обязательные признаки.

Таблица 1

Структура объекта преступления как элемента состава преступления

Признаки	Характеристика признаков		
Обязательные признаки	конкретные общественные отношения, охраняемые УК РФ		
Факультативные признаки	Наименование	Потерпевший от преступления	Предмет преступления
	признаки (свойства и качества)	1) признаки, характеризующие личность потерпевшего; 2) признаки, выражающиеся в особенностях поведения; 3) признаки, характеризующие состояние потерпевшего	1) физический (материальный или нематериальный); 2) экономический; 3) социальный; 4) правовой (юридический)
	виды (группы)	1) по субъекту, которому причинен вред; 2) по демографическому признаку; 3) в зависимости от характера причиненного вреда; 4) в зависимости от признаков потерпевшего и <u>т.д.</u>	1) имущество, результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации; 2) природные объекты; 3) предметы, олицетворяющие собой установленный государством порядок; 4) предметы и вещества, противоправное воздействие на которые создает угрозу причинения вреда общественной безопасности, здоровью населения и общественной нравственности

2. Предмет преступления и потерпевший в рамках конструирования состава преступления представляются в виде субстанции общественных отношений, охраняе-

мых УК РФ. В случае если означенные категории используются в виде составообразующих признаков, они наделяются определенными характеристиками (свойствами, качествами). Таким образом, рассматриваемые категории возможно систематизировать сообразно определенным признакам (качествам, свойствами) и видам (группам), что ранее представлено в таблице.

3. Предмет преступления может выступать в роли составообразующего признака состава преступления только тогда, когда наделен физическими, экономическими, социальными и правовыми характеристиками.

4. Анализ структуры объекта преступления как элемента состава преступления позволил установить, что противоправное и аморальное деяние и (или) поведение потерпевшего не относится к признакам потерпевшего, поскольку выступает таковым для объективной стороны преступного посягательства.

Список источников

1. Краснопеев В.А. Объект преступления в российском уголовном праве (теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2001. 186 с.
2. Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления (методологические аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 259 с.
3. Семченков И.П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 192 с.
4. Ермакова О.В. Характеристика основных теорий объекта преступления // Алтайский юридический вестник. 2015. № 2 (10). С. 64–68.
5. Винокуров В.Н. Объект преступления: аспекты понимания, способы установления и применение уголовного закона: монография. М., 2012. 288 с.
6. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2014. 560 с.
7. Улитин И.Н. Составообразующие факультативные признаки состава преступления: осмысление понимания и значения // Российский следователь. 2023. № 2. С. 42–45.
8. Карабанова Е.Н. Многообъектные преступления: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 469 с.
9. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005. 32 с.
10. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 1. М., 1970. 312 с.
11. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. 388 с.
12. Голубев С.И. Предмет экологического преступления: монография. М., 2020. 174 с.

13. Коргулев А.Г. Предмет преступления в современном уголовном праве: понятие, признаки, вопросы квалификации и законодательной регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 220 с.
14. Ермолаева Е.В. Объект правоотношения: историко-теоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2004. 25 с.
15. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 16–29.
16. Маслакова Е.А. Предмет преступления как форма выражения общественных отношений // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (64). С. 257–261.
17. Пахомова Е.В. Понятие потерпевшего и его уголовно значимые признаки // Юрист-Правовед. 2009. № 3 (34). С. 105–108.
18. Чихрадзе А.М. Уголовно-правовые и психологические аспекты состояния сильного душевного волнения: содержание, объем и соотношение // Аграрное и земельное право. 2018. № 9 (165). С. 144–150.
19. Хилюта В.В. Предмет преступления в науке уголовного права: проблемы и противоречия // Журнал российского права. 2016. № 7 (235). С. 70–79.
20. Динека В.И., Жабский В.А., Денисенко М.В. Предмет преступления в уголовном праве // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 1 (64). С. 40–47.
21. Анощенкова С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2006. 248 с.
22. Мурашова Е.А. Потерпевший в уголовном праве: понятие, виды, юридическое содержание // Бюллетень экономики, политики и права. 2020. № 1. С. 23–29.
23. Кузнецов И.В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2006. 27 с.

References

1. Krasnopeev V.A. Ob"ekt prestupleniya v rossiiskom ugovolnom prave (teoretiko-pravovoi analiz) [The object of crime in Russian criminal law (theoretical and legal analysis)]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Kislovodsk, 2001. 186 p.
2. Novoselov G.P. Aktual'nye voprosy ucheniya ob ob"ekte prestupleniya (metodologicheskie aspekty) [Actual issues of the doctrine of the object of crime (methodological aspects)]. Dr. Dis. (Legal. Sci.). Yekaterinburg, 2001. 259 p.
3. Semchenkov I.P. Ob"ekt prestupleniya: sotsial'no-filosofskie i meto-dologicheskie aspekty problemy [The object of crime: social-philosophical and methodological aspects of the problem]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Moscow, 2003. 192 p.
4. Ermakova O.V. Kharakteristika osnovnykh teorii ob"ekta prestupleniya [Characteristics of the main theories of the object of crime]. *Altayskii yuridicheskii vestnik*, 2015, no. 2 (10), pp. 64–68.

5. Vinokurov V.N. Ob"ekt prestupleniya: aspekty ponimaniya, sposoby ustanovleniya i primeneniye ugolovnogo zakona: monografiya [The object of crime: aspects of understanding, methods of establishing and applying the criminal law: monograph]. Moscow, 2012. 288 p.
6. Konyakhin V.P., Prokhorova M.L. (eds.). Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Obschaya chast': uchebnik dlya vuzov [Russian criminal law. General part: textbook for universities]. Moscow, 2014. 560 p.
7. Ulitin I.N. Sostavoobrazuyushchie fakul'tativnye priznaki sostava prestupleniya: osmyslenie ponimaniya i znacheniya [Composition-forming optional features of a crime: understanding the understanding and meaning]. *Rossiiskii sledovatel'*, 2023, no. 2, pp. 42–45.
8. Karabanova E.N. Mnogoob"ektnye prestupleniya: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika [Multi-object crimes: theory, legislation, practice]. Dr. Dis. (Legal. Sci.). Moscow, 2021. 469 p.
9. Bikmurzin M.P. Predmet prestupleniya: teoretiko-pravovoi analiz [Subject of a crime: theoretical and legal analysis]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Synopsis. Ufa, 2005. 32 p.
10. Piontkovsky A.A. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava [Course of Soviet criminal law]: in 6 vol. Vol. 1. Moscow, 1970. 312 p.
11. Trainin A.N. Sostav prestupleniya po sovetskomu ugolovnomu pravu [Composition of a crime under Soviet criminal law]. Moscow, 1951. 388 p.
12. Golubev S.I. Predmet ekologicheskogo prestupleniya: monografiya [Subject of an environmental crime: monograph]. Moscow, 2020. 174 p.
13. Korgulev A.G. Predmet prestupleniya v sovremennom ugolovnom prave: ponyatie, priznaki, voprosy kvalifikatsii i zakonodatel'noi reglamentatsii [Subject of a crime in modern criminal law: concept, features, issues of qualification and legislative regulation]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Krasnodar, 2021. 220 p.
14. Ermolaeva E.V. Ob"ekt pravootnosheniya: istoriko-teoreticheskoe issledovanie [Object of legal relationship: historical and theoretical research]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Synopsis. Ulyanovsk, 2004. 25 p.
15. Matuzov N.I., Malko A.V. Pravovye rezhimy: voprosy teorii i praktiki [Legal regimes: issues of theory and practice]. *Pravovedenie*, 1996, no. 1, pp. 16–29.
16. Maslakova E.A. Predmet prestupleniya kak forma vyrazheniya obshchestvennykh otnoshenii [The Subject of a Crime as a Form of Expression of Social Relations]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2015, no. 1 (64), 257–261.
17. Pakhomova E.V. Ponyatie poterpevshego i ego ugolovno znachimye pri-znaki [The concept of a victim and its criminally significant features]. *Yurist"-Pravoved"*, 2009, no. 3 (34), pp. 105–108.

18. Chikhradze A.M. Ugolovno-pravovye i psikhologicheskie aspekty sostoyaniya sil'nogo dushevnoogo volneniya: sodержanie, ob'em i sootnoshenie [Criminal-law and psychological aspects of a state of strong emotional anxiety: content, volume, and correlation]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 2018, no. 9 (165), pp. 144–150.

19. Khilyuta V.V. Predmet prestupleniya v nauke ugolovnoogo prava: problemy i protivorechiya [The subject of a crime in criminal law science: problems and contradictions]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2016, no. 7 (235), pp. 70–79.

20. Dineka V.I., Zhabskiy V.A., Denisenko M.V. Predmet prestupleniya v ugolovnom prave [The subject of a crime in criminal law]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata*, 2022, no. 1 (64), pp. 40–47.

21. Anoshchenkova S.V. Ugolovno-pravovoe uchenie o poterpevshem [Criminal Law Doctrine on the victim]. Moscow, 2006. 248 p.

22. Murashova E.A. Poterpevshii v ugolovnom prave: ponyatie, vidy, yuridicheskoe sodержanie [Victim in Criminal Law: concept, types, legal content]. *Byulleten' ekonomiki, politiki i prava*, 2020, no. 1, pp. 23–29.

23. Kuznetsov I.V. Ponyatie i vidy predmetov prestuplenii v ugolovnom prave Rossii [The concept and types of objects of crimes in the criminal law of Russia]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Synopsis. Orel, 2006. 27 p.

Информация об авторах / Information about the authors

И.Н. Улитин – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация).

✉ iliaylitin1994@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8907-840X>

I.N. Ulitin – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 12.05.2024;

одобрена после рецензирования / revised 07.11.2024;

принята к публикации / accepted 22.11.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 182–198.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 182–198.

Научная статья

УДК 343.321.3.047(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-2/182-198>

Преступление, предусмотренное ст. 284¹ УК РФ: эволюция уголовно-правовой нормы и проблемы ее толкования

Александр Иванович Чучаев¹, Юлия Викторовна Грачева², ✉

¹Институт государства и права Российской академии наук,

Москва, Российская Федерация

²Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация

✉ jvgracheva@msal.ru

Аннотация. Противодействие проникновению на территорию РФ деструктивных организаций, блокирование попыток их влияния на социальные и политические институты российского общества обусловило дополнение в 2015 году УК РФ статьей 284¹. Кроме того, была разработана процедура признания нежелательной деятельности на территории РФ иностранной или международной организации. За почти 9-летнюю историю существования рассматриваемой нормы в нее уже трижды вносились изменения, которые характеризуют ужесточение уголовной ответственности за предусмотренные в ней деяния. Статистика же количества осужденных по рассматриваемой статье за этот период свидетельствует о неостребованности введенной нормы практикой.

На сегодняшний день ст. 284¹ УК РФ содержит 3 части, в каждой из которых отражен самостоятельный состав преступления. В них закреплена уголовная ответственность за участие в деятельности таких организаций, организацию, предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности иностранной или международной организации, а также за организацию деятельности этих организаций. Статья снабжена примечанием, содержащим специальный вид освобождения от уголовной ответственности для участников в деятельности этих организаций.

Несмотря на достаточно распространенный подход в построении уголовной ответственности за преступления организационной направленности, использованный при изложении ст. 284¹ УК РФ, сложности толкования некоторых признаков все же

возникают. В частности, в статье обращается внимание на разные подходы криминалистов к определению объекта посягательства, что может вести к искажению социальной направленности деяния и ошибки в правоприменительной деятельности. Практика испытывает сложности в толковании ряда признаков объективной стороны преступления, возможности прекращения уголовного преследования в связи с малозначительностью деяния. В статье рассмотрены и другие вопросы, вызывающие дискуссии в уголовно-правовой науке и судебной практике.

Ключевые слова: уголовная ответственность, организация, в отношении которой принято решение о признании ее деятельности нежелательной на территории РФ, противодействие проникновению на территорию РФ деструктивных организаций, существенный вред мировому сообществу

Для цитирования: Чучаев А.И., Грачева Ю.В. Преступление, предусмотренное ст. 284¹ УК РФ: эволюция уголовно-правовой нормы и проблемы ее толкования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 4. С. 182–198.

Original article

A crime under Article 284¹ of the Criminal Code of the Russian Federation: evolution of the criminal law norm and the problems of its interpretation

Alexander I. Chuchayev¹, Julia V. Gracheva², ✉

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

²Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

✉ jvgracheva@msal.ru

Abstract. Countering the penetration of destructive organizations into the territory of the Russian Federation, blocking attempts by them to influence the social and political institutions of Russian society led to the addition of Article 2841 of the Criminal Code of the Russian Federation in 2015. In addition, a procedure has been developed for the recognition of undesirable activities on the territory of the Russian Federation by a foreign or international organization. In the almost 9-year history of the existence of the norm under consideration, it has already been amended three times, which characterizes the tightening of criminal liability for the acts provided for. The statistics of the number of convicts under the article in question during this period indicate that the introduced norm is not in demand in practice.

Despite the fairly common approach to the construction of criminal liability for crimes of an organizational nature, used in the presentation of Article 2841 of the Criminal Code of the Russian Federation, difficulties in interpreting certain signs still arise. In particular,

the article draws attention to the different approaches of criminologists to determining the object of encroachment, which can lead to a distortion of the social orientation of the act and errors in law enforcement. Practice is experiencing difficulties in interpreting a number of signs of the objective side of the crime, the possibility of termination of criminal prosecution due to the insignificance of the act. The article also discusses other issues that cause controversy in criminal law science and judicial practice.

Keywords: criminal liability, organizations against which a decision has been made to recognize their activities as undesirable on the territory of the Russian Federation, countering the penetration of destructive organizations into the territory of the Russian Federation, significant harm to the world community

For citation: Chuchayev A.I., Gracheva Yu.V. A crime under Article 2841 of the Criminal Code of the Russian Federation: evolution of the criminal law norm and the problems of its interpretation. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 182–198. (In Russ.).

История создания и изменения нормы. Идея о дополнении Уголовного кодекса РФ нормой, предусматривающей ответственность за организацию деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации, была реализована в 2015 г. Криминализация деяния объяснялась тем, что различные конфликты, в которые в последнее время втягивается все больше государств, создают почву для развития на их территориях деструктивных организаций, которые причиняют существенный вред мировому сообществу, стимулируя своей деятельностью возникновение новых очагов политической, межнациональной, межрелигиозной напряженности. Противодействие проникновению на территорию Российской Федерации этих организаций, блокирование попыток их влияния на социальные и политические институты российского общества предлагалось рассматривать как одно из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти, направленной на защиту основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов российских граждан, национальных интересов Российской Федерации, обороноспособности и безопасности государства и общественного порядка¹.

В этих целях была разработана процедура признания нежелательной деятельности на территории РФ иностранной или международной организации, были сформу-

¹ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=fTs1Hw&base=PRJ&n=125865#fKeh0PUQNjKfh2z2> (дата обращения: 20.09.2024).

лированы необходимые изменения, которые следовало внести в ряд законодательных актов РФ. Лиц, причастных к организации деятельности на территории РФ указанной иностранной или международной организации, предлагалось привлекать к административной ответственности, а в случае повторного совершения подобного правонарушения – к уголовной.

Реализация предложенных мер должна была способствовать повышению эффективности воспрепятствования деятельности иностранных структур, представляющих угрозу безопасности государства, формирующих угрозы «цветных революций» или способствующих возникновению очагов напряженности на межэтнической и межконфессиональной основе¹.

Федеральным законом от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» УК РФ был дополнен ст. 284¹. Согласно последней ответственность предусматривалась за руководство и участие в деятельности на территории РФ иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории России ее деятельности в соответствии с законодательством РФ, совершенные лицом, которое ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

Преступление относилось к тяжким, максимальное наказание за него предусматривалось до 6 лет лишения свободы².

Этим же Федеральным законом определялось, что деятельность таких организаций признается нежелательной, если она представляет угрозу основам конституционного строя РФ, обороноспособности страны или безопасности государства.

Решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации деятельности иностранной или международной неправительственной организации принимается Генеральным прокурором РФ или его заместителями по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных отношений Российской Федерации.

В связи с данным обстоятельством следует обратить внимание на разные подходы законодателя в определении органа, решением которого должна признаваться деятельность организации нежелательной. В рассматриваемом случае это отнесено к компетенции Генерального прокурора РФ или его заместителя, а в отношении экстремистской или террористической организации – в компетенцию суда. На наш взгляд, исходя из политико-правового значения факта признания деятельности организации нежелательной, решение о признании ее таковой должно приниматься

¹ См.: там же.

² СЗ РФ. 2015. № 21. Ст. 2981.

именно судом [1, с. 23]. Конечно, решение Генерального прокурора РФ может быть обжаловано в суде (ст. 218 КАС РФ), однако это не решает существа проблемы.

Кроме того, надо иметь в виду и следующий момент: если поданный административный иск об отмене соответствующего решения Генерального прокурора РФ или его заместителя судом еще не рассмотрен, лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 284¹ УК РФ, так как факт подачи административного иска не приостанавливает действие решения о признании деятельности организации нежелательной. Если же решение Генерального прокурора РФ или его заместителя отменено судом, то в действиях лица, осуществлявшего руководство деятельностью либо участвовавшего в деятельности организации в период действия решения о признании ее нежелательной, отсутствует рассматриваемый состав преступления [1, с. 23].

В 2021 г. были внесены изменения в ст. 284¹ УК РФ. Помимо ранее обозначенных причин криминализации организации и участия в названных организациях, новеллы уголовного законодательства дополнительно обосновывались тем, что Комиссией Государственной Думы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России установлены многочисленные факты прохождения российскими гражданами за пределами страны обучения на тренингах по влиянию на избирательные кампании, организации массовых беспорядков, несанкционированных политических акций, в том числе с привлечением несовершеннолетних, по осуществлению антироссийских информационных акций и формированию в российском обществе терпимости к употреблению наркотических средств путем пропаганды их употребления и легализации наркотиков.

Указанное обучение осуществляется при методической, технической и финансовой поддержке иностранных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

По информации компетентных органов, иностранные неправительственные и международные организации ежегодно проводят мероприятия в зарубежных странах, нацеленные на обучение гражданских активистов, в том числе из Российской Федерации, практике реализации различных проектов, а также продвижения протестных настроений в массы. В некоторых случаях организаторы тренингов и семинаров используют в качестве учебного материала пиар-кампании запрещенной в Российской Федерации террористической организации «Исламское государство». Вместе с тем законодательством Российской Федерации такая деятельность не запрещалась, ответственность за участие в подобных мероприятиях не была установлена.

За счет соответствующего изменения законодательства предполагалось повысить эффективность деятельности по воспрепятствованию функционирования иностранных структур, представляющих угрозу безопасности государства¹.

¹ См.: Проект Федерального закона № 1165661-7 «О внесении изменений в статью 284¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Законопроект предусматривал исключение административной преюдиции в отношении лиц, руководивших деятельностью таких организаций, дифференцировать ответственность руководителей и участников организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ.

Принятые Федеральным законом от 01.07.2021 № 292-ФЗ «О внесении изменения в статью 284¹ Уголовного кодекса Российской Федерации»¹ нормы несколько отличались от проекта. Во-первых, уголовная ответственность дифференцировалась исходя из ряда обстоятельств (статья стала содержать 3 части); во-вторых, деяния участников таких организаций признана менее опасной, преступление стало относиться к категории средней тяжести с максимальным наказанием до четырех лет лишения свободы (ч. 1); в-третьих, самостоятельной криминализации подверглись пособнические действия в форме предоставления или сбора средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации (ч. 2). Причем законодатель признал их более общественно опасными, чем действия участника (исполнителя), закрепив максимальное наказание в идее лишения свободы сроком до 5 лет.

В литературе неоднократно обращалось внимание на то, что действия пособника являются менее общественно опасными по сравнению с другими соучастниками, в связи с чем указанное решение законодателя представляется недостаточно обоснованным.

Существенным изменениям подверглось примечание к ст. 284¹ УК РФ, содержащее специальный вид освобождения от уголовной ответственности. В редакции 2015 г. участник такой организации для освобождения его от уголовной ответственности должен был всего лишь прекратить участие в рассматриваемых организациях. На руководителей специальный вид освобождения от уголовной ответственности не распространялся. В законопроекте действие примечания предлагалось распространить и на них, в качестве условий освобождения назывались: добровольное прекращение руководством организации и активное содействие раскрытию (или расследованию) преступления.

В этой части предложение не нашло отражения в Федеральном законе № 292-ФЗ. Примечание к статье было изменено по другим аспектам. Так, специальный вид освобождения от уголовной ответственности распространил свое действие и на лиц, которые, по существу, были пособниками данного преступления – предоставляли или собирали средства либо оказывали финансовые услуги для обеспечения деятельности таких организаций. Условиями их освобождения названы содействие

Федерации». URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cmd=Rm GWg&-base=-PRJ&n=207615&dst=100017&field=134#hK1U5PUkXLTF9L81>.

¹СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5120.

пресечению деятельности рассматриваемых организаций и раскрытию и (или) расследованию преступления.

Другими отличиями принятого Федерального закона № 292-ФЗ от законопроекта были:

– участник организации привлекается к ответственности, если он ранее подвергся административной ответственности за подобное правонарушение или имеет судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 284¹ УК РФ; согласно принятой в 2015 г. норме уголовная ответственность участника наступала, если он дважды привлекался к административной ответственности в течение года за подобное деяние. С.Л. Нудель обоснованно обращает внимание на отсутствие единого подхода в определении уголовно-правового значения данного обстоятельства. Применительно к рассматриваемому составу преступления этот признак, относящийся к характеристике субъекта преступления, признан конститутивным, а, например, в преступлении, предусмотренном ст. 264¹ УК РФ, преюдиции в виде административного наказания и прежней судимости придан разный статус: первому обстоятельству – обязательного, а прежней судимости – квалифицирующего признака [2, с. 62];

– впервые выделена ч. 3 статьи 284¹ УК РФ, предусматривающая ответственность за организацию деятельности таких организаций взамен ранее установленной уголовной ответственности за руководство такими организациями. Введенный термин шире ранее использованного и охватывает в том числе действия руководителя.

Изменения ст. 284¹ УК РФ, внесенные ФЗ № 292-ФЗ, можно оценить как направленные на усиление уголовной ответственности за подобную деятельность.

Законодатель вернулся к рассматриваемой норме в 2022 г., посчитав необходимым уточнить, что устанавливается возможность применения ст. 284¹ УК РФ к фактам совершения соответствующих преступлений за пределами территории Российской Федерации, что позволит комплексно противодействовать активности организаций, представляющих угрозу национальным интересам¹.

Принятый Федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»² исключил из статьи указание на обстоятельство места совершения преступления – территорию Российской Федерации.

¹ См.: Паспорт законопроекта.

URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?Req=doc&rnd=u26h4Q&base=PRJ&n=-220862&dst=100063&field=134#lsvdIPUoBsgUhsC41>.

² СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5227.

На этом изменения ст. 284¹ УК РФ не закончились. Федеральный закон от 08.08.2024 № 220-ФЗ «О внесении изменений в статью 284¹ Уголовного кодекса Российской Федерации»¹ исключил из названия и текста статьи единственное слово «неправительственной». В пояснительной записке, помимо уже ранее приводившихся обоснований криминализации деяний, описанных в рассматриваемой статье, о минимизации деструктивного влияния на социальные и политические институты российского общества, добавлено о необходимости «уточнения объективной стороны преступления в связи с расширением перечня организаций, деятельность которых может быть признана нежелательной на территории Российской Федерации в соответствии с положениями статьи 3.1 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ “О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации”»².

Таким образом, менее чем за 10-летнюю историю существования рассматриваемой нормы в нее уже трижды вносились изменения. Вместе с тем интересна статистика количества осужденных по рассматриваемой статье за этот период. Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, по ст. 284¹ УК РФ с 2016 г. по 2019 г. не был осужден ни один человек; в 2020 г. – 2; в 2021 г. – 1; в 2022 г. – 2; в 2023 г. – 3 человека³.

Проблемы толкования признаков состава преступления. До недавнего времени в литературе, как правило, объектом рассматриваемого деяния назывались: безопасность государства; конституционный строй РФ; общественные отношения, возникающие в связи с нарушением запрета на осуществление деятельности на территории РФ иностранной или международной организации, и др. Все они имеют право на существование. Однако, на наш взгляд, дефиниции объекта страдают одним недостатком – носят общий характер, не позволяющий вычлнить те общественные отношения, которым причиняется вред этим преступлением. Исходя из сущности деяния и его социальной направленности преступление следует относить к посягательству экстремистского характера и в связи с этим его объект трактовать как общественные отношения, характеризующие недопущение экстремистской деятельности в Российской Федерации или против нее.

Часть 1 ст. 284¹ УК РФ предусматривает ответственность за участие в деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности в соответствии с законодательством России.

¹ СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4916.

²Проект Федерального закона № 590898-8 «О внесении изменений в статью 284¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» (в ред., внесенной в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 02.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Судебная статистика. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 04.10.1971).

Под иностранной организацией следует понимать иностранных юридических лиц, компании и другие корпоративные образования, обладающие гражданской правоспособностью, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств, филиалы и представительства указанных иностранных лиц, созданные на территории РФ¹.

Под международной понимается любая организация, не имеющая основной целью своей деятельности получение прибыли, не учрежденная на основании межправительственного соглашения, признанная либо одним государством, либо получившая консультативный статус при международной правительственной организации, которая осуществляет деятельность в двух и более государствах².

Кировский городской суд г. Ярославля, осудив Ш. по ч. 1 ст. 284¹ УК РФ, мотивировал решение тем, что он, принимая участие в деятельности международных неправительственных организаций «Doctors Against Forced Organ Harvesting» (DAFOH) («Врачи против насильственного извлечения органов») (США) и «World Organization to Investigate the Persecution of Falun Gong Inc.» (WOIPFG) («Всемирная организация по расследованию преследований "Фалуьнгун"») (США), в нарушение запретов, установленных Федеральным законом от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ», распространял и хранил на открытой для публичного просмотра Интернет-странице пользователя в социальной сети «Facebook» тексты, в которых имелась ссылка на сайты этих организаций, тем самым «умышленно побуждал к широкому международному публичному распространению публикуемых текстов, оправдывая деятельность организаций "Doctors Against Forced Organ Harvesting" (DAFOH) ("Врачи против насильственного извлечения органов") (США) и "World Organization to Investigate the Persecution of Falun Gong Inc." (WOIPFG) ("Всемирная организация по расследованию преследований "Фалуьнгун") (США), побуждая к получению информации об организациях "Doctors Against Forced Organ Harvesting" (DAFOH) ("Врачи против насильственного извлечения органов") (США) и "World Organization to Investigate the Persecution of Falun Gong Inc." (WOIPFG) ("Всемирная организация по расследованию преследований "Фалуьнгун") (США), побуждая к оказанию помощи в распространении информации о деятельности указанных организаций, призывая становиться членами данных организаций»³.

¹ См.: Пункт 2 ст. 11 НК РФ, Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Резолюция Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС) ООН от 23.05.1968 № 1296 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Приговор Кировского районного суда г. Ярославля от 28.07.2023 по делу № 1-92/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Ш. была подана апелляционная жалоба, в которой он указал, что:

– размещение пользователем социальной сети ссылки на материалы, изданные либо распространенные какой-либо организацией, не является участием в ее деятельности; участие в деятельности должно быть тождественно членству в этой организации;

– первые три вменяемые в вину публикации в социальных сетях были размещены 17.09.2018 (две) и 28.06.2019, т.е. до признания указанных в обвинении организаций нежелательными, когда распространение информации об их деятельности не было запрещено (закон не имеет обратной силы). Ш. не был подвергнут и административному наказанию за аналогичное деяние, т.е. не может являться субъектом ответственности по ч. 1 ст. 284¹УК РФ;

– деяние описано в УК РФ как преступление с формальным составом, виновному вменяется в вину длящиеся действия, учитывая ничтожно малое количество просмотров и репостов размещенных им в социальных сетях записей, отсутствие выявленного их влияния на аудиторию, за исключением давшего ложные показания свидетеля обвинения, в связи с чем следует разрешить вопрос о малозначительности деяния и о прекращении уголовного дела по такому основанию¹.

Государственным обвинителем представлены возражения на апелляционную жалобу осужденного, в которых указано об отсутствии оснований для ее удовлетворения.

Суд апелляционной инстанции приговор в отношении Ш. в части квалификации содеянного признал законным и обоснованным.

Ш. фактически не оспаривает установленные судом на основании исследованных доказательств обстоятельства содеянного, заключающиеся в следующем.

Двумя постановлениями мирового судьи судебного участка № 2 Кировского судебного района г. Ярославля от 18.01.2021 Ш. признан виновным в совершении административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.33 КоАП РФ, – участие в деятельности международных неправительственных организаций путем хранения и распространения материалов, ими издаваемых. Ему назначено наказание в виде административного штрафа в сумме 5000 руб. в каждом случае.

Кроме того, продолжил хранение этих материалов и далее до 04.02.2022, а 13.05.2021 еще разместил материалы в тех же соцсетях.

В соответствии с п. 3 ст. 3.1 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ» признание нежелательной на территории Рос-

¹ См.: Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 27.09.2023 по делу № 22-2025/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

сийской Федерации деятельности иностранной или международной неправительственной организации влечет за собой запрет на распространение информационных материалов, издаваемых иностранной или международной неправительственной организацией и (или) распространяемых ею, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также хранение таких материалов в целях распространения. Таким образом, дата публикации материалов не имеет значения, поскольку речь идет о запрете распространения таких материалов после принятия решения о признании организации нежелательной. При этом их сохранение на интернет-странице, открытой для публичного просмотра, является их распространением после принятого компетентным органом решения; довод Ш. об обратной силе закона не относится к рассматриваемому случаю. Такое распространение как раз и продолжалось после того, как осужденный был подвергнут административному наказанию за аналогичное деяние. Вопреки мнению Ш., указанный закон фактически вменяет в обязанность удалить такие материалы для лиц, их разместивших, в тот период, когда деятельность организаций не была признана нежелательной.

Суд апелляционной инстанции признал несостоятельным и довод о том, что размещение пользователем социальной сети ссылки на материалы, изданные либо распространенные какой-либо организацией, не является участием в ее деятельности. Так, взаимная осведомленность лица и организации об участии в ее деятельности, членство в ней совершенно не обязательно для того, чтобы лицо было признано участником ее деятельности. Исходя из анализа содержания размещенных материалов, международные неправительственные организации непосредственно связаны с учением и деятельностью последователей, к которым относит себя и Ш. При этом ссылки на интернет-ресурс, сделанные Ш. – лицом, хорошо знакомым с его содержанием, является ничем иным, как ссылкой на материалы указанных выше международных неправительственных организаций, поскольку их деятельность непосредственно касается последователей учения, а интернет-ресурс фактически представляет собой информационную площадку для его продвижения¹.

В поддержку позиции суда первой и апелляционной инстанции можно добавить, что следует отличать участие в организации от участия в деятельности организации. Поясним на примере. В ч. 2 ст. 282¹ УК РФ предусмотрена ответственность за участие в экстремистском сообществе, а в ч. 2 ст. 282² УК РФ – за участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации. Таким образом, Уголовный кодекс РФ различает эти понятия, как, впрочем, и Пленум Верховного Суда РФ.

¹ Там же.

«Под участием в экстремистском сообществе (часть 2 статьи 282¹ УК РФ) надлежит понимать вхождение в состав такого сообщества с намерением участвовать в подготовке или совершении одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, участие в подготовке к совершению указанных преступлений экстремистской направленности и (или) непосредственное совершение таких преступлений, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (снабжение информацией, ведение документации и т.п.)»¹. «Под участием в деятельности экстремистской организации (часть 2 статьи 282² УК РФ) понимается совершение лицом умышленных действий, непосредственно относящихся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т.п.).

При рассмотрении уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьей 282² УК РФ, суду следует устанавливать, какие конкретные действия совершены виновным лицом, каково их значение для продолжения или возобновления деятельности организации, в отношении которой судом принято и вступило в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремизма, а также какими мотивами руководствовалось лицо при совершении данных действий» (п. 20)².

В ч. 1 ст. 284¹ УК РФ речь идет именно об участии в деятельности организации, поэтому приравнивать его к членству в таких организациях будет неправильным.

Апелляционный суд не разделил доводов осужденного и его адвоката о возможности признания совершенного деяния малозначительным. Решение по этому поводу было обосновано тем, что преступление, изложенное в ч. 1 ст. 284¹ УК РФ, имеет формальный состав, что исключает малозначительность деяния, а также тем, что Ш. в преступном проявлении был настойчивым и последовательным³.

Любое преступление, имеющее формальный состав, должно исключать признание его малозначительным. Исключение может быть только в том случае, когда законодатель неверно определил общественную опасность деяния вследствие неудачного описания его в УК РФ, что повлекло несправедливую законодательную penalization деяния.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (в ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (п. 16) // СПС «КонсультантПлюс». См. также: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (в ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

² Там же.

³ См.: Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 27.09.2023 по делу № 22-2025/2023.

По другому уголовному делу участие в деятельности Международного христианского движения (МХД) «Новое поколение» на территории Российской Федерации¹ выразилось в:

– участии в мероприятии – конференции церковью Международного христианского движения «Новое поколение»;

– хранении в целях распространения и распространении неограниченному кругу лиц при проведении публичных мероприятий информационных материалов, в том числе религиозной литературы, фото- и видеоматериалов, издаваемых и имеющих отношение к деятельности МХД «Новое поколение»;

– хранении в целях распространения на общедоступных используемых лично персональных страницах социальной сети «ВКонтакте» и социальной сети «Instagram» и распространении неограниченному кругу лиц, имеющих свободный доступ к указанным страницам в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», информационных материалов, в том числе фото- и видеоматериалов, издаваемых и имеющих отношение к деятельности МХД «Новое поколение»².

От первой формы деяния (участие в мероприятии – конференции церковью Международного христианского движения «Новое поколение») следует отличать поведение, «состоящие исключительно в реализации своего права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе посредством индивидуального или совместного исповедования религии, совершения богослужений или иных религиозных обрядов и церемоний», которые сами по себе не образуют состава преступления. Такие разъяснения даны Пленумом Верховного суда РФ по ч. 2 ст. 282² УК РФ³.

Таким образом, основываясь на ст. 3.1 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», под участием следует понимать:

– распространение информационных материалов, издаваемых иностранной или международной организацией и (или) распространяемых ею, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

¹ Решением Генеральной прокуратуры РФ от 23.08.2021 признана нежелательной на территории Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

² Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула от 30.01.2024 по делу № 1-109/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (в ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (п. 20).

– производство или хранение таких материалов в целях распространения; осуществление на территории РФ программ (проектов) для иностранной или международной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории РФ;

– запрет на участие в деятельности иностранной или международной организации за пределами территории РФ граждан Российской Федерации, лиц без гражданства, постоянно проживающих в РФ, и российских юридических лиц¹.

В ч. 2, как и двух других частях рассматриваемой статьи, содержится самостоятельный состав. В ней ответственность закреплена за три альтернативные формы деяния: предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности в соответствии с законодательством РФ.

По существу, в ней действия пособника получили самостоятельную уголовно-правовую оценку; нормы, содержащиеся в ст. 284¹ УК РФ, можно назвать парными, они дублируют положения института соучастия, тем самым размывая его.

Кстати сказать, Уголовный кодекс РФ до дополнения ст. 284¹ частью 2 уже содержала ст. 205¹ УК РФ, предусматривавшую ответственность в том числе за финансирование терроризма (ч. 1¹). Его определение дается в примечании 1 к ст. 205¹ УК РФ, под ним понимается «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений...». Наказание за финансирование терроризма сопоставимо с наказанием за совершение преступлений террористической направленности. Позиция законодателя, как нам кажется, является оправданной, поскольку, например, предоставить оружие или взрывное устройство для совершения одного преступления менее общественно опасное деяние, чем финансировать подобную организацию. Эти рассуждения актуальны и для обоснования выделения ч. 2 ст. 284¹ УК РФ, отметим лишь, что с точки зрения правил законодательной техники при изложении ч. 2 можно было бы так же, как и в ст. 205¹ УК РФ, указать: «Финансирование деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

В ч. 3 ст. 284¹ УК РФ закреплена ответственность за организацию деятельности рассматриваемых организаций. Так, СУ СК РФ по Краснодарскому краю возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 284¹ УК РФ в отношении С., который с 20.11.2014 являлся председателем ассоциации «Центр совершенствования "Фалунь Дафа"», стремясь к продолжению деятельности World Organization to Investigate the Persecution of Falun

¹ СПС «КонсультантПлюс».

Gong Inc. («Всемирная организация по расследованию преследований Фалуныгун») (США) и др., выступая в качестве организаторов, разработали и выполнили ряд мероприятий, направленных на продолжение деятельности данных организаций на территории Краснодарского края путем вербовки и вовлечения новых членов в данную нежелательную организацию, поиск и аренду помещений для проведения собраний и встреч, созывов и проведение данных собраний и встреч, осуществили администрирование интернет-ресурсов, направленных на популяризацию вышеуказанных организаций¹.

Такая оценка деяния соответствует позиции Пленума Верховного суда РФ, изложенной в постановлении о судебной практике по делам, предусмотренным ч. 1 ст. 282² УК РФ. «Под организацией деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации... следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация вербовки новых членов, шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации)»².

Как было указано, в ст. 284¹ УК РФ термин «руководство» деятельностью подобных организаций заменено на «организацию», что соответствует другим статьям Особенной части УК РФ, в которых закреплена ответственность организаторов и участников деструктивных организаций.

В части 3 ст. 3.1 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» руководство деятельностью подобных организаций предполагает «организацию подготовки и осуществления действий, совершение которых подпадает под запрет после признания деятельности организации нежелательной на территории РФ. Кроме того, руководство также может быть выражено в осуществлении текущего управления деятельностью организации, планировании целей и задач дальнейшей деятельности организации, распределении функциональных обязанностей между членами организации, разработке мер конспирации и организации налаживания коррупционных связей с представителями органов государственной власти и т.д.».

В примечании к ст. 284¹ УК РФ содержится специальный вид освобождения от уголовной ответственности участников в деятельности подобных организаций. В нем выделены две альтернативные группы условий, необходимых для освобождения

¹ См.: Постановление Первомайского районного суда г. Краснодара от 09.08.2024 по делу № 3/1-98/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (в ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (п. 20).

лица от уголовной ответственности. Первая группа – добровольное прекращение участия в деятельности иностранной или международной организации; вторая – содействие пресечению деятельности такой организации, для обеспечения которой оно предоставляло или собирало средства либо оказывало финансовые услуги, и если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления.

Адвокат настаивал о необходимости применения к Б. примечания к ст. 284¹ УК РФ. Судом апелляционной инстанции его доводы были обоснованно отвергнуты, поскольку доказательств добровольного прекращения осужденным участия в деятельности международной неправительственной организации материалы дела не содержат. Ссылка адвоката на то, что Б. не пользовался созданной им в 2016 г. страницей в сети «Интернет», забыл о ее существовании, а тем самым добровольно прекратил свое участие в указанной организации, не обоснована. По смыслу уголовного закона основанием для применения рассматриваемого примечания является выход из состава организации, невыполнение распоряжений ее руководителей, отказ от совершения иных действий, поддерживающих существование организации. Судами же первой и апелляционной инстанций таких действий со стороны осужденного не установлено, напротив, преступные действия Б. были пресечены сотрудниками правоохранительных органов¹.

Приведем другой пример. Доводы Ш. о добровольном прекращении участия в деятельности нежелательных организаций путем удаления им всех исследуемых записей в социальных сетях не являются основанием для прекращения уголовного преследования. Так, удаление исследуемых записей позднее возбуждения дела, но до предъявления обвинения не обладает признаками добровольного прекращения участия в деятельности организаций, в отношении которых принято решение о признании нежелательными. Кроме того, тексты публикации удалены спустя более трех месяцев с начала уголовного преследования².

Под добровольным прекращением участия в деятельности организации следует понимать прекращение лицом преступной деятельности по собственной воле при осознании им возможности ее продолжения. При этом прекращение деятельности должно быть окончательным, т.е. не должно носить временного характера. В частности, добровольное прекращение может выражаться, например, в выходе из состава организации, невыполнении распоряжений ее руководителей, отказе от нарушения запретов, предусмотренных законодательством, отказе от совершения иных действий, поддерживающих существование организации.

¹ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.10.2023 № 77-3692/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Абзац 2 п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // ВС РФ. 2011. № 8.

Список источников

1. Власенко В.В. Уголовная ответственность за осуществление деятельности на территории РФ иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности (ст. 284¹ УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 2. С. 23–27.
2. Нудель С.Л. Уголовно-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 62–72.

References

1. Vlasenko V.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za osushchestvlenie deyatel'nosti na territorii RF inostrannoi ili mezhdunarodnoi nepravitel'stvennoi organizatsii, v otnoshenii kotoroi prinyato reshenie o priznanii nezhelatel'noi na territorii RF ee deyatel'nosti (st. 284¹ UK RF) [Criminal liability for carrying out activities in the territory of the Russian Federation of a foreign or international non-governmental organization, in relation to which a decision was made to recognize its activities as undesirable in the territory of the Russian Federation (Article 284¹ of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Ugolovnoe pravo*, 2016, no. 2, pp. 23–27.
2. Nudel S.L. Ugolovno-pravovyye mekhanizmy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti [Criminal law mechanisms for ensuring national security]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2023, no. 11, pp. 62–72.

Информация об авторах / Information about the authors

А.И. Чучаев – доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН РФ, заслуженный деятель науки РФ (Москва, Российская Федерация).

✉ mokshal@rambler.ru

A.I. Chuchaev – Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist (Moscow, Russian Federation).

Ю.В. Грачева – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация).

✉ jygracheva@msal.ru

Yu.V. Gracheva – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 24.10.2024;

одобрена после рецензирования / revised 27.10.2024;

принята к публикации / accepted 22.11.2024.